

1

1973

**У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т**

НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ

Фото И Сапожкова

В НОМЕРЕ:

РАЗДУМЫВАЯ ВМЕСТЕ С ВАМИ	2
Е. Ананьев. ПУТЬ В НАУКУ	5
М. Найдич, А. Зырянов. СТИХИ	8
Г. Анкина. ПО ПАРТИЗАНСКОЙ ТРОПЕ ЗА НОВЫМИ НАХОДКАМИ, СЛЕДОПЫТЫ!	9 11
Е. Темчин. РЫЖАЯ. Рассказ	12
СЛЕДОПЫТСКАЯ ХРОНИКА	25
Е. Княжецкая. СТРАНСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОБОЛЬСКОГО КАЗАКА ФЕДОРА СКИБИНА	26
С. Мухин. ПОСЛЕ ДОЖДИЧКА, В ЧЕТВЕРГ. Рассказ	30
А. Матвеев. ПРИГЛАШЕНИЕ К ПОИСКУ. А. Анушкин. ГДЕ РЕКА СОЛОНА? (Страна Топонимия)	33
В. Исхаков. БОЕВОЙ ОТПУСК	36
В. Сапожников. ИСЧЕЗНУВШАЯ ПЛОТИНА НАЙДЕНА	39
Ю. Сериков. СЕМЬ СУТОК ПОД ЗЕМЛЕЙ	39
И. Росоховатский. НЕУДАЧНИКИ. Фантастическая повесть.	40
НОВЫЙ ФОТОКОНКУРС ЖУРНАЛА	58
Д. Финкельштейн. УТОЛЕНИЕ ЖАЖДЫ	63
С. Долгова. РУКОЙ АВТОРА	70
Н. Николаев, С. Матюшин, В. Рябицев. ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ	72
Г. Димов. НЕРУКОТВОРНЫЕ	78
СЕРЬЕЗНОЕ С КУРЬЕЗНЫМ	80

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР,
СВЕРДЛОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

1
1973

ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

Средне-Уральское книжное издательство

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТЫ

РАЗДУМЫВАЯ ВМЕСТЕ С ВАМИ...

Строки из анкет

*Держитесь принятого
вами курса... Пропаган-
дируйте чистоту помы-
слов, поступков людей,
смелость в борьбе за
охрану природы.*

Мельников, г. Пермь.

*Если можно, пишите
больше о профессиях.
Сейчас многие избира-
ют себе дорогу, но пра-
вильно выбрать не мо-
гут.*

*Ученица 8-го класса,
г. Свердловск.*

*Очень бы хотелось,
чтобы журнал больше
печатал исторических
вещей — о загадках,
тайнах, открытиях, ис-
следованиях и, конечно,
— о советских раз-
ведчиках.*

*Студентка Т. Белова,
Камчатская обл.*

*Публикуйте, пожа-
луйста, больше расска-
зов о любви.*

*Ученица 9-го класса,
село Косулино.*

— Скажи, пожалуйста, что тебе нравится во мне, что ты считаешь моим недостатком! — такой вопрос не часто можно услышать. И не потому, что человека не волнует мнение товарища о нем, особенно близкого. Волнует, и очень. Но этот вопрос нередко замирает на устах, и мы предпочитаем прямому ответу косвенные доказательства уважения к нам, оценки своего поведения, способностей.

Вроде бы нескромно напрашиваться на комплимент, если мы уверены в себе и ждем положительный ответ, и не очень-то приятно выслушивать ответ отрицательный, если мы допускаем такую возможность со стороны того, к кому обращаемся. Тем более, думаем мы, где гарантия, что ответ будет достаточно искренним! Товарищ, критически относящийся ко мне, может пощадить мое самолюбие и ответить уклончиво, а может быть, и наоборот — перегнет палку, и не миновать обиды.

«... а слышать о себе правду от другого — необходимо» — так писал неистовый поборник правды великий Белинский.

Не без волнения обратились мы с анкетой к нашим подписчикам в прошлогоднем апрельском номере журнала. Нам нужно было убедиться, кто преимущественно читает «Уральский следопыт», что нравится, а что не нравится в журнале, и выслушать пожелания.

Тысячи писем пришли в редакцию. Мы внимательно изучали каждую анкету, читали и перечитывали замечания, изложенные на отдельных листках, — для нас это был живой разговор с нашими вдумчивыми и откровенными товарищами.

В своей работе мы прежде всего ориентируемся на подростков. Но действительно ли подростки наши основные читатели? Анкета ответила — да. Более половины читателей — ребята в возрасте до 17 лет. В основном — школьники. Еще точнее — учащиеся 7—8-х классов. Интерес к «Уральскому следопыту» начинает возрастать у ребят с 5-го класса школы, в какой-

В нашей семье все чем-то увлекаются: жена (инженер) коллекционирует кактусы; дочь (3-й класс) собирает календарики и русских матрешек; сын (8-й класс) — все, что связано с авиацией, я (инженер) собираю значки — гербы городов и памятники архитектуры древней Руси, вырезаю корни деревьев — подсвечники и фигурки зверей.

Заведите в журнале страничку увлечений, отдел «хобби».

Сорины, г. Москва.

Мнение нашего класса: в общем журнал интересный. Устраивайте побольше конкурсов.

Ученики 6-го класса, г. Горький.

Это — наш семейный журнал. Печатайте больше истории, фантастики — в этом ценность вашего журнала. Сделайте журнал толще. В конце номера можно и чуть-чуть больше юмора.

г. Нефтекамск.

Лучше, ярче надо писать об умельцах, о людях, влюбленных в свой труд.

Жаль, что журнал выписываю первый год. Шея, Пермская обл.

Ваш журнал я читаю с большим интересом и пишу его в цех, и там читаем всем коллективом, кроме фантастических рассказов, т. к. в них герои в большинстве иностранцы.

Электромонтер, пос. Вятчино, г. Серов.

Мне бы хотелось, чтобы на страницах журнала были статьи на тему «Мое место в жизни».

Т. Овчинникова, г. Ивдель.

то мере, судя по числу ответов на анкету, ослабевает у десятиклассников. Но если это и так, ничего удивительного в этом нет. У каждого возраста — свои интересы, свои интересы — свои журналы.

Уровень культуры, образованности в нашем обществе из года в год повышается. С некоторой долей условности можно, например, утверждать, что нынешний восьмиклассник по своему развитию близок выпускнику средней школы, допустим, 1963 года. Следовательно, и нам, чтобы «не отстать» от своего основного читателя, необходимо расти вместе с ним.

Изучая анкеты, мы обратили внимание, что немалое число их носит «семейный» характер: то есть отвечает на вопросы кто-либо из старших в семье, а внизу приписка: «Читаем вчетвером. Двое — школьники». Иные анкеты носят не «семейный», а «классный» характер. Наташа из Ташкента пишет, что журнал, который она выписывает, читает 31 человек — весь девятый класс. Кстати, Наташино письмо очень содержательное, оно заинтересовало нас. Нам бы хотелось познакомиться с этим классом, завязать с ребятами переписку. И мы надеемся, что Наташа и ее друзья откликнутся еще раз и сообщат нам свой адрес.

Таким образом, мы вправе предполагать, что фактически читателей-подростков значительно больше, чем анкет, помеченных возрастом «до 17 лет».

И второй не менее важный вывод: следовательно, журналом интересуются не только младшие, но и старшие. Как в этом случае найти ту «единственную линию», которая будет точно отвечать определенному возрасту?

Исследуя вопросы, связанные с образованием читателей, мы видим, что подавляющее большинство их — люди со средним образованием. А уровень образования во многом определяет читательские интересы. Ведь вполне может быть, что «читающие вчетвером» имеют хотя и разный жизненный опыт, но примерно одну и ту же образованность. Существует, кроме того, мнение, что книжка, занимающая подростка, может быть одинаково занимательной для всех возрастов. Другое дело, что редко такие произведения появляются на свет.

Нам, видимо, нужно чаще обращаться к нашим подписчикам, почаще уточнять, кто они, вернее знать, что они ждут от журнала. К этому вопросу мы еще вернемся.

Самую большую группу читателей (после школьников) составляют молодые рабочие, учащиеся профессионально-технических училищ и техникумов, самую меньшую — военно-служашие.

В анкете мы задавали вопрос о местожительстве читателей. Ответ такой: 65 процентов — горожане, 16 процентов — жители рабочих поселков, 19 процентов — жители сел, деревень. Цифры эти в известной степени соответствуют фактическому размещению населения в нашей стране.

Из приславших анкеты около половины тех, кто выписывает журнал от двух до пяти лет. И здесь можно проследить стабильность основной возрастной категории читателей. Начинают, допустим, выписывать «Уральский следопыт» ученику пятого класса или шестого. А затем, уже кончая школу, наш читатель переключается на более «солидные» издания, так называемые «толстые» журналы. Хотя немалый процент читателей (188 из тысячи, взятой нами для анализа) продолжает дружить с «Уральским следопытом».

На Урале есть много загадочных мест, их надо изучать, исследовать и писать о них. Близ Березников есть пещера, никем еще не исследованная. Я бы охотно включился в экспедицию.

П. И. Бабин, 52-х лет,
г. Березники.

Благодаря вашей «Операции «Ч» река стала чище, в ней появились хариусы, которых не было с 1950 года примерно.

Рабочий.

Хотелось бы, чтобы журнал еще резче и решительнее выступал за охрану уральской природы. Может, следует завести в журнале специальный раздел?

Рабочий совхоза,
Черемшанка
Свердловской обл.

Пишите о тайге, о природе, об охоте, об уральской земле — на то вы и «Уральский следопыт». Чаще публикуйте и приключенческие повести и рассказы.

Рабочий,
г. Ленинск-Кузнецкий.

Особенно люблю фантастику и юмор. Печатайте их больше. И проводите чаще анкеты.

Ученик 7-го класса,
г. Белорецк.

Повести о войне, детские и простые, а нужно рассчитывать на молодежь. О любви совсем мало.

Ученик 10-го класса,
г. Уфа.

Фантастические рассказы сразу печатайте полностью. Я не могу дожидаться, когда будет следующий номер, если рассказ меня очень захватит.

Ученик 7-го класса,
г. Алапаевск.

А семь процентов читателей выписывают «Уральский следопыт» более десяти лет подряд, причем есть подписчики журнала с самого первого номера. Читатель же из поселка Лобва Свердловской области сообщил нам в анкете, что у него хранятся и девять номеров журнала «Уральский следопыт», вышедших еще в 1935 году. Действительно, в 1935 году было выпущено несколько номеров «Уральского следопыта», являющихся сейчас библиографической редкостью, а «вторая» жизнь журнала началась с 1958 года.

Итак, мы установили примерно — кто сегодня читает журнал. А каково отношение читателя к содержанию журнала?

Несколько лет назад некоторые товарищи высказывали мнение, что тема минувшей войны постепенно утрачивает интерес для читателя: о войне-де было много написано, да и прошло после нее много лет. Но вот результат опроса говорит о другом: ВСЕГДА читают документальные произведения о войне 82 процента заполнивших анкеты, художественные произведения о войне — повести и рассказы — еще больше — 85 процентов. Военная тема среди всех других тем стоит на первом месте.

Жива и нетленна в народе память о героических годах Великой Отечественной войны, о наших солдатах, разгромивших фашизм, о наших рабочих и колхозниках, вынесших на своих плечах тяжкое бремя тыла. И не все еще подвиги увековечены, не все герои известны. Тема войны — высокая и трагическая — волнует читателей от мала до велика.

Среди ответивших на анкету многие регулярно знакомятся с материалами о героях революции.

А наши дни — с их сложностью, героичностью, проблемами — разве они менее достойны внимания? Ответы такие: повести, рассказы, очерки о наших днях ВСЕГДА интересуют 61 процент читателей, ИНОГДА — 33 процента, НИКОГДА эти произведения не читают 6 процентов читателей. Над этими цифрами стоит поразмышлять, тем более, что очерки о новостройках, нередко публикуемые в журнале, читаются всего лишь одной третью заполнивших анкеты. Чем же все это объяснить?

Первый упрек мы должны адресовать самим себе — еще недостаточно, видимо, требовательны мы к таким материалам.

В анкете была довольно сложная группа вопросов «Что вы цените в прочитанном». Перечислялись пять качеств материалов: документальность, художественность и образность, увлекательный сюжет, острые проблемы, познавательность.

Нужно оговориться, что такое «жесткое условие» не совсем устроило наших читателей. Поэтому нередко в анкетах писали: «Ответить затрудняюсь». В самом деле, трудно предпочесть художественность документальности, острые проблемы увлекательному сюжету и т. д. И все же кое-какой анализ ответов сделать можно.

Понятно, что у большинства читателей на первом месте стоит увлекательный сюжет. Ну кто станет спорить, что увлекательный сюжет — весьма уважаемое читателями качество [мы имеем в виду не только любителей сугубо приключенческих произведений, умело разработанный сюжет одинаково нужен и корреспондентии, и очерку, и — тем более — повести].

Окончание на стр. 68.

ПУТЬ В НАУКУ

На первых порах он складывался по традиционной схеме. Выпускника Московского нефтяного института имени Губкина, активного участника студенческого научного общества и коренного москвича, распределили во ВНИИГ — головной научный центр нефтяной геофизики в стране. Организация солидная, «производство» диссертаций поставлено на широкую ногу. Цепочка намечалась естественная: школьник — студент — лаборант — аспирант — кандидат.

В то время на Ямальском Севере работала сезонная экспедиция института, и молодого инженера направили в нее для сбора материалов для будущей научной работы. А осенью, когда экспедиция возвращалась в Москву, этот самый молодой инженер вдруг выложил на стол заявление: прошу уволить по собственному желанию. И остался в Салехарде на долгие годы.

Поисковые работы на Ямале только начались. Еще осматривался после газового Березова новый главный геофизик Ямало-Ненецкой экспедиции Вадим Бованенко, безвременно скончавшийся недавно вдали от родной северной земли — да будет бесконечно доброй память о нем. Еще гонял в этих местах своего железного конька — дрезину «тяни-толкая» — по рельсам заброшенной железной дороги начальник партии Кирилл Кавалеров, ныне лауреат Ленинской премии. Только начинали свои маршруты по рекам Таз и Пур молодые инженеры Аркадий (тоже лауреат Ленинской!) и Зинаида Краевы. В ту пору они лишь мечтали о нефти и газе Заполярья. Открытия соседей-березовцев прибавляли молодым ямальским геологам веру в будущее своего района.

Главный инженер институтской экспедиции, кандидат наук Дмитрий Тальвирский сам был в числе первых разведчиков тюменского газа. Написал там диссертацию и лишь после этого ушел в науку. Но душой оставался по-прежнему со своими товарищами-сибиряками. Вскоре он опять уехал на производство, к геофизикам Таймыра. Наверное, его рассказы о первых годах работы в Западной Сибири и заронили нотки сомнения: не правильнее ли своими руками, не на книжных полках, а на земле, добывать материалы для будущей научной работы?..

И, наконец, просто пришла пора проявить собственный характер. Видимо, у каждого человека есть какая-то мера внутренних требований, своего понимания жизни. Она-то и заставила молодого инженера выбрать из нескольких путей, может быть, самый трудный, но наиболее точно отвечающий его представлению об избранной профессии.

Разведочная геофизика — истинный герой «Третьего Баку». И хотя есть много способствующих обстоятельств — несложный подземный рельеф низменности, спокойное, «хрестоматийное» развитие геологических процессов, — это нисколько не умаляет значимости труда геофизиков, сплавивших традиционную геологию с математикой, физикой и даже астрономией.

После открытия березовского газа Западная Сибирь оглушила геологов своими масштабами. Огромные, равные по территории целым государствам, площади тайги и болот были совершенно не исследованными. Чтобы покрыть их сплошной сетью наблюдений, понадобились бы десятки лет. А время торопило, гнало — развивать успех надо было немедленно.

Водруженные на вертолеты и самолеты сейсмостанции проводили замеры на отдельных пунктах, километрах в восьми-десяти друг от друга. Каждая из таких точек сама по себе ничего не говорила. Но взятые вместе, они вдруг «проявляли» геологическую картину огромного района. После этого на самых обещающих участках можно было начинать поисковые работы.

Новшество, сократившее на десятилетия первый период разведки, тюменские геофизики назвали методом точечного сейсмозондирования. Одним из авторов его был Дмитрий Тальвирский. В Березове его впервые применил Семен Альтер, в Ханты-Мансийске — Евгений Сутормин. Леонид Гишгорн начал внедрять точечное сейсмозондирование в Надымско-Пуровском междуречье — там, где сейчас сосредоточены крупнейшие в мире месторождения природного газа.

...На этот раз мы встретились в лесотундровом поселочке Тарко-Сале, вскоре после открытия первой в междуречье Губкинской газовой залежи. Узнать его можно было на любом расстоянии: шкиперская борода, рыжим шнурком кантующая щеки, неизменный тренировочный костюм, придающий ему, признаться, не очень инженерский и уж совсем не начальственный вид.

— Здорово! — по невозмутимости приветствия можно было решить, что с Леной Гишгорном мы расстались не полгода, а всего

часа два назад. — Не слышал, куда буровики вертолет загнали? Опять план горит. Ну, ладно, вечером сбегимеся. Спросишь на берегу общежитие.

Скажем прямо, даже в тех неудобных местах трудно было найти пристанище, менее приспособленное для нормального человеческого жилья. Кособоккая избенка на берегу Пура щурилась разбитыми стеклами. Она считалась общежитием для временно прибывших и, казалось, раскачивалась вместе с буйными своими обитателями.

— Ничего себе, апартаменты. Где же твой вагончик? — я знал, что он положен начальнику партии.

— Есть вагончик, да вот... — неуверенно процедил Леонид. — Молодожены приехали. Знаешь что, пойдем-ка лучше погуляем, комары, небось, уже отбой сыграли.

Так, на ходу, мы и обменивались впечатлениями о здешней жизни. Впрочем, это не совсем точно — бытовые подробности моего собеседника не интересовали. «Работа недурно идет. Еще три структуры хорошие есть». Сам понимаешь, если первая газ дала, другие тоже пустыми не будут. Вот Уренгой — это сила!»

Тогда-то я впервые услышал об Уренгойской площади. И сейчас, когда заходит разговор о самом богатом в мире месторождении природного газа, мне невольно вспоминается поздний светлый вечер в Тарко-Сале, дурманящий запах багульника и Леня Гиригорн, по-журавлиному перешагивающий через сухие болотные кочки...

Он собирался тогда в отпуск и с удовольствием планировал свободный месяц. Вначале програть кости на Черном море, потом домой, в Москву, по премьерам побегать.

— Впрочем, по дороге в Ухту заехать надо, есть любопытная идеяка...

— Какая?

— Рано говорить, особенно вашему брату. Вот получится, тогда...

Защита очередного отчета какой-нибудь партии — событие для сотрудников «Главтюменгеологии» не из выдающихся. Она и проводится обычно по-домашнему, в тесноватой комнатке геофизического отдела.

Но в тот день ее пришлось перенести в актовй зал. Правда, там-то было пусто, и все инженеры-геофизики, включая прибывших в полном составе научных сотрудников института, разместились в нескольких передних рядах. Однако ж и это отклонение от правил говорило само за себя.

Именинником в тот день был начальник тематической партии треста «Ямалнефтегеофизика» Леонид Гиригорн. Ради такого случая он даже отказался от привычного спортивного наряда и был облачен в шикарный темный костюм с модно повязанным галстуком.

Докладчик говорил языком математики. Сквозь специальные тирады о функциях, кривых, корреляции едва брезжил дневной свет общих понятий.

Говорливым Леонида никак не назовешь, даже когда дело касается специальных тем. Отчет свой он кончил быстро, но вопросы посыпались разные — уточняющие, скептические, одобрительные. И хотя спорили долго, в оценке отчета все были единодушны: в геофизике сказано новое слово.

В чем же смысл этой работы?

Геология на сегодняшний день — наука описательная. Еще не взяв на вооружение математические и статистические методы обработки материала

(здесь ее опередили даже лингвистика и этнография), она порой как бы теряет объективные критерии, становится наукой-догадкой, наукой-легендой.

Помните наш разговор о конспиративной поездке Гиригорна в Ухту? Инженер-геолог ездил «на свидание» с электронно-счетной машиной, которая уже ведет некоторые геологические разработки.

За десять лет разведок ямальские геофизики накопили огромный фактический материал исследования сейсмических взрывов. Нельзя ли привести эти разрозненные показатели к единому значению, найти общие, пусть даже усредненные, понятия для всех взрывных волн? Оказалось — можно. Несколько лет Гиригорн работал над этой проблемой вместе со всей своей партией. И вот — первые результаты. Называются они скромно: общая корреляция подземного рельефа Севера Западной Сибири.

Есть вещи и понятия, которые кажутся неизбежными.

Атом неделим. Человеческое сердце незаменимо. Азот не может служить основой для возникновения живых существ.

Но вот физик расщепляет атомное ядро, хирург делает пересадку сердца, астроном обнаруживает на других планетах органическую жизнь азотного происхождения. Опять неизбежная догма? Пока — до нового «потрясения основ».

Это касается не только всеобщих, планетарных явлений. Такое случается и в более прикладных сферах деятельности. Мы называем это диалектикой.

Западно-Сибирская низменность — единое географическое понятие, объединенное общностью рельефа, водных бассейнов, растительных и климатических зон. А геологически? Издавна считалось, что все внешние факторы Западной Сибири сохраняют свою общность и для предыдущих геологических эпох. Моря приходили и уходили, ледники наступали и отступали, но Западная Сибирь оставалась единым целым.

Чем же объяснить столь выразительную разницу глубин залегания полезных ископаемых в среднем течении Оби и на Крайнем Севере? Куда девался в Среднем Приобье природный газ, которого так много в Заполярье? Почему столь разнородны по условиям образования и абсолютному возрасту — два-три миллиона лет не в счет — месторождения Сургута и Ямала? Пока геологи объясняют это отдельными особенностями единого региона.

Гиригорн и его товарищи пошли по иному пути. Обобщив весь накопленный материал — вот для чего понадобилась электронно-счетная машина! — они пришли к выводу, что разница здесь — принципиальная. Иные глубины кристаллического фундамента, различное происхождение и мощность осадочных толщ подсказали им новый вывод: нет геологически единой Западной Сибири! Есть два разных региона: собственно Западная Сибирь и Север Сибири — древняя платформа, скрытая мощными, до семи километров, осадочными толщами.

Это открытие имеет не только теоретическое, но и громадное практическое значение.

Сейчас заполярные геологи готовятся к штурму больших глубин Надымско-Пуровского междуречья. Какие залежи могут обнаружиться под первыми газоносными пластами? Не могут ли эти пласты оказаться лишь гигантской «газовой шапкой», прикрывающей невиданные на нашей планете запасы нефти? Будут ли обычные геофизические методы таки-

ми же эффективными для больших глубин или понадобятся иные приемы разведки? Какие аналогии со Средним Приобьем останутся полезными, а какие потеряют практический смысл?

Об этом говорил Леонид Гиршгорн на одной из тюменских областных научно-технических конференций молодых специалистов.

Десять лет прошло с тех пор, как молодой инженер круто изменил, казалось бы, налаженную схему жизни. Ему есть что вспомнить о жизни на Ямале. Ну, а как обстоит дело с наукой?

Леонид и сейчас считает себя чистым производителем. Наверное, это не совсем правильно. Именно в таких специалистах, органически сочетающих глубокие знания и обширный практический багаж, и нуждается сегодня наука. Но попробуйте убедить в этом его самого. Друзья знают, что Леонид достаточно упрям. Несколько лет уговаривали его поступить в заочную аспирантуру. Отмолчится, кашляет скептически и переведет разговор на другую тему.

— Да ты возьми любой свой отчет, оснасти его глубокомысленной терминологией — вот тебе и диссертация! — кипятился кто-нибудь из товарищей.

— Возможно, — равнодушно изрекал Леонид. — Пошли в бассейн поплаваем.

— С тобой говорить... Честное слово, голова градусов на девяносто не в ту сторону повернута.

— На девяносто четыре, — с полной серьезностью подтверждал Леонид. — И охота тебе на всякую всячину нервы тратить... Собирайся быстрее.

Но статьи в научные журналы он посылал регулярно, их охотно публиковали. Признаться, до нас тогда никак не доходило это странное упрямство. Лишь потом поняли, что у Леонида своя система отсчета, по которой время для науки еще не подошло.

Однажды, приехав в Тюмень по делам своей партии, он на несколько дней скрылся от своих товарищей. И вынырнул из нетей довольный, даже не сумев выдержать обычный свой невозмутимый тон:

— Принимаю поздравления. Первый кандидатский сдан — философия.

Мы обрадовались.

— Молодчина!

— Взятая, наконец, за ум.

— Темнил-то зачем?

Кто-то из товарищей иронически поддел его:

— Через сколько лет защита?

— Хочешь сказать — через сколько месяцев? — усмехнулся Леонид.

Тут и остальные не выдержали. Ну, хвостун — то брыкался всеми четырьмя конечностями, то сразу грозится шапками закидать.

Впрочем, Леонида такая нелестная аттестация не очень тронула. Дальше события разворачивались с кинематографической быстротой. Прилетел на соревнования — сдал английский язык. Вызвали на конференцию по обмену опытом — сдал спецпредмет. Дело за диссертацией. Зная, как долго и мучи-

тельно пишутся сии труды, мы ожидали от Леонида некоторого спада активности. Каково же было удивление, когда буквально через несколько недель он снова появился, загруженный толстенными машинописными томами.

— В отпуск, — деловито сообщил северный гость. — Диссертацию привез. Поеду искать научного руководителя.

— Все не как у людей. Научного руководителя до диссертации ищут, а не после.

— Так мне раньше не требовалось, — легкомысленно ответил Леонид.

— Сколько же ты времени ее писал?

Леонид сразу посерьезнел:

— Диссертацию? Десять лет. Пока в поле работал. И еще несколько недель, точно не помню. Но это несущественно.

И вот — защита. Зал ученого совета Тюменского индустриального института. Леонид Гиршгорн снова в парадном костюме, при том же ультрамодном галстуке. Он уверенно переходит от диаграммы к геологическим картам, от графиков — к испещренным цифрами таблицам. Речь короткая, деловая. Затем вопросы, традиционные выступления оппонентов и членов ученого совета.

Я смотрю на молодого инженера. О чем думает он сейчас, что вспоминает? Здесь, в зале, его товарищи, с кем начинал он нелегкий путь по тундре. Специально прилетел с Таймыра первый начальник, уже известный нам Дмитрий Тальвирский. Он одобрительно поглядывает на коллегу — вырос, вырос студент! О том же, наверное, думает глава тюменских геологов, лауреат и Герой Юрий Георгиевич Эрвье — такие парни достойно продолжают начатое им дело. Рядом — управляющий заполярным трестом Аркадий Краев.

И тут же совсем молодые специалисты, вчерашние студенты. Насколько поучительным будет для них жизненный и инженерный опыт человека, всегда шедшего своим путем? Ведь бродя по тундре, открывая месторождения, ежедневно решая практические вопросы разведки в новом районе, Леонид Гиршгорн все равно шел к науке, только не семенящими шажками вечно подмастерья, а размашистой поступью открывателя. И сама ученая степень стала не венцом усилий, а закономерным итогом прямого служения делу.

Через день после защиты я провожал Леонида Гиршгорна домой, в Лабитнанги. Он уже растерял свой осанистый кандидатский вид и казался — долгозый, бородатый, в какой-то жокейской кепчонке, со знаменитым по всему Северу бездонным баулом в руках — безмятежным отпускником, догуливающим последние дни.

Автобус в аэропорт запаздывал. Верный себе, Леонид не высказывал нетерпения. Но по троллю, как он перекадывал с места на место баул да искоса поглядывал на расписание, можно было понять: волнуется. И словно в подтверждение, он мечтательно произнес:

— Ребята вчера звонили. Ждут. Они ведь больше меня волновались. Эх и дел накопилось!..

**Михаил
НАЙДИЧ**

Идут плоты

Ночь незаметно надвигается,
Роняя звезды с высоты.
Уже открыта навигация,
По Иртышу идут плоты.
А плотогон! —

в едином замысле

Луна и волны льнут к ногам.
Я переполнен доброй завистью
К его пятнадцати годам.
Ведь он свое не получил еще;
Ведь впереди наверняка
И мореходное училище
И океан,
А не река.

Откос... Кустов переплетения
Берут, как звери, на испуг,
Но под сырым

(хоть выжми) тельником

Спокойно сердце: тук да тук.

И жизнь не пыльная, не грубая;

Зевнешь —

Волна сбивает с ног...

И я сложил ладони рупором

И закричал:

— Держись, сынок!

Глухомань

Мети, метель,

тайгу проветривай!

Зажги на кронах белый свет!

В тайге,

лишь с виду неприветливой,

Я отдыхаю от сует.

Здесь глушь.

Здесь стынут кедры-витязи,

Как после праведных трудов.

Отсюда

по-иному видятся

Огни далеких городов!

**Анатолий
ЗЫРЯНОВ**

Ты из праха,
лейтенант Зырянов,
поднимись
и павших подними...
Ваши раны —
Это наши раны,
сынвей,
не видевших войны.
Ни одно нас горе
не осилило

Живые обелиски

на ветрах неистовых
и злых.
Ты была завещана,
Россия,
Нам — рожденным в тех,
сороковых...
Надо мной сейчас
также сгни
щедро
распахнула высота!

Я иду просторами России,
и земля бессмертьем налита.
Я иду по ней,
такой мне близкой.
Провожая
в долгий путь меня,
вслед глядят
живые обелиски
в озаренном
Вечного огня.

ПО ПАРТИЗАНСКОЙ ТРОПЕ

Наша школа в далеком северном поселке Мулымья Тюменской области существует второй год. Немного моложе клуб «Искатель», но на счету его уже 35 следопытских походов. Цель их — собрать краеведческий материал о становлении Советской власти в Кондинском районе нашего края.

В самых первых «вылазках» искатели встречались со старожилыми Шаима, Полушаима, Половинки. От них следопыты узнали, что в марте 1921 года на Конде вспыхнул мятеж, организованный белогвардейцами. Банды двигались вверх по реке Конде, расправляясь с коммунистами. Хитростью, обманом, насилем вербовали они людей.

Небольшой отряд красноармейцев под командованием Михаила Салтыкова первым вступил в борьбу с мятежниками. В неравной схватке М. Салтыков был убит.

Ребята узнали, что Михаил Салтыков был родом из Пелыма, коммунист. Со своим отрядом он бывал на Конде еще два раза: летом 1919-го и зимой 1920 года.

В прошлом году искатели решили пройти по дорогам красноармейских отрядов.

Дневник одного из походов вела ученица 9-б класса Галина Анкина.

Н. Г. ЛОПАРЕВ, директор мулымской школы

«Этот поход мы посвятили 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Главная задача — полнее узнать, как устанавливалась Советская власть в нашем крае. Собранные материалы и экспонаты найдут место в школьном музее.

22 марта. День первый

Раннее утро. Все готовы к выходу по маршруту. Торжественные проводы. Директор школы произнес напутственное слово. По пути останавливаемся в Полушаиме у памятника борцам, погибшим в 1921 году. Это уже стало традицией. Командир отряда Сергей Разманов отдал рапорт секретарю Шаимского сельского Совета. И вот мы в пути.

Вокруг необозримые болота. Идем по мокрому снегу. Приходится часто менять направляющего для прокладывания лыжни. Передвигаемся с трудом. Но мы знаем, что красноармейцам в 21-м было в сто раз труднее.

Вот мы на границе Свердловской и Тюменской областей. В сумерки вышли к Толокорпскому озеру. Здесь нас ждет гостеприимная охотничья избушка. Она словно сказочная. Затерялась в дрему-

чем лесу и стоит себе на небольшой полянке, окруженная светленькими березками и угрюмыми елями. Ждет гостей.

23 марта. День второй

Утром после завтрака опять в путь. Идем мелким осинником. Принято считать осину бросовым, сорным деревом, а оно так нужно в лесу. Сколько лесных обитателей кормится зимой горькой осиновой корой: лоси, зайцы, бобры. Слышен стук дятла — он готовит себе гнездо. Поживет он в нем один сезон, а затем уступает свое место скворцам, горихвосткам, поползням и другим полезным птицам, защищающим лес от вредителей. Рядом вспорхнула куропатка, сколько их? Много следов в снежной открытой книге. По иным можно прочитать целый рассказ о том, что здесь происходило.

Показалась деревня Старцева, а следом — Петрова. Во второй раз жители этой деревни встречают наш отряд. Размещаемся в школе. Тут же нас окружают местные ребята, задают десятки вопросов — успевай только отвечать. Жители просят

дать концерт. Мы соглашаемся. Перед концертом рассказываем о роли туризма, о задачах похода.

24 марта. День третий

Наш путь лежит в Олимарью. Здесь уже вытаяли снега. На лыжах передвигаться невозможно. Идем пешком. Вот и деревня. Гурьбой вваливаемся в гостеприимный дом Носкова. Большая деревенская изба, выложенная из толстых бревен, вмещает весь отряд. Пока варится уха, не теряем времени. Разбились на несколько групп и пошли беседовать со старожилками. И снова в блокнотах появились адреса участников событий тех далеких времен. Особенно нас заинтересовал один из участников подавления кондинского восстания Константин Ефимович Овешков из Зыкова. От него можно многое узнать. Но живет он в стороне от нашего маршрута.

25 марта. День четвертый

Идем по болоту. Угощаемся клюквой, показавшейся из-под снега. Какая она сочная и вкусная! А дома к ней даже не хочется притрагиваться. Другое дело сейчас, в походе. Проходим деревню Омелино, через которую в 1921-м двигались милициские отряды Салтыкова и Вотинова. А вдали уже показались крыши Еремино. Любопытные деревенские мальчишки по пятам следуют за нами. Встречаемся с ребятами средней школы. Они работали по нашему заданию и сейчас вручили интересные материалы и фотографии. От них мы тоже услышали об Овешкове. Рассказы об этом человеке похожи на легенду. Нам очень захотелось встретиться с ним. Вечером принимаем решение изменить свой маршрут и через Пуксинку двинуться в Зыково.

26 марта. День пятый

По утреннему морозцу, подернувшему тонким ледком лужи на дорогах, мы вышли из Еремино. Путная машина подбросила нас до Зыкова. Остановились прямо у дома Овешкова. Нас приветствовал могучий девяностолетний дед. Несмотря на возраст, выглядит он бодро. Усы похожи на чапаевские. Свое давнее шестидесятилетие называет молодостью. Кажется, его богатырскому телу и могучему голосу тесно в маленькой избе.

Интересна судьба этого человека. Константин Ефимович с десяти до двадцати двух лет батрачил. Потом ушел на военную службу, участвовал в свержении царизма. В восемнадцатом году приехал в Зыково, вел разъяснительную работу среди населения.

Вот как описывает Константин Ефимович один из митингов, который он проводил: «Обращаюсь к собравшимся: «Дорогие товарищи, встанем все под ружье, как один, от семнадцати лет до семидесяти, но не пустим к нам беляков. Если они придут, то не дадут нам жизни...» Трудно было тогда вести подсчет голосов — кулаки за белых обе руки поднимали. Но я нашел выход. Взял две жерди и предложил всем, кто за красных, братья за одну жердь, а кто за белых — за другую. Руки земляков потянулись к жердям. Горько было видеть, что часть голытьбы все-таки примкнула к богатеям. «Не за свою жердь беретесь, — пытался я их убедить. — Придет время — каяться будете». Тогда и был сформирован партизанский отряд для борьбы с белыми бандами».

Немногочисленный отряд совершал дерзкие налеты, наводил ужас на врагов. В 1919 году несколькими колчаковцам удалось выследить Константина

Ефимовича в деревне Якушино в доме Арсения Васильевича Зыкова. Белогвардейцы налетели на него врасплох, пытались свалить с ног, но богатырь не поддался. Тогда Константину Ефимовичу перехлестнули ноги веревкой, свалили на пол и избивали. Потом привязали к саням и погнали лошадей в деревню Зыково.

Тут беляки решили отметить свой успех. Безжизненное тело командира валяется в снегу, привязанное к кошеве. Можно на радостях и выпить. Но радость была преждевременной. Овешков высвободил опутанные веревкой ноги и бросился в дом. Колчаковцы, сложив в углу избы оружие, сидели за столом. Он повалил одного бандита, сбил с ног второго, и вот над застольем прогремел его могучий голос: «Прибью всех гадов». Беляки бросились бежать.

Через три дня Константина Ефимовича снова захватили в плен и отправили в Верхотурскую тюрьму. При отступлении из Верхотурья белые хотели расстрелять всех заключенных, но Овешков сумел организовать побег. Он организовал небольшой партизанский отряд и дошел с ним до Туринска. Здесь его избрали председателем поселкового Совета Пельмского лесничества. В 1921 году Константин Ефимович участвовал в подавлении кондинского мятежа. Его отряд преследовал остатки банды матерого врага Советской власти Печенкина и уничтожил его.

Долгие годы Константин Ефимович Овешков занимался общественной работой. Он встречался с Михаилом Ивановичем Калининским. Люди и поныне уважают его за смелость и справедливость. И мы долго находились под впечатлением его большой духовной силы и красоты.

27 марта. День шестой

Утром нас отвезли на машине в Гари. Здесь состоялась встреча с человеком, лично знавшим Михаила Салтыкова. Это Александр Харитонович Черемшинов. Продотряд Черемшинова из Гарей шел на Шаим весной 1921 года через Зыково, Пельм, Еремино, Ошелино. По пути отбирали оружие у кулаков. На зимовье его догнал отряд из шести человек под командованием Салтыкова. Он был послан Вотиновым на разведку.

Александр Харитонович рассказал нам, что Салтыков был среднего роста, черноволосый, энергичный, он люто ненавидел врагов Советской власти. Вместе они ехали тогда часа четыре. Затем Михаил Салтыков со своими товарищами двинулся дальше и в Полушаиме наткнулся на бандитов.

В Гарях в сборе материалов нам помогла редакция газеты «Советский Север», и в записных книжках у нас появились новые адреса участников подавления кондинского восстания.

30 марта. День седьмой

Два дня спустя мы снова в сказочной избушке охотников. Дежурные готовят ужин, остальные заняты обработкой материала. Последний прощальный костер, песни и разговоры, разговоры о дружбе. В походе она особенная — дружба.

31 марта. День восьмой

До дома рукой подать. Последний перелесок, и мы снова у памятника бойцам, погибшим в 1921 году. Отчитываемся о походе. И хотя был он небольшим, но сколько впечатлений оставил у ребят!

ЗА НОВЫМИ НАХОДКАМИ, СЛЕДОПЫТЫ!

Шесть лет «Уральский следопыт» проводит на своих страницах конкурс «На приз нашего журнала». За это время в нем приняли участие следопытские отряды из самых разных уголков нашей Родины.

Наш приз получил «постоянную прописку» в Барнауле и Запорожской области, в Якутии и Одессе. Победителями конкурса были школьники Минусинска, установившие не известный ранее адрес, куда шла почта и литература Владимиру Ильичу Ленину во время его сибирской ссылки; члены общества «Боян» из города Белая Калитва Ростовской области, которые собрали большой, имеющий научную ценность материал о замечательном произведении древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» и поставили на горе Караул единственный в стране памятник героям древнего эпоса; юные историки Челябинска, ведущие поиск о создании первого интернационального детского дома на Урале, и «гайдаровцы» из Львовской области, разыскивавшие прототипов героев поэмы К. Симонова «Сын артиллериста».

Многочисленные отряды любителей природы Урала, Сибири и других районов нашей страны участвуют в «Операции «Ч» — походе за чистоту и охрану рек и озер. Природа — это огромное народное богатство. Пусть в школьных лесничествах появятся десятки тысяч саженцев, города и поселки украсятся новыми садами и парками. Любить природу — значит, быть настоящими хозяевами своей Родины.

Конкурс «На приз нашего журнала» продолжается. В нем могут участвовать школьные отряды, краеведческие клубы при Домах пионеров, детских туристско-экскурсионных станциях и заводских Дворцах культуры и отдельные ребята. Тему поиска следопыты могут выбрать сами или обратиться за помощью в редакцию, музеи, комитеты комсомола. Поле деятельности самое широкое: история края, тема героизма советского народа в годы гражданской и Великой Отечественной войн, охрана природы, поиск в области литературы и искусства.

Помните о призыве челябинских школьников — помочь ученым воссоздать историю рабочего класса края. Хорошо, если следопыты найдут какие-то новые факты или документы о формировании рабочего класса в их местах, о первых революционных выступлениях пролетариата, о рабочих династиях, о людях большой и интересной судьбы.

Итак, друзья, ждем ваших материалов. Присылайте дневники, документы, фотографии. Лучшие рассказы будут опубликованы на страницах журнала. Как обычно, в апрельском номере мы объявим победителей конкурса. Им будет вручен приз и значки «Следопыт».

РЫЖАЯ

Рассказ

Евгений ТЕМЧИН

Рисунки Н. Мооса

Мы поселились на берегу озера. Корябые сосны обступали дом с трех сторон, прижимали его к воде. По ночам сосны гудели, а в черной глубине подлеска постоянно кто-то вздыхал, шевелился, хрустел сучьями. Мы выходили на крыльцо послушать. Собаки, мирно посапывая, лежали тут; их маленькие, острые уши при каждом новом звуке слегка вздрагивали. Иной раз Дамка и Уголек вскакивали и с лаем бросались в лес. Но вскоре они возвращались и устало укладывались, словно выполнив долг.

С тех пор, как мы поселились на этом пустынном берегу, собаки перекочевали на наше крыльцо. Неподалеку, метрах в пятистах, в рыбацкой избе жили мальчик Колюха, девочка Зинуля и их родители.

В здешних местах собаки сами добывают пищу. Так их приучают. Дамка и Уголек до нашего приезда тоже болтались по лесам, ловили разную живность.

По случаю приезда у нас был пир.

Первыми отправились спать Колюха и Зинуля, вскоре ушли и родители. А Дамка и Уголек, сыто отрыгивая, разлеглись на нашем крыльце, да так и остались. Едва мы появлялись в дверях, они оказывались тут же и глядели влажными добрыми глазами. Они любили свиную тушенку и копченую колбасу. Наши запасы понемногу таяли.

— Какие верные, хорошие псы,— говорила Уля и шла за консервным ножом.— Смотри, нам так хотелось собаку, а теперь у нас сразу две.

По утрам мы отправлялись на озеро. Я бросал в лодку тяжелый когтистый якорь, Уля укладывала на сиденья удочки, подсачок, банку с червями, мы налегали на лодку, и она с трудом шла по песку, оставляя

на нем темную борозду. Собаки бегали тут же и, виляя хвостами, глядели нам в глаза.

— Провожают,— говорила Уля.— Смотри, каждый раз провожают.— И бросала им ломтики колбасы.

Мы отчаливали. Дамка и Уголек еще долго бежали по берегу, провожая лодку.

К полудню, когда солнце поднималось и клев постепенно замирал, мы возвращались. Собаки уже ждали на берегу и облизывались. Рядом с ними сидел Колюха. Он брал подсачок с рыбой, вешал его на плечо, и мы шагали домой. Там Колюха перебирал рыбу, шлепая ладошкой по холодной и скользкой чешуе, и рассказывал всякие истории: то про шатуна-медведя, который ходит на муравьиные кучи, а корова Нюрка, как учует его, ревет и, будто полоумная, скачет домой; то про огромного лося, который никого не боится, приходит в гости к Нюрке и все старается вышибить рогами дверь хлева; то про желтую-прежелтую лисицу. Эта лисица очень ловко таскает рыбу с куканов, а изловить воровку никак не удастся. Таких историй у Колюхи полно. Мы их слушаем каждый раз. Но нас интересуют не эти истории. Нам нужно узнать, где в озере ямы. В ямах упруго ходят килограммовые окуни с темными спинками, полосатыми боками и оранжевыми колючими плавниками. В этих ямах стоят серебряные узкие, как клинки, сиги и тяжелые золотые язи. Ради них-то мы и приехали сюда, на Сямозеро, за тысячу километров от Москвы. Отыскать ямы в бескрайних озерных просторах оказалось нелегким делом. Колюха, конечно, знает, где их искать. Отец берет его в лодку, и они сначала с оглядкой ставят сети, а потом начинают удить на ямах. Мы пытаем-

ся подъехать к Колюхе и так и этак, но он умеет держать тайну.

— Тама,— кивает он в сторону озера,— вчерашь вытянули лещей вона каких,— и он вытягивает руку и стучает себя по плечу.— А язя взяли, дак в лодку еле заволокли.

— Прихвастнуть ты мастер,— завистливо говорит Уля.

— Я-а?— веснушки на круглом Колюхином лице темнеют, а глаза становятся, будто у филина.

— Заливщик ты,— смеется Уля.— Мы вот ловим подлещиков с ладошку и не хватаем, будто они с поднос. Почему? Честные люди. И ям никаких нет в нашем озере. И лещей ты вчера не ловил потому, что в лес ходил Нюрку пасти. Я видела.

Колюха сопит и смотрит на меня.

— А хошь побожусь! Намедни щуку пымал, дак телом, как Дамка, толста.

— Не надо,— говорю я.— Тебе побойжиться все равно, что плюнуть.

— Нет, давай побожусь,— настаивает Колюха.— Жалко тебе, что ли?

— Ты бы сказал, как на ямы пройти,— ведет свою линию Уля.— Чего зажимаешься?

Колюха переводит взгляд на нее, потом отворачивается к озеру и ухмыляется.

— Тама,— кивает он.— Тама они, у островов.

Но у островов под водой торчат валуны, а между валунами желтый песок. Те места мелкие, и крупная рыба на них не держится.

— Ладно,— безнадежно говорит Уля.— Угощайся помидорами. И Зинуле захвати. Она тоже их любит.

Помидоры— Колюхина страсть. Это они заставляют его поджидать нас на берегу, тащить подсачок с рыбой, выслушивать Улины наскоки. Он впивается крупными редкими зубами в сочную помидорную мякоть, закрывает от удовольствия глаза.

— Ладно,— наконец милостиво обещает он.— Завтра покажу.

— Возьми конфеты,— сразу откликается Уля.— Вкусные.

— Завтра будите.— Он прячет в карманы помидоры и конфеты, поднимается, критически оглядывает наш улов и смеется:— Нюрку пасти надо. Пошел я.

Так каждый раз.

В магазин с нами бегут Дамка и Уголек. Они— верные друзья. Жаль, что ямы не могут показать. Собаки веселятся, гоняются друг за другом, сшибаются, притворно рычат. Так в их сопровождении мы и появля-

емся в поселке. Уля всегда первая замечает опасность и хватает камень. Поселковые псы— худые и драчливые,— подняв хвосты, как паруса, медленно приближаются. Дамка и Уголек бросают игру, трутся о наши ноги. Они боятся этих свирепых псов. Теперь мы должны защитить их. У меня в руках здоровенная палка. Рычащая и повизгивающая шайка провожает нас к магазину. Дальше все заранее спланировано. Я остаюсь охранять наших собак. Палка удерживает на расстоянии особенно рьяных драчунов. Отступление проходит так же четко и организовано. Лишь когда последний пес медленно удаляется, величественно неся хвост, наши с лаем бросаются в атаку. Но пес поворачивает голову, и наши быстро возвращаются.

Однажды, когда мы организовано отступали, нас обогнала черная «Волга». Она проехала рядом, обдав нас пылью. По этой глухой дороге обычно ездил лишь старенький скрипучий хлебный фургон да рефрижератор к рыбакам.

С поворота открывался вид на озеро. Оно было рядом, внизу. Вода блестела на солнце, как толченая слюда. По берегу вилась дорога, она огибала наш дом и скрывалась в соснах. Машина стояла у соседнего с нашим крыльца, и долговязый человек, видно, шофер, тащил чемодан, рюкзак и еще что-то. Другой, маленький и толстый, в соломенной шляпе, засунув руки в карманы, глядел на озеро.

— Смотри!— крикнула Уля.— На берег, на берег смотри!

У самой кромки воды, тяжело припадая на переднюю лапу, низко опустив голову и поджав хвост, бежала крупная собака, похожая на волка. В деревне таких не было.

— Красавица какая,— промолвила Уля.— Желтая, как песок. Это они привезли?

— Не думаю. Она ничья и давно бежит,— определил я.— Живот тощий.

Теперь и наши собаки заметили ее. Шерсть у Дамки вздыбилась на загривке, она зарычала и бросилась вниз к берегу. Уголек с лаем помчался следом. Незнакомка испуганно оглянулась, прибавила ходу. Но собаки быстро настигали ее. И вдруг, видно, поняв, что не уйти, она мгновенно развернулась и, присев на задние лапы, будто готовясь к прыжку, глухо зарычала. У нее были массивная шея, широкая грудь и сильная волчья морда. Дамка, взрыв лапами песок, успела остановиться. Подбежал Уголек.

Урча и повизгивая, они ходили вокруг незнакомки. А та уже не рычала. Но губы ее дергались, открывая белые, длинные клыки. Сейчас она следила за нами.

— Не мешай ей,— сказала Уля.— Она не их боится, а нас. Постоим.

— Вз-зять!— это крикнул толстенький приезжий и затопал ногами, будто торопился на помощь.

Собака вздрогнула и бросилась бежать. Уголек нагнал ее, кунул за ляжку и отскочил. Дамка вцепилась ей в бок. Незнакомка даже не оглянулась. Она бежала изо всех сил к лесу.

— Вз-зять! Вз-зять ее!— кричал толстяк.— Ат-т-у!— и топал ногами.

Собаки скрылись в лесу. Мы подошли к дому.

— Спекулянты,— еще смеясь, сказал толстяк.— Настоящие спекулянты.

Это относилось к Дамке и Угольку.

— Ошибаетесь,— обиделась Уля: это были наши собаки, и их репутация сейчас нуждалась в защите.

— Да их сразу видно,— небрежно заметил приезжий.

— А зачем срамливать? Она с вами приехала?

— Впервые вижу. Серьезная псина. Она человека боится. На этих-то ей наплевать...

Так на пустынном берегу Сямозера появился Сергей Сергеевич. Мы поняли, что он какое-то местное начальство, что приехал сюда купаться, собирать грибы, что замучили его городские заботы и вот вырвался, наконец, и рад, что все тут так отлично и тихо. Вечером он изрядно выпил и отправился в деревню, в кино. «Культурно отдохнуть, а может быть, и познакомиться...» — сообщил он и похлопал меня по плечу. Уля отвернулась.

Утром, когда мы тащили весла и рыболовный скарб, рыжая собака появилась опять. Она казалась еще более измученной и опять медленно бежала вдоль кромки воды, опустив лобастую голову и поджав хвост. Держась на безопасном расстоянии, ее сопровождали Дамка и Уголек. Рыжая заметила нас, остановилась, и губы ее опять дернулись.

— Странная собака,— промолвила Уля.— Почему поджала хвост и тут бегаешь? Наши боятся ее. Не бешеная ли?

— Пойдем,— отозвался я. И на всякий случай взял наперевес весла. Рыжая побежала в нашу сторону. У нее и, правда, хвост был поджат и морда была мокрая.

Мы вскочили в лодку, и я сильно оттолкнулся. Собака остановилась на берегу, села, подняла вверх голову, и вдруг мы услышали высокий и сильный звук. Он то клочкотал в горле у нее, будто она захлебывалась, то вырывался, переходя в тоскливый и жуткий вой. Светило солнце, и вода спокойно ударяла в борт, а вой тягуче скользил в воздухе, то усиливаясь, то ослабевая. Я никогда не слышал, чтобы так выла собака.

— Жуть. Она могла укусить нас.

— Не могла. У нас весла.

— И собаки боятся ее... А все-таки какая красавица!

Мы уходили к островам, и вой догонял нас, хлестал в уши.

Это утро оказалось удачным. Мы наткнулись на яму. Сначала у Ули взял кто-то. «Подсачок скорей!» — услышал я громкий шепот. Удилище изогнулось, леска натянулась и зазвенела... Где-то в черной глубине тяжело и сильно ходила рыбина. Уля обеими руками удерживала удочку, и вид у нее был испуганно-счастливый. Мы ловили на тонкую снасть — все зависело от мастерства. Малейшая оплошность — и рыба могла оборвать леску и уйти. Нужно было вываживать долго и осторожно. Опустив в воду подсачок, я ждал. Рыба ходила кругами и не поддавалась. Наконец из воды появилась темная спина с большим торчащим треугольным плавником, блеснуло золото — и в подсачок плюхнулся здоровенный тупоголовый язь.

— Ого! — по-дикарски закричала Уля; она сидела на корме, бронзовая, тоненькая, с распущенными черными волосами, и серые, круглые глаза ее диковато блестели. — О-го-го! — звук долетел до берега, ударился о темную стену леса и вернулся. Мой поплавок вдруг задержался, медленно пошел в сторону, потом остановился, лег на бок и, полежав так, быстро ушел в глубину... Лещ!

Мы возвращались. Рыба не умещалась в садке. Ради такого улова стоило ехать даже в тундру. Лодка зашуршала днищем о песок и мягко ткнулась в берег. В то же мгновение из-за кустов вышла рыжая собака. Опустив голову, она наблюдала за нами. Я увидел, как с длинного и красного языка капает слюна, и взял весла наизготовку. Берег был пуст — Колюха на этот раз не появлялся. Мы торопились. Собака шла следом.

Сергей Сергеевич встретил нас возле дома.

— О-го! — сказал он. — А сижка ни од-

ного? Жаль. Скажу здешнему председателю — принесет. Закоптим, жидкость купим и, это самое, устроим новоселье. Ясно? А эта все за вами таскается?

Рыжая стояла шагах в десяти.

— Поди сюда! — властно приказал Сергей Сергеевич. — Быстро!

Собака не двигалась.

— Не надо, — попросила Уля. — Она, возможно, бешеная.

— Кто? — деловито осведомился толстяк. — Эта? Она здоровее нас с вами. Глаза чистые и у воды вон бегают. Потерялась, и все. А ну, ко мне! — скомандовал он вдруг.

Собака прижала уши, громко вздохнула и сделала шаг вперед.

— Давай, давай, двигайся, — поторопил Сергей Сергеевич. — Иди. Никто тя не тронет. — Он протянул руку. — Ну, живей!

Рыжая сделала один нерешительный шаг, другой и неожиданно оказалась рядом.

— Давно бы так, — сказал он и властно потрепал ее по шее. — Ты чья?

Она подняла голову, поглядела ему в глаза. В эту минуту, видно, и решились их отношения.

Откуда-то прибежал Колюха.

— У-у, стерва, — сказал он и замахнулся.

Рыжая подняла голову и опять посмотрела на Сергея Сергеевича.

— Не бойся, — подбодрил тот. — Он только орет. Он не тронет.

— Папке скажу, застрелит, — заметил Колюха. — Ее застрелить надо. Чтоб не бегала. У-у, стерва...

Рыжая тихонько зарычала.

— Ну ты, — обозлился Колюха и поднял камень. — Погоди, вечером жаканом дам. Рычит еще...

— Ты жестокий мальчик, — сказала Уля. — Как не стыдно. Что она сделала тебе? Ведь не укусила же!

— Куркуленок! — Сергей Сергеевич опять потрепал собаку. — У нее же несчастье. Ты это понимаешь? Взял ее в лес хозяин. Походили они, ничего не попало. Он под кустик сел с бутылочкой. Понял? Ну, а она ему удовольствие хотела доставить, рыскала по лесу, зверя нюхала. Нашла, небось, белку. Загнала на дерево. И зовет. Час зовет, другой зовет — а он не приходит. Ну, и бросить она не может. Для него же удовольствие — белку снять с дерева! А он бутылку допил и смотался: «Черт с ней, с собакой». Человек ведь все может. Так? Захочет — десять собак купит.

Он говорил и ухмылялся. Колюха сердито сопел.

— Пошли, Рыжая, — сказал Сергей Сергеевич, — пошли прогуляемся, вдвоем оно веселей.

Рыжая пошла рядом с ним.

— Привет компании, — он помахал нам рукой. — Бешеная! Во как. Люди, они все могут... Повод дай...

С тех пор она постоянно была с ним. Она лежала на его крыльце и ждала, когда от-

крывается дверь. Он выходил в разное время, но она всегда была на крыльце.

— Ждешь? — спрашивал Сергей Сергеевич. — Правильно делаешь. Жди. — Она глядела на него и помахивала хвостом.

Как-то вечером он отправился в деревню и вернулся утром. Она пришла вместе с ним, устало легла на крыльцо и принялась зализывать бок. Шерсть была выдрана, а по краям запеклась кровь.

— Всю ночь с собаками грызлась, — сообщил Сергей Сергеевич, — спать не давала, — и ухмыльнулся, что-то вспомнив. — Подремлю пойду, — и закрыл дверь.

Уля принесла здоровенную мозговую кость.

— Ешь, милая.

Рыжая вздохнула и осторожно взяла кость. Уля глядела, как она ест, и тоже вздыхала.

Откуда-то прибежали наши собаки. Они остановились возле крыльца, но дальше не пошли. Появился и Колюха. Он снял кепку, поскреб затылок.

— Жрешь, стерва? Зачем приваживаете? Ко-ормят.

— А как же ее не кормить? Вон и тебя кормят, — отозвалась Уля.

Колюха помолчал.

— Папке я сказал. Вечером убьем.

Рыжая подняла голову. На крыльце опять вышел Сергей Сергеевич.

Собака оставила кость, встала. Он потрепал ее.

— Не бойся, — сказал он. — Пока я тут, никто тебя не тронет. Гулять-то с кем будешь? — и поманил пальцем Колюху. — Эй, куркуленок, а ну, поди сюда.

Колюха насупился, шевелил босыми пальцами и не двигался с места.

— Поди сюда, — повторил Сергей Сергеевич настойчиво. — Слышь?

Колюха медленно двинулся к нему. Там, на крыльце, Сергей Сергеевич взял его осторожно двумя пальцами за ворот, как бе-

рут кошек. Слегка встряхнул и, приблизив к себе, почти уперевшись в него лбом, промолвил с расстановкой и угрожающе:

— Ты в мои владения не лезь. Понял? Собака моя. Еще четыре дня моя. На пятый день я уеду, и тогда она твоя. Заруби на носу. На пятый день делай, что хочешь.

— То есть как? — спросила Уля.

— Так, — ухмыльнулся Сергей Сергеевич и почесал под мышкой. — Они все равно ее убьют. Она же ничья. А я подарил ей четыре дня. — Он опять потрепал Рыжую по загривку. Собака прижалась к его ноге и пристально глядела в глаза. Он отвернулся к озеру, сказал, зевая, ни к кому не обращаясь:

— А хорошо тут. Тихо, и погода стоит. Почему на рыбалку не пошли? Клев нынче хороший, должно быть. А ты, пацан, отцу-то передай — Сергей Сергеич не велел, мол, собаку стрелять. Четыре дня потерпите. Мы с ней в деревню опять пойдем. — И повернулся к Уле. — Такова жизнь, соседка. — И засмеялся.

— Пойдем отсюда, — сказал я и взял Улю за руку.

Колоха поплелся за нами...

Мы осваивали новый для нас способ ловли — нахлыст, и нам требовалась на первых порах уйма кузнечиков. Хариус брал на них хорошо, но чаще сбивал с крючка. Кузнечик еще был в воздухе, как навстречу ему вылетала серебряная упругая рыба, леска дергалась, пустой крючок падал в воду. Сущим наказанием было ловить хариусов еще и потому, что леска постоянно путалась и каждую минуту нужно было менять насадку. Но человек упорен.

Хариусы стремительны и сильны. Схватив крючок, они сопротивлялись, бешено бросались из стороны в сторону, иногда вылетали в воздух, блестя чешуей и расставив широкие оранжевые плавники. Это была увлекательная охота. Когда они, оборвав леску, уходили, Уля почему-то радовалась. Но мы снова шли вверх по течению маленькой лесной речки, отыскивая места, где стояла непуганая рыба. Впрочем, непуганой рыбы в этих местах, наверное, давно не стало. Здесь жила рыба, уже знакомая с человеком. Но нахлыста она еще не знала.

Сначала мы пойдем каменистым и высоким правым берегом. С него очень удобно закидывать снасть, но не в тихие и глубокие омуты, где покачиваются кувшинки, а вода темная и тревожная. Нет. Мы будем искать быстрину, там, за валунами, на границе веселых пенных струй держится хариус. Он

стоит головой против течения и ждет, когда на воду упадет наш кузнечик.

Мы будем продираться сквозь густые прибрежные заросли, пройдем по старой и скользкой ели на большой валун, а оттуда перепрыгнем на валун поменьше и так доберемся до левого берега и пойдем заливным лугом до того места, где речка круто поворачивает и лежит вывернутая огромная сосна. Собаки тоже отправятся с нами и дойдут до самой поваленной сосны. Переходить речку в этом месте не решатся, а побегут выше. Где-то там они и переберутся на наш берег и вынырнут из кустов, веселые и мокрые. В рюкзак Уля положит колбасу, нарезанную ломтиками, так, чтобы они не сразу все съедали. Еще в рюкзаке будут лежать крутые яйца для нас, хлеб, валидолная баночка с солью, кусок сала, пакетики с лавровым листом и перцем на случай ухи и — пергамент. Я мечтаю поймать большого хариуса, обернуть его пергаментом и запечь в золе. Говорят, вкуснее рыбы не бывает. Мы уже два раза брали с собой пергамент, но крупный хариус не попадался, шла мелочь. Уля осторожно снимала рыбу с крючка и, широко замахнувшись, как обычно замахиваются женщины, бросая камень, кидала хариусов в речку. Мне это не нравилось, и я однажды даже сказал, что настоящие рыбаки ведут себя иначе. Они берут всякую рыбу. Уля засмеялась и сказала, что это не настоящие рыбаки, а крохоборы, и что ее хариусы на крючок к ним уже не попадутся — они получили хороший жизненный урок.

На поляне мы набрали кузнечиков. Колоха тоже помогал. Подбежали наши собаки, сели и, виляя хвостами, стали влюбленно глядеть на Улю.

— Идемте, — сказала она, — сейчас накормлю. — И вдруг помрачнела.

— Ты что? — забеспокоился я.

— Так, — Уля внимательно поглядела на меня. — Ничего. Все хорошо. — Она даже улыбнулась. — Все очень и очень хорошо. И я рада, что мы здесь...

— Ладно, — сказал я, — хорошо значит хорошо.

Мы двинулись к дому. Наверное, потому, что небо было голубое и озеро тоже голубое, и поляна в белых и желтых ромашках и синих колокольчиках, а полукругом ее обступал сосновый бор и кружили прозрачные стрекозы, я даже тихонько запел. Но Уля вдруг спросила:

— Он в четверг уезжает или в пятницу?

— В пятницу, — ответил я. — Он уезжает в пятницу.

Рыжая собака лежала на крыльце Сергея Сергеевича и, положив морду на передние лапы, глядела на нас.

Наши заворчали и подбежали к крыльцу — она не поднялась, и они тут же отвернулись и весело побежали на наше крыльцо. Уля вынесла им две миски ухи, потому что из одной они не могли есть, сразу вспыхивала драка. Колюха тоже получил свои помидоры. Мы уложили рюкзак, я перекинул его за плечо, Уля взяла чехол с удочками — мы отправились за хариусами. Собаки побежали с нами. Мы прошли мимо крыльца Сергея Сергеевича. Рыжая, не поворачивая головы, наблюдала. Она не делала никаких попыток к сближению.

— Странная собака, — сказала Уля. — Какая странная собака. Ей никто не нужен.

— Нужен, — сказал я.

— А почему она не приходит на наше крыльцо и почему она не радуется мне? Ведь не он, а я кормлю ее.

— Этого ей недостаточно.

— Она не любит нас?

— У нее уже есть человек, которого она любит. Она не может любить всех.

— Наверное, ты прав, но все-таки она странная.

Мы шли за хариусами.

Потом на речке, на поляне, где лежит вывороченная с корнем сосна, мы разожгли костер, на рогульках подвесили котелок с окунями и стали ждать, пока будет готова уха, а рядом, на траве, обернутый в пергамент, лежал килограммовый хариус — первый большой хариус, добытый мною за всю жизнь. Уля сказала вдруг:

— Знаешь, я хочу маленького честного мальчика и большую рыжую собаку. И хочу жить здесь, на этой поляне.

Я слушал, как шумит бегущая между валунами вода.

— Почему непременно рыжую?

— Так, — сказала Уля. — Так. Но я совершенно твердо знаю, что собака должна быть рыжей.

Я промолчал. Наши собаки подбирались к рюкзаку. Я пристыдил их, и они завяляли хвостами и отвернулись, делая вид, что это относится не к ним.

— Смотри, какие умные. Все понимают.

— Даже слишком умные.

— А Рыжая тоже умная.

— Наверное, тоже.

— Но она очень замкнутая.

— Да.

— И невеселая. Мне нравятся веселые собаки.

К вечеру мы вернулись домой. Рыжая лежала на прежнем месте. Уля принесла ей ухи. Она встала и принялась есть.

— Смотри какая, — обиделась Уля. — Наши сразу ласкаются, руки лизут, а эта нахалка, да?

— Кто нахалка? — спросил из-за двери Сергей Сергеевич. — Он вышел в полосатой синей пижаме, розовый после сна. Рыжая оставила еду и прижалась мордой к его бедру. Она не выказывала радости, как это делают другие собаки. Она просто прислонилась к нему. У нее были темные, грустные глаза. — Видали! — сказал Сергей Сергеевич. — Дружба и любовь!

Вечером они отправились в деревню.

Жизнь у нас шла, как и раньше, до приезда Сергея Сергеевича и до появления Рыжей, и ничего будто бы не изменилось. На заре мы уходили на озеро, к островам и за острова, на глубину. Рыба там ловилась хорошо. Мы находили все новые и новые ямы, о существовании которых не знал даже Колюха, потому что далеко от берега его отец не уплывал. Сети он ставил в заливе, поближе к дому. Тут же и удил. Когда на озере появлялись белые шипящие барашки и становилось опасным выходить на открытую воду, мы двигали на речку за хариусами. Все шло будто бы, как и раньше. Наши собаки по-прежнему спали на нашем крыльце. Они сопровождали нас, когда мы шли в деревенский магазин или к лодке, и сидели на берегу, когда мы возвращались. И Колюха каждый раз встречал нас и тащил теперь уже только удочки. Садок мы не давали ему — уловы увеличились, садок становился все тяжелее — рыбы хвосты уже торчали из него. Колюха теперь не подсмеивался.

Рыжая собака жила на крыльце Сергея Сергеевича и караулила его. Она неотступно ходила за ним, и если мы встречали ее в лесу или в деревне, значит, тут же где-то был и Сергей Сергеевич. Два раза в день Уля приносила Рыжей миску с едой. Она сдержанно принимала подношения, позволяла гладить себя, но всем видом показывала, что в более тесные контакты вступать не намерена. Уля уже не обижалась.

В четверг утром Сергей Сергеевич появился у нас в дверях. За спиной у него висел рюкзак. Рыжая стояла рядом. Первый раз она стояла на нашем крыльце. Дамка и Уголек бегали внизу и рычали. Подняться на ступеньки они боялись и от этого злились еще больше.

Рыжая не глядела на них.

— Прощаться пришел, — сказал Сергей Сергеевич. — Пора в город.

— А вещи? — почему-то спросила Уля.

— Завтра придет машина. Шофер возьмет. Вот ключ. Я належке, с автобусом. А здесь хорошо. Давайте сядем. Чтобы вернуться.

Мы сели тут же на крыльце. Рыжая тоже села. Он положил руку ей на загривок, и она зажмурилась.

— Остается, — сказал Сергей Сергеевич. — А я уезжаю. Послушайте, — вдруг обернулся он ко мне. — Если вы так мечтаете о собаке, то возьмите ее. Лучшей вы никогда не найдете. Это очень надежная собака.

Мы закурили. Наши собаки улеглись на траве возле крыльца.

— Н-да, — протянул Сергей Сергеевич, — мы славно тут побродили. Пора мне, однако. — Он поглядел на часы. — Автобус скоро придет.

Они ушли.

Мы долго сидели на крыльце.

— Пойдем за кузнечиками? — спросил я.

— Не нужно сегодня, — отозвалась Уля.

Мы помолчали.

— Как думаешь, он уже едет?

— Наверное.

Она ушла в дом. Я слышал, как гремит посуда.

— Где твой консервный нож? — спросила она из кухни. — Я отдам ей тушенку. Ты не возражаешь?

Это была наша последняя банка. Мы оставили ее на дорогу.

— Отдай, — сказал я. — Тушенку она, наверное, никогда не пробовала. А мы нажарим рыбы. В поезде хорошо есть рыбу.

— Я наварю ей супа с тушенкой.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Хорошо суп с тушенкой.

Раздался звон колокольчика, из кустов вышла Нюрка. Она внимательно поглядела на меня, моргая темными мокрыми глазами, потом вздохнула, стала щипать траву. По доскам крыльца бегали большие красные муравьи. Они шевелили усиками и вставляли на задние лапки, когда мой палец приближался к ним. Муравьи сами не нападали, но они готовы были защищаться и для этого вставляли на задние лапки, выставив вперед челюсти.

Зашуршала галька по дорожке, появился Колюха с хлыстом. Он стоял против меня и похлопывал хлыстом по голой ноге.

— Уехал? — спросил он.

— Уехал.

— А собака?

— Пошла провожать.

— Автобус прошел. Она прибежит?

— Не знаю. Ты хочешь убить ее?

— На кой она мне? Она же не рычит.

— Уля, — неожиданно для себя позвал я. — Вынеси нам помидоры! Колюха пришел!

— Она в лес убежит, — сказал Колюха. — Чево ей тут делать? Собаки с ней не играют. С ней никто не играет.

Стал накрапывать дождь, и я ушел в комнату. Уля возилась на кухне. Я, наверное, заснул, потому что не услышал, как она отворила дверь.

— Ее до сих пор нет, — услышал я и проснулся.

На улице было темно, свет горел только на кухне, и окна были мокрые от дождя.

— Я сварила ей большую кастрюлю супа, — сказала Уля и села на кровать у меня в ногах.

— Она вернется.

— Ты уверен?

— Да, я почти уверен. Ей некуда деться.

— В лесу мокро и холодно. И темно.

Она не может заблудиться?

— Это же собака.

— Я пойду, посмотрю, дай твой фонарь...

— Ее нет, — сказала Уля, вернувшись, и ушла на кухню. Я зажег свет и взял книжку. Читать не хотелось, но это было лучше, чем разговаривать. Потом я включил транзистор. Играли Шопена. Уля взялась довязывать мне свитер. Она несколько раз уходила с фонарем. Мы легли поздно, и я слышал, как ворочается Уля и где-то на улице, наверное из желоба, стекает вода.

Я проснулся от того, что Уля стояла надо мной. Было очень рано, и солнце еще не пришло в наши окна. Я сразу увидел прямоугольник голубого неба. Большой голубой прямоугольник делился на три прямоугольника поменьше. Дождь кончился. Уля стояла надо мной и улыбалась.

— Спишь?

Я тут же закрыл глаза и притворился.

— Вижу, — весело сказала Уля. — Все вижу. Ты сейчас поднимешься и выйдешь на крыльцо. Довольно спать.

— Хорошо, — согласился я. — Сейчас поднимусь и выйду, но лучше бы поспать

еще. Мы сегодня двинем за хариусами, а потому каждый имеет право выспаться!

— Нет, — сказала Уля. — Не имеешь права.

Я вышел на крыльцо, собаки тут же вскочили, задрав морды и облизываясь.

Краешек белесого солнца показался над лесом, озеро простиралось до самого горизонта, и отчетливо вырисовывались два самых дальних острова. Воздух был прозрачен. В лесу в низинах держался туман, и как всегда после теплого дождя, сильно пахло травой и цветами. Все предвещало хороший клев хариуса.

Собаки доедали хлеб, стуча хвостами по доскам. Сзади стояла Уля, я спиной чувствовал, что она улыбается.

— Погляди, кто пришел, — сказала она.

Тут я увидел Рыжую. Она лежала на крыльце Сергея Сергеевича в обычной своей позе, вытянув вперед лапы и положив на них голову.

Я поманил ее, она не шевельнулась. Я подошел к крыльцу, она подняла голову и зарычала. Рядом стояла миска с нетронутой тушенкой.

— Не подходи, — сказала Уля. — Она может броситься, — и прошла мимо меня.

Рыжая вскочила, продолжая рычать, но Уля вдруг опустилась на крыльцо и обняла ее за шею. Собака рывкнула куда-то в сторону, но не тронула Улю. И та принялась что-то шептать Рыжей, крепко прижимая к себе. Рычание перешло в тихое ворчание.

— Она не ест, — сказала Уля. — Она может умереть, — и обняла ее крепче.

Я пошел собирать кузнечиков один. Дамка и Уголек побежали со мной. Они затеяли обычную свою игру, носились друг за другом и подбегали лишь для того, чтобы лизнуть руку. Кузнечиков было мало, наверное, мы их уже выловили, но все-таки удалось набрать спичечный коробок. Солнце вышло из-за леса и теперь стояло над заливом, вода по-прежнему была как стекло, в камышах ударяла рыба, и по стеклу бежали, постепенно затухая, круги.

Я вернулся домой. Рыжей не было. Собаки осторожно обнюхали крыльцо и то место, где она лежала, шерсть на их загривках поднялась дыбом. Оглядываясь по сторонам и на этот раз не ссорясь, они быстро очистили ее миску. Погрустневшая Уля вышла с удочками и рюкзаками.

Рыжей не было весь день. Вечером пришел Колюха и сказал, что видел ее на автобусной остановке. Уля молча взяла веревку и ушла. Она вернулась спустя час, таща за

собой Рыжую. На собаке был веревочный ошейник, другой конец Уля обмотала вокруг руки. Рыжая ежеминутно вставала на задние лапы, как лошадь в цирке, и крутила головой, пытаясь вылезти из ошейника, а Уля изо всех сил тянула ее к себе. Борьба, наверное, продолжалась у них от самой остановки. Обе порядком измучились. Я не стал вмешиваться. Уля все-таки дотащила ее к крыльцу Сергея Сергеевича и привязала к столбику. Собака легла и больше не делала попыток сбросить ошейник. Уля принесла тушенку. Рыжая есть не стала.

На другой день приехали рыбаки-сезонники. Их палатка стояла на берегу, тянуло дымком. Сети висели на кольях. Рыбаки расположились вокруг костра, гремели ложками и громко ругались. Наши собаки были тут же.

Уля опять отправилась на остановку. Она проволочла Рыжую мимо рыбаков, все разом повернули головы и замолчали, а собаки вскочили и залаяли.

На другой день Рыжая уже не убежала к остановке. Она не поднималась с крыльца, даже когда наши собаки подходили слишком близко. Она опять исхудала, шерсть, начавшая уже блестеть, потускнела и свалываясь, на худых боках торчали репьи. Ее ничто не интересовало. Уля сидела рядом, руками разжимала ей челюсти и все пыталась засунуть в пасть куски мяса. Рыжая выталкивала их языком и морщилась. Я привел из деревни ветеринара, здорового, заросшего, как медведь, старика. Он бесцеремонно ощупал собаку.

— Нет, не жилец, — сказал он, поднимаясь. — Как усыплять будем?

— Никак, — тихо сказала Уля. — Она еще поднимется.

Старик пожал плечами, сунул стетоскоп в карман и поскреб бороду.

— Добрая, сильная, видать, собачина была. С собой привезли?

— Почему была? Она еще есть, — Улин голос дрожал.

— И то верно. Живая еще. Вы уж извините, но завтра, послезавтра — помрет. Так что усыпить лучше. — Он присел на ступеньку. — Будто не болеет ничем, сердце, легкие в порядке, астряслось что-то. — Он потягивал самокрутку и разговаривал сам с собой. Я перестал слушать.

Пришел Колюха. Из-за пазухи у него высовывалась маленькая кошачья мордочка. Глазки у котенка были еще совсем мутные, голубоватые. Он громко пищал.

— Помирает? — спросил Колюха, кивнув на Рыжую, и выложил котенка на крыльцо.

Котенок выгнул спину и зафыркал. Прежде чем мы успели вмешаться, Колюха подтолкнул урчащего, с круглыми от ужаса глазами котенка к собачьей морде. Рыжая глубоко втянула воздух, открыла пасть — и вдруг... лизнула его. Котенок успел ударить лапой по розовому языку, зашатался и упал. Рыжая положила на него лапу и, не обращая внимания на отчаянное сопротивление, принялась лизать. Котенок извивался, громко и противно орал, а она все тыкалась носом в пушистый, орущий, царапающийся комочек. На черном мокром носу ее выступили капельки крови. Колюха хлопал себя по бокам и хохотал.

— История, — промолвил ветеринар и снова поскреб бороду. — Этот паршивец вывел ее из транса. Любопытный случай. У вас крепкого бульона не найдется?..

Рыжая поправлялась. Целыми днями она лежала на крыльце Сергея Сергеевича. Уля приносила еду. Собака ждала, пока та поставит миску и отойдет.

— Все-таки она нахалка, — однажды сказала Уля. — Наши собаки симпатичнее.

Я промолчал, потому что с тех пор, как приехали рыбаки, собаки переселились к их палатке и словно бы перестали замечать нас. Теперь всюду мы ходили только вдвоем. По ночам крыльцо пустовало, а на соседнем жила Рыжая. К нам она не шла.

Однажды утром нас разбудило рычание. Я отворил дверь. Рыжая стояла у нас на крыльце, а внизу, сморщив носы, скалились собаки. Мое появление они поняли как сигнал к атаке. Дамка первая бросилась на Рыжую, но та перехватила ее еще в воздухе. Дамка, жалобно взвывая, покатилась по ступенькам. Уголек вовремя остановился. Я и раньше замечал, как он умеет вовремя останавливаться. Рыжая глядела на него, и он медленно, задом отступал. Дамка, трясая головой, опрометью кинулась от дома. Рыжая не стала преследовать их. Она подошла ко мне и приветливо помахала хвостом.

— Уля! — закричал я. — Уля!

— Я все видела, — спокойно сказала она. — Я знала, что все именно так и выйдет, — и положила руку на лохматый загривок. Рыжая прижалась к ее ногам так же, как прижималась когда-то к Сергею Сергеевичу.

В этот день мы не ловили. Мы взяли лукошки, намазались отвратительно пахнущей противомоскитной мазью и отправились в лес за брусникой. На месте рыбацкой

палатки осталась проплешина. Вокруг погасшего костра валялись пустые консервные банки и обрывки газет. Там рылись Дамка и Уголек. Когда мы проходили, они подняли головы. Рыжая шла с нами.

— Знаешь, Сергей Сергеевич сразу их понял,— сказала Уля.— Они продажные.

Я промолчал.

— Они хотели опять к нам, потому что рыбаки уехали. Правда?

— Теперь это не имеет значения,— отозвался я.

— Никогда раньше не думала, что собаки могут быть тоже продажными,— сказала Уля и поглядела на Рыжую.— Ты не находишь, что она необыкновенно сдержанная? Она подчеркивает свою независимость? И у нее в глазах столько благородства... Ее нельзя не любить...

А я в это время думал о том, что отпуск подходит к концу и осталась всего неделя. Что-то будет с Рыжей?

Сейчас она бежала с нами, каждый раз отбегая вперед, останавливаясь, поджидая и дружелюбно поглядывая на нас.

Бруснику собирать куда приятнее, чем малину. Я не люблю рвать малину. Тянешь по яголке. С брусникой проще. К осени ягода налилась, покраснела и на каждой веточке висела гроздьями, словно виноград. Рыжая наблюдала, как мы обираем кочку за кочкой, но едва Уля скрывалась в кустах, начинала нервничать, бежала за ней, потом возвращалась ко мне, слегка прихватывала за брюки, тянула в Улину сторону. Она хотела видеть нас вместе, и мы старались не разбредаться.

Вернулись мы с полными лукошками брусники, ссыпали ягоду в большую плетеную корзину—это уже в Москву. Уля взглянула на часы и охнула. Магазин закрывался в пять, а у нас кончился хлеб. Рыжая дома не осталась и, сколько ни пытались мы вернуть ее, бежала за нами. Я даже замахнулся на нее, но она подошла совсем близко, и я опустил руку. У рыбного склада, старого бревенчатого сарая на краю поселка, мы порядочно выдохлись и пошли медленнее. Я всегда с неохотой отпраивался в этот магазин. В окнах домов постоянно торчали головы каких-то бабок и дедов. Выглядывая из-за цветочных горшков, они провожали нас. Пройдешь мимо одного дома, а в окнах другого тебя уже поджидают. Всеобщее оживление начиналось, когда на дороге появлялись поселковые псы. За стеклами начинали улыбаться. Наверное, казалось смешным, когда Дамка и Уголек, поджав

хвосты, путались у нас в ногах, а я угрожающе помахивал палкой перед оскаленными мордами поселковых псов. День ото дня псы становились все смелее, и я стал замечать, что больше их уже интересуем мы, а не Дамка и Уголек.

Однажды самый здоровенный и злобный пес все-таки изловчился и схватил Улю за сапог. Этот драный пятнистый кобель всегда бежал впереди стаи и, наверно, руководил ею. Он был нахален и хитер. Когда рычащие псы атаквали нас с флангов, этот старался незаметно зайти сзади. Несколько раз моя дубинка настигала его уже во время прыжка. Но это не останавливало его. Он продолжал атаки. И теперь он тоже бежал впереди стаи, опустив голову, словно держал след. Я положил на плечо дубинку, и в ближнем окне заулыбались. Начиналось представление. Рыжая бежала по обочине справа, шагах в двух от меня, по левую руку была Уля.

— Ко мне,— позвала Уля.

Рыжая поглядела на нее, приветливо помахала хвостом, дескать, я, как и полагается, иду рядом, куда уж там ближе.

Стая между тем приближалась. Пятнистый вожак коротко рывкнул, и собаки стали обтекать нас. Сам он направился в Улину сторону. Не успел я снять с плеча дубинку, как он бросился на Улю. И в то же мгновение кто-то мохнатый и желтый пролетел мимо меня, сильно ударил в бок, и я, потеряв равновесие, растянулся. Падая, я успел увидеть побелевшее Улино лицо. Послышался мягкий удар, клацнули зубы, и раздались дикий звериный рев и Улин крик. Я вскочил. Рыжая грызлась с пятнистым вожакком. Она сбила его с ног и все норовила добраться до горла. Вид ее был страшен. Она рвала его шею, и шерсть летела клочьями. Какая-то черная собака бросилась на выручку, но лязгнули зубы—и черная, перевернувшись через голову и тут же вскочив, с громким воем помчалась по улице. Пятнистый уже не рычал, а хрипел. Его шея была в крови, он лежал на спине, отдаваясь на волю победителя. Рыжая отпустила его. Навалившись грудью и положив на него лапы, она подняла оскаленную, окровавленную пасть и с вызовом оглядела стаю. Собаки отодвинулись. Тогда она встала, подошла к Уле и лизнула ей руку.

Мы двинулись дальше. Собаки потащились за нами. Они держались на расстоянии и, видно, не имели теперь желания нападать; едва кто-либо из них переходил незримую черту, Рыжая молча показывала

кляки, и собака тут же останавливалась. Старик вышел из калитки, поравнявшись с нами, снял фуражку, поклонился.

— Откуда зверюга-то?

— Из Москвы,— почему-то сказала Уля.

— Ой ты! Тигра! Знамо, на зверя хаживала? Повадку видно. Такая волка враз возьмет. Кусается?— он протянул руку, чтобы погладить.

Рыжая отскочила.

— Гляди-ка,— изумился старик.— Дрессированная, что ли?

— Нет, дедушка. Умная она,— отозвалась Уля.— Она не любит, когда ее посторонние трогают.

— Н-да,— протянул старик.— Собачка. Прет на всю стаю, ни хрена не боится.

Он тащился с нами до самого магазина и все бубнил, но мы не слушали.

Вечером, когда солнце уже скатывалось к островам, мы вышли на озеро. Мы хотели обследовать одну загадочную яму. Там водились крупные сиги, но на днях Уля поймала там на блесну четырех судачков. Мы запекли их в тесте, получилось вкуснее, чем в первоклассном ресторане. Я хотел еще раз проверить яму, чтобы в канун отъезда запастись судаками. В дороге они могли пригодиться. Консервы кончились, и денег оставалось в обрез.

Я сидел на веслах и видел, как по берегу бежит Рыжая. Я с трудом выгнал ее из лодки, она ни за что не хотела вылезать, пришлось прикрикнуть, она прижала уши и выпрыгнула на песок. Теперь она бежала, отыскивая место на берегу, откуда лучше видна лодка. Но мы уходили на открытую воду, держа курс к островам, и Рыжая становилась все меньше. Я увидел, как она забралась на бревно строящегося лодочного причала, самую высокую точку, услышал отрывистый густой ее лай. Она звала нас, но мы уходили. Потом я увидел, как у причала взметнулись брызги, и понял, что

Рыжая бросилась в воду. Я быстро развернул лодку ей навстречу.

Пять минут спустя она уже перебиралась через борт, мы помогали ей. Вода текла с нее ручьями, всем видом своим она показывала, что ей очень стыдно за доставленное беспокойство. Она забилась под кормовую скамейку и старалась не глядеть в нашу сторону.

— Ладно, вылезай,— первая простила ее Уля.— Вылезай, негодная. Ах ты, какая нахалка.

Она ткнулась носом в Улины колени...

В этот день я вытянул хорошего судака. Яма оправдала надежды.

Наступил отъезд. Вчера весь вечер мы обсуждали, как быть с собакой. Топилась печка, над ней дояливалась рыба, а на сковородке шипел судак. Я сидел за столом, в ногах лежала Рыжая. Она сладко посапывала, жмурилась на огонь и не подозревала, что решается ее судьба. Последние дни мы не расставались. Я разрешил ей входить в комнату, и она облюбовала место у стола. Дамка и Уголек к нам больше не приходили, быть может, потому, что опасались Рыжей, или потому, что ели мы теперь рыбу, молоко да хлеб. Колюха тоже перестал забегать.

Втроем мы бродили по лесу или уплывали к островам. На улице похолодало, все чаще накрапывал дождь, куда-то девались кузнечики, и хариуса приходилось ловить на червя в проводку. Брал он последние дни плохо, и я злился.

Уля сказала, что злюсь я оттого, что не знаю, как быть с Рыжей. Я и на самом деле не знал. Неизвестно еще, как отнеслась бы к ее появлению наша квартирная хозяйка. Эта всегда чем-то не довольная старуха лупила с нас порядочные деньги и постоянно ворчала. Она не раз намекала, что другие ей могут платить больше. Но мы больше платить не могли. И изо всех сил старались ладить с ней. Нам нужно было продержаться еще год. Выхода пока не было — снять на двоих комнату в Москве, да еще неподалеку от работы, оказалось делом нелегким. Быть может, потому, что заниматься этим мы не умели.

Вечером мы все-таки решили как быть. Мы вернемся в Москву, и Уля уговорит старуху, а я возьму в редакции командировку, приеду на Сямозеро собирать материал для очерка о местных промыслах и вернусь с Рыжей. С Улей мы поедем не в купейном вагоне, а в общем, сэкономив тем самым десятку. И как только мы все

детально обговорили, я отправился с этой десяткой к Колюхиной матери. Она сразу согласилась варить Рыжей еду. С Колюхи я взял слово, что он два раза в день будет ее кормить, а потом, когда я вернусь через две недели, он получит много помидоров и конфет. Улю это мое сообщение не разве-селило. Глаза у нее были на мокром месте.

— Может быть, все-таки возьмем ее?— спросила она.— Ее нельзя оставлять тут. Ладно?

— Нет,— сказал я.— Мы трое окажемся на улице.

Теперь, по пути к автобусной остановке, Уля держалась молодцом. Рыжая бежала рядом, ежеминутно поглядывая на нас. Мы молчали. Остановка была недалеко, по лесной тропинке ходу всего минут десять. Автобуса еще не было, и мы сели на скамейку в голубовато-белом павильоне, стены которого сплошь были исписаны и изрезаны. Мы сидели, и Рыжая стала волноваться. Она тихонько прихватывала за брюки то Улю, то меня, тянула из павильона. Уля отворачивалась.

Подошел автобус. Я бросил в открытую дверь рюкзаки, залез сам. Уля не торопилась. Она стояла рядом с Рыжей, гладила и что-то говорила ей.

— Залезай, барышня. Не до церемониев тут,— сказал шофер.

— Давай быстрее! — визгливо крикнула остроносая старуха с узлом на коленях.— Будто ейный автобус.

Все с неодобрением повернулись в Улину сторону. Она вскочила на подножку, дверь закрылась, и мы тронулись. Рыжая в растерянности стояла на обочине. Сквозь заднее стекло я хорошо видел ее. Автобус набирал скорость, удаляясь. Она вдруг поняла, сорвалась с места и побежала. Прижав уши, она мчалась, делая огромные прыжки, и расстояние стало быстро сокращаться. Шофер переключил скорость, мы начали уходить. Мы видели ее до тех пор, пока не начались повороты. Уля отвернулась от окна. Я поглядел на нее, и у меня сжалось сердце. Она не плакала...

Письмо пришло утром. Сияющая Уля вбежала в комнату и бросила на скатерть серенький конверт.

— Читай вслух!

На конверте отпечатались Колюхины пальцы, и почерк был его. Буквы были крупные и шатались в разные стороны. Я хотел продлить удовольствие и не торопился. Вынул из бокового кармана командировку, положил ее на стол, рядом с письмом.

Прошла всего неделя, как мы вернулись, а через два дня я буду на Сямозере. Уля вчера еще уложила мой чемодан. Старуха обещала терпеть нас два месяца. За это время мы должны найти жилье на троих. На нас и на Рыжую.

— В крайнем случае переберемся в пригород,— сказала Уля.— Я буду топить печки. Когда открываешь дверцу, очень красиво...

— Не тяни,— сказала теперь Уля, взяла со стола конверт и разорвала его.— Читай скорее.

«Здравствуйте, дядя и тетя,— начал я, пропустил несколько строчек и вдруг споткнулся.— А Рыжая собака два дня жила на остановке. Я носил туда, как вы велели, суп. Потом ее зашибло автобусом и сильно побило. Но она доползла к вам на крыльцо и померла. Мы ее закопали в кустах. Приедете, место укажу. Так что приезжайте и привозите, что обещали. До свидания, остаюсь ваш Коля».

Уля села на диван. Я обнял ее.

— Мы должны были ее взять,— сказала она.— Мы должны были ее взять непременно. Понимаешь?

— Но мы не могли! Все что мы могли, мы сделали. Мы старались.

— Я так надеялась, что все будет хорошо. А ты?

— Не очень.

Она повернула ко мне лицо.

— Ты знал все заранее?

— Нет. Я тоже думал, что все обойдется. Я надеялся, как и ты. Но я еще видел обстоятельства.

— Скажи, почему они против нас и против нее? Мы ничего не хотели худого. Почему же они против?

— Не нужно об этом думать,— ответил я.— Во всяком случае старайся об этом поменьше думать. Тут ничего не поделаешь.

— Но я все равно буду думать.

— Ладно. Это тебе никто запретить не может,— сказал я.— Только легче не будет.

— Мне не надо легче,— сказала Уля и вытерла слезы.— Мне нужно как есть.

СЛЕДОПЫТСКАЯ ХРОНИКА

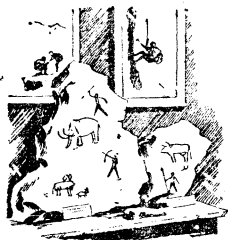
В школе № 11 Нижнего Тагила был объявлен следопытский поиск, посвященный 250-летию города. Юные краеведы собрали материалы о своем поселке Гальянка, династиях металлургов и горняков.

В школе № 15 города Кирова следопыты провели операцию «Поиск», посвященную бойцам Чапаевской дивизии. Они разыскали около четырехсот чапаевцев — участников гражданской и Великой Отечественной войн. От них ребята получили 416 писем, 500 фотографий, 20 книг с дарственными надписями. Недавно в школе был открыт музей «Чапаевская легендарная».

Семиклассницы Торговицкой средней школы Ровенской области Украины во время похода на берегу реки Иква нашли какие-то предметы из почерневшего металла. На место находки приехали сотрудники Ровенского краеведческого музея. Они установили, что ребята обнаружили древнее городище. Клад составил 26 предметов — различные женские украшения периода Киевской Руси X—XIII столетий.

Музей школы № 10 города Фрунзе известен далеко за пределами Киргизии благодаря обширной коллекции настенных изображений. Они собраны ребятами в походах под руководством заслуженного учителя республики Н. Д. Черкасова. Коллекция музея признана специалистами одной из лучших в стране.

СТРАНСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОБОЛЬСКОГО КАЗАКА ФЕДОРА СКИБИНА

Посольство идет в Казачью Орду

На протяжении всего XVII века Московское государство неоднократно направляло в Среднюю Азию посольства с дипломатическими и торговыми поручениями. Глава посольства получал наказ о том, что ему надлежало выполнить, и, вернувшись, должен был представить подробный «статейный список», то есть отчет. Во время этих путешествий собирались и многие ценные географические сведения.

Имена путешественников тех лет в Среднюю Азию известны: это Иван Хохлов, посланный в Бухару в 1620 году; Савин Горохов и Онисим Грибов, побывавшие в Хиве и Бухаре в 1642 году; Борис и Семен Пазухины, послы Даудов и Касимов, ездившие в Бухару во второй половине века.

Все эти посольства шли к Каспийскому морю, к Астрахани. Отсюда до Средней Азии добирались различными путями. Либо морем из Астрахани к мысу Тюб-Караган на северо-восточном берегу и далее на юг к Хиве и Бухаре, или по суше — из Астра-

хани по северному берегу Каспия на северо-восток, пересекая реки Яик (теперь Урал) и Эмбу, и затем на юг. Или же — через Персию, по западному и южному берегам Каспийского моря.

Значительно менее известен путешественник, направленный послом в Среднюю Азию в 1694 году, — тобольский казак Федор Скибин. Ему также были поручены дипломатические переговоры, но шел он не в Бухару и не в Хиву, а в Казачью Орду, и не из Астрахани, а из Тобольска. Его двухлетнее путешествие было полно приключений и опасностей.

Как выяснилось из архивных документов, Федор Скибин был коренным тобольчанином — еще дед его, запорожский атаман Михайло Скиба, по указу из Москвы прибыл в Тобольск в 1618 году, где служил в казачьем войске. Федор, как и его отец Любим Скиба, тоже числился тобольским казаком. В 1685 году его направили в «Дауры», то есть в Восточное Забайкалье, на охрану восточных границ. Оттуда он несколько раз ездил с грамотами в Москву. Как видно, ему доверялись и другие важные дела — в одной из таких поездок он сопровождал монгольское посольство. В 1690 году Федора по его челобитной вернули на службу в Тобольск.

Когда в 1694 году был дан царский указ о посольстве в Среднюю Азию к хану Казачьей Орды, главой посольства был поставлен бывалый казак Федор Скибин.

В Казачьей Орде ему предстояло решить сложные задачи в трудных и опасных условиях.

В конце XVII века степи к северо-востоку от Каспийского и Аральского морей были заняты казаками — тюркскими племена-

ми. Их государство в Москве называли Казачьей или Киргиз-Кайсацкой Ордой. Казахские ханы стремились поддерживать мирные отношения с русским правительством — они были заинтересованы в торговых связях с Россией и, кроме того, видели в ней защиту от своего сильного врага — Джунгарского ханства, занимавшего большую часть Центральной Азии. Москве также нужны были мирные связи с Казачьей Ордой, так как торговые пути шли из России в Среднюю Азию через казахские степи.

Несколько забегаая вперед, следует сказать, что в 1731 году, опасаясь участвовавших в нападении джунгарских калмыков, казахский хан Абулхаир обратился к русскому правительству с просьбой о принятии его в подданство. Просьба была удовлетворена.

Иначе смотрели на отношения с Московским государством некоторые приближенные ханов — мурзы. Они предпочитали мирным отношениям набеги на сибирские слободы, сопровождавшиеся грабежом и взятием пленников. Делалось это без ведома хана. Особенно часто стычки происходили у соленого Ямышева озера, вблизи Иртыша, куда из Тобольска приходили русские караваны за солью.

В конце XVII века ханом Казачьей Орды был Тевки, в русском произношении хан Тьякз. В 1691 году, во время очередной стычки у Ямышева озера, русские взяли в плен двух приближенных хана — мурз Килдея и Сару. Их отвезли в Тобольск, где Сара вскоре умер. Килдей остался в плену. В следующем году в Казачью Орду был отправлен с мирными предложениями послом Андрей Неприпасов, но посольство взяли в плен.

Однако в 1693 году хан Тевки сам обратился к царю Петру с просьбой установить дружественные отношения и освободить из плена мурзу Килдея, после чего обещал отпустить на родину Андрея Неприпасова. В ответ на грамоту в город Туркестан, где жил хан Тевки, выехал посольство во главе с Федором Скибиным и вторым послом Матвеем Трошиным. Скибин вез в Казачью Орду «наказную память» хану.

Казачья Одиссея

Посольство вышло из Тобольска в апреле 1694 года по торговому пути в Среднюю Азию. Проводником, «вожем», был освобожденный из плена мурза Килдей.

И сразу же начались злоключения. Караван, дойдя до верховьев Ишима, направился к реке Сарысу. А тут-то, как сообщил впоследствии Федор Скибин, «подле Сарысуя реки у Атуба Каменю, наехали на нас Казачьи Орды воинские люди, человек с шестьдесят, и учали по нас из ружья и луков стрелять, убили кашевара, а другога ранили, а пожитки наши со выюшными лошадьми ограбили без остатку».

Когда мурза Килдей подошел к нападавшим, уговаривая их не трогать русское посольство, его взяли в плен. Стрельба продолжалась весь день, были убитые и раненые с обеих сторон. Скибин, Трошин и их спутники, отстреливаясь, приблизились к реке Сарысу и «сели в осад».

Ночью им удалось убежать в горы. Здесь они встретили несколько калмыков (по-видимому, это были джунгары). Скибин рассказал им о злоключениях посольства и просил довести их тайной дорогой к Тевки-хану в город Туркестан. За это калмыкам отдали «из остаточных своих пожитков четыре лисицы красные да три бобра» — вероятно, из числа подарков, которые русское посольство везло хану.

Калмыки, взяв подарки, сказали, что поедут за «добрыми верблюдами». Вернулись они в значительно большем количестве, на лошадях, без верблюдов. Всех русских связали, посадили вместе с собой на лошадей и повезли в свой улус. Здесь их собралось человек двести, между ними началась ссора, каждый хотел взять русских пленников себе. В конце концов их продали своим же

калмыкам «в холопство», те уплатили за них скотом. Через четыре дня в улус приехал, «отколе неведомо», мурза Килдей. Ему удалось уговорить калмыков освободить посольство. Всех русских посадили на неоседланных лошадей и босых, полуодетых и безоружных повезли вместе с мурзой Килдеем в Туркестан.

Посольство прибыло в столицу хана в таком плачевном виде 22 июля. Таким образом, это весьма неблагоприятное путешествие продолжалось около четырех месяцев. Когда Скибина и его спутников привели в юрту к хану Тевки, здесь были находившийся в плену Андрей Неприпасов и его спутник казак Василий Кобяков. Через толмача начались переговоры.

Килдей убеждал хана жить в мире с русскими. Хан ответа на это не дал, но утверждал, что набеги совершают каракалпаки, а не его люди.

Скибина и Трошина поселили в одной юрте с Неприпасовым и Кобяковым. Корму на всех дали одного барана и два пуда пшеницы и этим ограничились. Прожили они в Туркестане год и три месяца. За это время Скибин и его спутники много раз требовали отпустить их в Тобольск, но посольство продолжали задерживать.

Однажды русская полонянка Анна Васильевна рассказала Скибину, что жены хана, которые сочувствовали пленным, и просили своего повелителя отпустить Анну домой, рассказали ей, будто хан собирается снова идти в поход на русские города — этого требовали от него воинственные мурзы.

С пленными послами обращались все хуже и хуже. В феврале 1695 года внезапно от неизвестной причины умер Андрей Неприпасов.

Федор Скибин и его товарищи задумали побег. В мае Матвеем Трошиным и Василием Кобяковым удалось бежать из Туркестана в Бухару. Скибин бежал позднее — в октябре, когда он вышел вместе с партией русских пленников в Бухару. Там он и встретился с товарищами. В конце ноября Скибин, Трошин и Кобяков вышли из Бухары в Хиву вместе с торговыми людьми: астраханским жителем греком Николаем Ивановым и армянином Сайвасом Ивановым. Скибин признался им, что бежал из плена, и назвал себя и своих товарищей.

20 декабря 1695 года путники пришли в Хиву. Здесь они про-

жили тайно три месяца, назвавшись ногайцами, а весной, в конце марта, через плато Устюрт направились к реке Яику, на урочище Сарайчик. Весь путь из Туркестана в Бухару, из Бухары в Хиву, из Хивы на Яик «брели пеши».

От Яика Кобяков пошел к Астрахани, а Скибин и Трошин направились к кочевьям хана волжских калмыков Аюки, расположенным неподалеку от Яика. Хан принял путешественников «с честью и корм учинил». Они прожили у калмыков весь май, отдыхая после тяжелого семимесячного пешеходного странствования через всю Среднюю Азию.

Для продолжения пути хан Аюка дал Скибину подводы и провожатых. От него они поехали на несколько дней в Яицкий городок (теперь Уральск) к яицким казакам, затем направились в Уфу, где прожили два дня, и, получив здесь подводы, отправились в Тобольск. В июле 1696 года закончилась «казачья Одиссея» Федора Скибина и его товарищей, продолжавшаяся более двух лет.

Посол дает отчет

Прибыв в Тобольск, Скибин и Трошин явились к воеводе А. Ф. Нарышкину и подали ему «за своими руками» стайный список о путешествии в Казачью Орду и «Роспись городков Казачьей Орды», которых они насчитали тридцать два. Так как привезенные сведения были очень важны, «список» отправили в Москву к князю Ивану Борисовичу Репнину, стоявшему во главе Сибирского приказа. В ноябре 1696 года последовал царский указ о награждении Федора Скибина. «И великий государь пожаловал ево за многие службы деда и отца ево и за ево службишку и за всякое нужное тепление и велел ему быти в тобольских детех боярских¹, с его денежным и хлебным окладом и с пашнею». Василий Кобяков также был «поверстан в дети боярские за службу и за полное терпение».

¹ Дети боярские стояли на нижней ступени феодального общества. На верхней находились князья, на второй — бояре и служебные князья, на третьей — дворяне и дети боярские.

Судьба «Хорографической книги»

Однако внимание Москвы к путешествию Скибина в Казачью Орду на этом не кончилось. Полученная спустя три месяца царская грамота предписывала тобольскому воеводе подробно допросить путешественников о путях в Казачью Орду, в город Туркестан, из Туркестана в Бухарию, из Бухарии в Хиву. Очевидно, эти сведения понадобились в связи с угрозой похода хана Тевки на русские города; в грамоте указано выяснить, где лучше могут пройти «ратные люди».

В своем «статейном списке» Скибин сообщил о злоключениях посольства на пути в Туркестан, о пребывании в плену, бегстве и трудностях обратного пути в Тобольск. В допросе же, как было предписано царской грамотой, он рассказал о путях в Туркестан, по которым шел сам, подробно перечислив маршрутные сведения, имеющие большой географический интерес. Кроме таких крупных рек, как Иртыш, Вагай, Ишим, Сарысу, Сыр-Дарья, он назвал и малые речки, перевозы, броды, деревни, волости, горы, горки, болота, через которые шел его путь.

Все расстояние между отдельными пунктами Скибин указывает в верстах и днях пути. По его сведениям, от Тобольска до Туркестана средним ходом два месяца, скорым ходом тридцать дней, тихим — девять недель.

Интересные сведения сообщает Скибин о городах, в которых он побывал, о том, как они построены, чем занимаются их жители, какие ремесла знают.

В заключение допроса Скибин сообщает, что, кроме того пути, которым шло посольство, есть другая «пристойная» дорога из Тобольска в Казачью Орду. О ней он узнал от многих «ведомцев и бывальцев». Это был один из торговых путей через Тобольск в Среднюю Азию. Шел он вверх по Тоболу, через лежащие по его течению остроги и слободы, все они перечисляются, и указываются расстояния между ними.

По допросу Скибина был сделан «чертеж на бухарской бязи», где «и реки, урочища, и дороги, и города на том чертеже подписаны именно, и тот чертеж послали к тебе, великому государю». Отвезли чертеж в Москву казачий сотник Федот Матигоров и участник посольства Скибина татарин Таушка Мергенъ.

Чертеж этот много лет считался утерянным, обнаружить его след не удавалось.

В XVII веке в Тобольске жил известный сибирский картограф Семен Ульянович Ремезов, составитель трех рукописных атласов Сибири и части Средней Азии.

Один из них, «Чертежную книгу» Сибири, Ремезов составлял в 1699—1701 годах. Этот атлас был опубликован в 1882 году и приобрел всемирную известность. Другой, названный «Служебная чертежная книга», не был издан. Он хранится в Ленинграде, в Государственной публичной библиотеке, время его составления — 1702—1730 годы.

А вот с самым ранним из трех ремезовских атласов советские ученые ознакомились только в 1959 году. Судьба его необычайна, полна приключений.

Он назван «Хорографическая чертежная книга»¹, начат в 1697 году, закончен в 1711 году и предназначался для подношения царю Петру I. Где находился атлас во второй половине XVIII века и в XIX веке, выяснить не удалось. Следы его обнаружили лишь в 1912 году, в архиве графини Воронцовой-Дашковой.

В 1914 году в Петербурге началась подготовка к изданию «Атласа Азиатской России», куда должна была войти и «Хорографическая книга». Работа над составлением «Атласа» продолжалась до 1918 года. А затем след «Хорографической книги» теряется. В 1920 году архив Воронцовых-Дашковых поступил в библиотеку Академии наук в Ленинграде, но ремезовского атласа в нем не оказалось.

В 1926 году ленинградские ученые начали поиски пропавшего атласа. Попытки оказались безуспешными. Как выяснилось впоследствии, «Хорографическую книгу» присвоил картограф Лев Багров, которому в 1912 году было поручено написать предисловие к «Атласу Азиатской Рос-

¹ Знаменитый греческий ученый — математик, астроном и картограф Клавдий Птолемей, живший во II веке нашей эры, словом «хорография» обозначал карты отдельных стран, в противовес термину «география», то есть карта мира. Древнегреческое слово «хора» означает край, страна.

сии». В 1918 году Багров уехал в Германию, незаконно взяв с собой в эмиграцию «Хорографическую книгу». Так ценнейший памятник русской науки XVII века оказался за рубежом.

В 1945 году Багров переехал в Швецию, где опубликовал некоторые чертежи из украденного «Атласа». В 1958 году он напечатал в Голландии всю «Хорографическую чертежную книгу». В крупнейшие библиотеки Советского Союза это издание поступило в 1959 году. После смерти Багрова подлинник «Хорографической книги» был продан его наследниками в США, где находится и сейчас.

Кто автор?

Советские ученые — географ академик Лев Семенович Берг, историк Александр Игнатьевич Андреев и другие — уже давно обратили внимание на одно интересное обстоятельство. В тексте чертежей Ремезова, изображающих территорию Средней Азии, с поразительной точностью, а иногда и дословно, повторяются различные сведения, о которых доносил Скибин, вернувшись в Тобольск, причем с такими подробностями, которые мог сообщить только он. Например: «дорога Неприпасава, дорога Килдеева, озеро Тныркуль; покинуты телеги (тут же на чертеже рисунок опрокинутых телег); по всей степи и по песку и по камени растет древо соксоул; а от Сарысу реки Килдей провел вправо». По поводу последней надписи напомню, что мурза Килдей был проводником, «вожем», посольства Скибина.

Эти совпадения навели на мысль поискать утерянный чертеж Скибина в атласах Ремезова: ведь они оба жили в Тобольске в одни годы.

В «Чертежной книге» Сибири и в «Служебной чертежной книге» многих местностей, по которым шел Скибин, не показано. Оставалось продолжить поиски в «Хорографической книге». Первый ее лист оказался грамотой, в которой Ремезову предписано составить чертеж.

Читаю грамоту и не могу понять, почему мне в ней знакомо каждое слово, ведь я впервые держу в руках «Хорографическую книгу». И вдруг вспоминаю: да ведь это же указ о допросе Скибина и составлении чертежа. Сверяю оба текста и убеждаюсь,

Схема чертежа пути Федора Скибина.

что они от начала до конца полностью совпадают.

Теперь совершенно ясно, что составить чертеж путей в Казачью Орду поручено было не самому Скибину, как считалось до сих пор, а опытному картографу Ремезову.

После этого интересного открытия удалось сделать и второе. В той же «Хорографической книге» на 163-м листе был обнаружен считавшийся утраченным чертеж пути Скибина, составленный самим Ремезовым. На чертеже надпись: «Таков написан и послан к Москве 205 года (1697) марта в 20 день Казачьи Орды». Поиски оказались удачными вдвойне: найден чертеж и выяснено имя его составителя.

Чертеж на бухарской бязи

Территория, изображенная на чертеже в этом ремезовском атласе, полностью совпадает с ме-

стностями, по которым в Казачью Орду шло посольство Скибина. Проследить его путь можно по маршрутной пунктирной линии, нанесенной на чертеж.

На чертеже пунктирной линией показан и путь Скибина из Туркестана в Бухару. Линия эта пересекает пустыню Кызыл-Кум западнее группы колодцев: Дерт-Кутук, Уранай, Балыклы, Агитлы. Интересно, что эти колодцы, через которые Скибин шел от Сыр-Дарьи к Аму-Дарье, наносятся и на современные карты. Сохранилось несколько измененное название одного из них: «Дорт-Кудук», что означает «Четыре колодца»¹.

На чертеже нанесен и дальнейший путь Скибина: из Бухары в

Хиву, затем в Ургенч, далее вдоль западного берега Аральского моря и по плато Устюрт на Яик, оттуда к Уфе. Не показан только его путь из Уфы в Tobolsk: он не представлял интереса для Москвы.

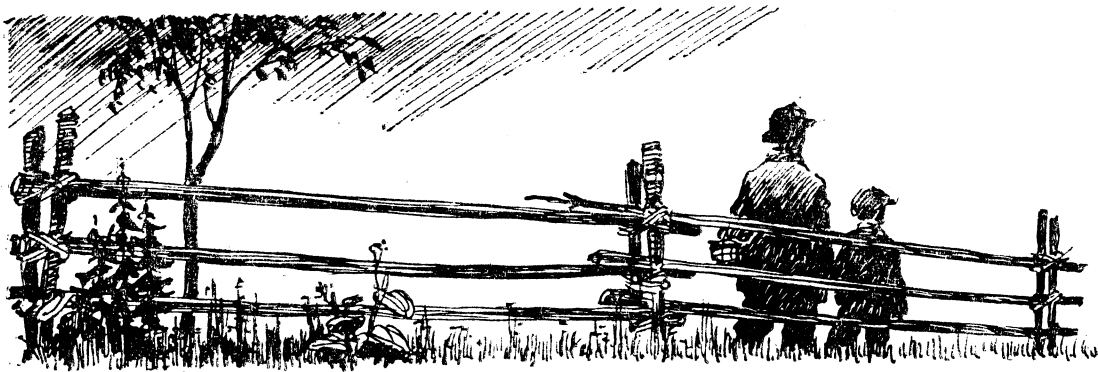
Пунктирная линия отмечает на чертеже и другую, «пристойную», то есть удобную дорогу в Казачью Орду — вверх по Тоболу.

Чертеж «Казачьи Орды» не имеет масштаба и ориентирован неправильно, но отраженные на нем географические сведения представляют большой интерес, так как нанесены со слов очевидца.

Это малоизвестное до сих пор путешествие из Сибири в Среднюю Азию продолжалось два года. Совершивший его путешественник показал себя отважным человеком, глубоко преданным родине. В сложных, угрожающих жизни условиях он проявил стойкость и мужество, защищая доверенные ему государственные интересы.

Материалы путешествия Федора Скибина внесли много интересного и нового в историю русских исследований Средней Азии в XVII веке.

¹ Территория пустыни Кызыл-Кум посещалась русскими путешественниками еще в начале XVII века (Юдин, Нечай, Хохлов, Грибов). Все они шли со стороны устьев Волги. Скибин же был, по-видимому, первым русским, пересекавшим пустыню в южной ее части от Туркестана до Бухары.

ПОСЛЕ ДОЖДИЧКА, В ЧЕТВЕРГ

Рассказ

Сергей МУХИН

Рисунки В. Бубенщикова

В дверь не стучали, ее царапали. Я прислушался. Это не Атос — черный лохматый пес, взбалмошный и ласковый. Царапнули еще раз, и дверь открылась без скрипа. Хотя шагов не было слышно, я, не выходя из-за дощатой перегородки, за которой стояли кровать и маленький некрашенный столик, определил: Андрюшка.

Если я останусь в своей каморке, он не позовет меня, будет сидеть на широкой лавке молча. Просидит и час, и два. Он очень стеснителен, этот Андрюшка. И молчит не только со мной. Бывает, мать ушлет его за чем-нибудь к соседям, а он прибежит и будет сидеть, пока не спросят:

— Андрюшка, тебе мать, наверно, чего-нибудь наказала?

— Ага...

А не спроси, так и уйдет. Андрюшка не умеет протягивать руку ладошкой вверх. Ему нравятся, безумно нравятся мои крючки, мои лески, мои удилища, мои книги, но он никогда ничего не попросит. Я предлагаю — берет с нескрываемой радостью, но не благодарит, а только качнет головой и молча пошевелит губами. Благодарить он тоже не умеет. Делиться всем со своим другом для него такая же потребность, как молчать. А мы с ним друзья, настоящие друзья.

По этой причине я не хочу его томить. И еще потому, что сам его ждал. А нас

обоих, мне кажется, ждет рыба. Так и будут кидаться на крючки нахальные окуни, осторожная плотва, сильные язи и мои любимые ельцы. Ельцы некрупные, но я люблю их больше всех. Может, потому, что только здесь, в устье небольшой речки со смешным названием Карекса, я смогу насладиться их клевом, и только в пору летнего отпуска, если провожу его в деревне Согорки. А это удастся далеко не каждый год.

Выхожу из своей каморки. Андрюшка вопросительно смотрит: первым он не поздоровается все из-за той же стеснительности.

— Здравствуй, Андрюшка, — говорю. — У тебя черви заготовлены?

— Здравствуйте, дядя Петя. А зачем они?

— Как? — удивился я. — Разве мы не пойдем на рыбалку?

Андрюшка вздернул одно плечо и сморщил нос.

— Вода после дождика мутная.

— Но дождик был совсем маленький... Смотри, — показал я в окно, — пыль, и ту плохо прибило.

— Это у нас, в деревне. А вы видели, дядя Петя, что творилось над Поповой Лысиной? Туча повисла над нею. Остановилась и давай утюжить.

Попова Лысина — небольшой перелесок около Карексы. Назвали метко, ничего не

скажешь. На плоской вершине угора деревья растут только по краям, таким венчиком. В середине образовалась широкая проплешина. Когда-то, в пору единоличных хозяйств, здесь была маленькая полоска — следы борозд и теперь заметны. Позднее поле залужили: на этаким пятчке с машинами не повернешься, а может, и другие причины были. Однако зарости поляне кустами не дал скот: Попову Лысину прирезали к выгону. Проплешину на плоском угоре чище литовки бреют коровы, а сам склон, сбегаящий к Карексе, покрыт густым вересняком и соснами, словно обросший затылок.

— По-твоему, мы остались без дела? — спросил я.

— Дядя Петя, а вы по грибы пойдете? — почему-то перешел Андрюшка на шепот.

— По грибы? — удивился я неожиданному повороту Андрюшкиных мыслей и также полупшепотом ответил: — Так ведь они не растут. Мы с тобою в лесу были? Были. Ни одной синявки, сушь.

— А сегодняшний дождь? — хитро прищурился он.

— После него еще рано...

— Маслята растут быстро, — гнул Андрюшка свою линию. — И самый хороший у них первый слой. А на Поповой Лысине бывает...

Мы на том и сошлись, что утром попытаем счастья.

— Только встать надо пораньше, дядя Петя, да пройти незаметно, огородами.

— Это почему? — удивился я.

— Чтобы нас никто не увидел...

Андрюшка оставался верен себе. Когда на рыбалку шел, тоже считал дурной приметой встретить кого-либо. Я знал: он ни за что не пройдет по деревне с удочками в руках, в темноте — и то норовит прошмыгнуть огородами. Но я не думал, что столь же скрытно он уходит в лес.

— Ладно, — согласился я. — Уйдем пораньше и незаметно.

— И корзинку берите поменьше.

— А если маслята вырастет много?

— Первый раз надо идти с маленькой...

Андрюшка явно не хотел вдаваться в разъяснения. Должно быть, на этот счет существует примета, высказать которую он постеснялся.

Когда рано утром я вышел из дому, Андрюшка сидел под черемухой.

— Тебя кто разбудил?

— Сам поднялся. Я ж привычный, когда надо, тогда и встаю...

Никто, кроме Атоса, нас не заметил. Но и тот нам ничего не сказал: посмотрел, лениво зевнул и залез обратно под крыльцо.

Мы пошли задами до околицы. По тропинке, которую в деревне называют «косой», спустились в густую рожь, из нее поднялись на проезжую дорогу, а она вела прямоком к Поповой Лысине.

Чем ближе подходили к лесу, тем шумнее становилось птичье разноголосье, звонче стрекот кузнечиков и нахальнее атаки оводов и слепней. День оживал, а мы говорили тише и тише. Может, сказалась привычка: мы всегда молча выходим на реку. А может, когда громко говорит природа, человеку положено молчать? Уж очень слаженный концерт дает она по утрам! Голос человека в нем совсем лишний. Человеку дан другой высокий талант — умение слушать. Слушать и понимать, о чем поют птицы, чем встревожен лес, какую новость передает волна камням на перекате и что за дума гнет ржаной колос к земле.

Вдоль дороги, по которой мы шли, тянулся кустарник. Он обрывался перед неширокой поляной. На нее из лесу вышло несколько сосенок. Так начиналась Попова Лысина.

— Дядя Петя, давайте обойдем эти сосенки, — предложил Андрюшка.

У первой ничего не было. Я прошел мимо второй с чуть потускневшей надеждой, но Андрюшка задержался и окликнул:

— Дядя Петя, посмотрите-ка!

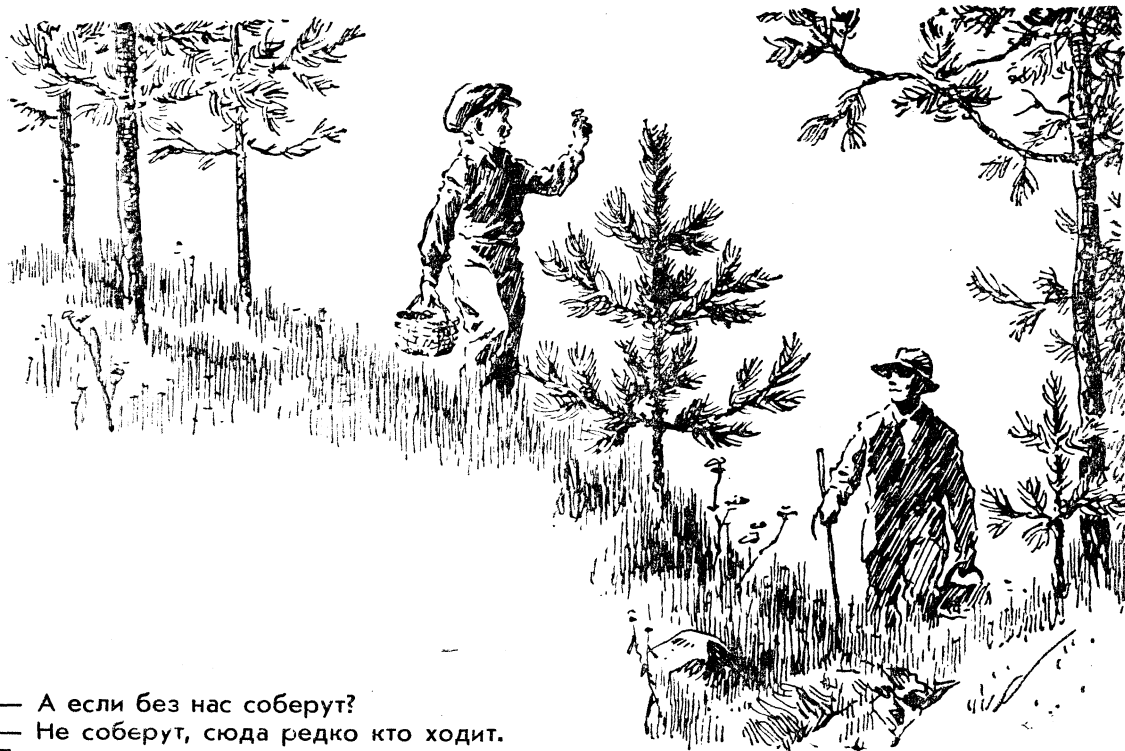
Андрюшка стоял на коленях в старой борозде. Коровы не могли выбрать из нее всю траву начисто. В нее-то и обронил нечистый горсть желтоватых пуговиц. Старая легенда все сваливает на лешего. Может, и в самом деле он нес подарок какой-нибудь симпатичной кикиморе, да забыл про дырку в кармане. Лешие — они невнимательны. А кикимора оказалась ревнивой, пошла его проверять, наткнулась на пуговицы да и пришила их к земле. Строчка получилась кривой, неровной. Но что с нее спросишь, с кикиморы? Я залюбовался строчкой.

— Теперь пойдут, только успевай собирать, — заметил Андрюшка.

Он срезал горсть маслят и бросил в корзинку. С земли поднялся, не притронувшись к строчке.

— А эти? — показал я.

— Так они же слишком маленькие, не очистишь. Оставим до завтра. К завтрашнему дню подрастут, каждый масленок будет больше пятака.

— А если без нас соберут?

— Не соберут, сюда редко кто ходит.

Потом подумал и — менее твердо:

— Пусть собирают. Мы другие найдем.

Нам попало немало маслят. Они облюбовали канавки с невысокой травой. Иногда маслята так и не набирались силы выскочить из борозды, а иногда отважно взбежали на бугорок и тянулись от сосны к сосне. Случалось, я обнаруживал один ее конец, Андрюшка — другой. Мы сходились по середине и начинали препираться:

— Это твои грибы, Андрюшка, — говорил я. — Пуговицы — первый сорт...

— И вовсе не пуговицы, а пяточки, — поправлял меня Андрюшка. — Вы их первыми увидели, вам и собирать.

— Но они у твоей корзины, — говорил я, проявляя великодушие взрослого, поднимался и шел вперед, пока не наткнулся на новый грибной выводок.

Мы не заметили, как стали разговаривать громче. Андрюшка хвастался пяточками и полтинниками, изредка рублевиками, я предлагал ему пуговицы. И чем ниже мы спускались, тем чаще попадали маслята покрупнее. Все они были до невозможности скользкие, и у каждого шляпка с нижней стороны была покрыта желтыми капельками, словно потом. И в самом деле — пот. Знать, нелегко за одну короткую ночь про-

бить твердую землю и еще успеть, пока не поднимется в зенит солнце, прикрыть шляпкой грибницу.

Мы облазили всю гору. Корзинки, однако, наполнились не быстро. Маслята — как ягоды, их надо считать не штуками, а пригоршнями.

Вот уж, кажется, не осталось ни одной необследованной сосенки.

— Хорошо, что мы взяли маленькие корзинки, — сказал Андрюшка. — Первый раз надо приходиться с маленькой и набирать полную... Завтра можно взять и больше. Пойдем завтра, дядя Петя?

— А какой сегодня день? — спросил я. — Может, обещал куда-нибудь пойти, что-то сделать?

— Сегодня? — переспросил Андрюшка и, пошевелив губами, сообщил: — Сегодня четверг.

Четверг! Я невольно рассмеялся и сказал:

— Теперь буду знать: первый раз за грибами надо ходить с маленькой корзинкой и обязательно в четверг, после дождичка.

Маленькому человеку всего 10—12 лет. Все интересует, все хочется попробовать и все кажется по плечу. Трудно в эту пору из всех своих способностей определить главную, самую яркую. А выбирать уже надо, ведь впереди большая жизнь и не сегодня—завтра предстоит решать, какому делу себя посвятить.

Найти себя очень помогают всевозможные смотры детского художественного и технического творчества. Может быть потому они всегда привлекают так много участников.

На этих страницах мы публикуем несколько работ юных свердловских художников, участников большой выставки. Как знать, может быть эти ребята уже нашли свое призвание

Зоя Гаурова, 14 лет
ПРОЩАНИЕ С МОРЕМ

Наташа Ильиных, 13 лет

В ЖАРКИЙ ДЕНЬ

Аня Хейнштейн, 12 лет

СОЛИСТКА

Страна Топонимия

так будет называться новая рубрика в журнале, посвященная истории географических названий – населенных пунктов, рек, гор и т. п. В ней примут участие ученые географы, лингвисты и историки, краеведы и, конечно, наши читатели.

Публикуем вступительную статью и ждем Ваших писем, друзья следопыты!

ПРИГЛАШЕНИЕ

К ПОИСКУ

История нашей Родины запечатлена не только в старинных документах и рукописных книгах. По остаткам древних сооружений, по черепкам посуды и осколкам хозяйственной утвари ученые-археологи восстанавливают страницы жизни давно ушедших поколений. Былины, предания, песни, записанные собирателями-фольклористами, при умелом их прочтении рисуют картины прошлого, не отраженные ни в письменных документах, ни в вещественных остатках.

Но есть еще один источник, по которому можно изучать историю своей страны, своего края.

Сегодня мы приглашаем вас открыть первую страницу такой «книги». Строчки ее разбросаны вокруг нас на каждом шагу. Называется эта книга — топонимика.

В любом языке, говорят ли на нем миллионы или только сотни людей, есть особая, очень своеобразная группа слов — географические названия, или топонимы (от греческих слов «топос» — место, «онома» — имя). Науку об этих словах и называют топонимикой.

Географических названий много — в одном населенном пункте можно записать до ста (в некоторых случаях даже больше). Вот и получается, что на территории одной только Свердловской области бытует несколько сот тысяч географических названий, а на всей территории Советского Союза их многие миллионы. Если учесть, что в местах языковых смешений один и тот же объект может именоваться на разных языках, то численность топонимов окажется еще значительно больше, например, по-русски река Вижай (от коми *вежа*) — «святой», а по-мансийски Ялпингья — «святая река»; по-русски — Молебный камень, а по-мансийски Ялпингнёр — «святой хребет». Да есть еще словообразовательные варианты (например, река Пелым и Пелымка). Сравните-ка: в знаменитом «Толковом словаре русского языка» Владимира Даля насчитывают всего 200 000 слов, а в топонимической копилке их миллионы. Какое же это богатство, если его собрать и тщательно изучить!

Читается топонимическая книга, на первый взгляд, легче, чем археологическая. В самом деле, каждому понятно, что гора Высокая названа так потому, что это и в самом деле высокая (по крайней мере для данной местности) гора, а Свердловском назван город в честь выдающегося деятеля Советского государства Я. М. Свердлова. Однако не всегда все обстоит так просто. Попробуйте ответить на вопрос, что такое Исеть и почему так названа река? Как появилось название уральского озера Таватуй? Почему один из городов Свердловской области называется

Ирбит? Здесь порой надо обладать знаниями многих наук, чтобы приблизиться к правильному ответу. Да и трудностей разных подстерегает здесь множество. Вот одно из самых обычных топонимических «приключений».

Любители природы знают о могучей горе Отортен, величественной вершине Северного Урала, которая возвышается там, где сходятся границы Свердловской, Пермской, Тюменской областей и Коми АССР. Много раз и автору этих строк приходилось любоваться зубчатым гребнем Отортена да и подниматься на эту вершину. И казалось, что она, господствующая над окружающими горами, по справедливости заслужила свое название, так как мансийское слово *отыр* значит «богатырь», «герой».

Но как же все сотрудники нашей экспедиции были поражены, когда узнали, что местные жители — манси — только улыбаются, узнав о таком толковании названия, что этот топоним появился в результате... грубой ошибки составителей карты. Гору Отортен манси называют Лунт-Хусап-Сяхл, то есть «Гора гусиного гнезда (коробки)». Название это дано потому, что юго-восточные склоны горы круто обрываются к Лозьвинскому озеру, из которого берет начало река Лозьва. Мансийская легенда рассказывает, что во время всемирного потопа здесь, в озерке у высокой горы, нашел спасение гусь. А откуда появилось наименование Отортен? Оказывается, это искаженное название совсем другой вершины Вот-Тартан-Сяхл («Гора, с которой дует ветер»).

У топонимики есть и чисто практические важные задачи. Поэтому трудно найти в языке другую группу слов, которая бы так привлекала не только ученых-языковедов, но и историков, географов, даже геологов, зоологов и ботаников, не говоря уже о краеведах — им-то особенно интересно знать, как возникло название их края, села, деревни, улицы. И здесь дело не в одном любопытстве.

У географических названий есть одна важная особенность: их местонахождение точно известно, они так же крепко прикреплены к объекту — реке, горе, населенному пункту, — как этикетка к предмету. Но нарицательные слова могут очень далеко путешествовать: с архангельского Севера пришли на Урал вместе с русскими переселенцами слова-путешественники: курья — «речной залив», мянда — «низкорослая сосна», нодья — «охотничий костер» и многие другие. Так же могут переноситься и географические названия. Это хорошо показывают названия населенных пунктов — Варна, Лейпциг, Париж и даже Фершампенуаз в Челябинской области.

Но все же возможности странствий топонимов ограничены. А отсюда вытекает одно очень важное правило: если нанести ряд однотипных в том или ином отношении названий на карту, мы получим **зону распространения** какого-либо топонимического явления. Эта точность географической привязки очень важна и для языковеда, который может установить таким путем зону распространения («ареал») вымершего языка, и для историка, создающего карту расселения народов в древности, и для геолога, знающего, что названия могут указывать на месторождения полезных ископаемых, и для биолога, определяющего зону бывшего распространения бобра или дуба. Все это может дать топонимическая карта.

Южных манси русские в старину называли вогулами. С течением времени они обрусели и теперь ничем не отличаются от других русских. Но в местах их прежнего жительства остались названия, содержащие слово вогул (Вогулка, Вогульская и т. д.). И когда эти названия нанесли на карту, то оказалось, что раньше манси жили намного западнее и южнее территории их современного расселения — по Сылве, Чусовой, Верхней Каме, Тагилу и Нице.

Самое трудное, однако, — объяснить название, раскрыть его смысл. Дело в том, что система географических имен чрезвычайно сложна. Во-первых, она разноразлична, что объясняется совместным проживанием или соседством различных народов. Так, на Северном Урале наряду с русскими обычны коми-пермяцкие и мансийские топонимы, а на Южном Урале — соседствуют башкирские, татарские и казахские названия. Во-вторых, топонимика той или иной территории чаще всего разновременна. Новые недавно возникшие названия «прочтеть» легко, если не из русского, то из других живых языков. Но рядом с ними нередко употребляются нами с привычной обыденностью столь древние наименования, что к ним следовало бы относиться с тем же благоговением, с какой человек смотрит на древнюю амфору, века пролежавшую на дне океана, или кольчугу воина, найденную при раскопках кургана. Кама, Тобол, Исеть, Тура, Тавда... Да мало ли местных названий уходят своими корнями в глубину веков и современны не только монгольскому нашествию, но, может быть, и великому переселению народов или даже еще более древним временам.

Но именно этой древности их мы и не ощущаем. Топонимы, пришельцы древних веков, не хранятся в гулкой тишине музейных зданий (да и как их хранить?), они — наше общее достояние, постоянные спутники нашей жизни. Вот только понять их очень трудно даже ученому. Много лет идет спор о том, что означают слова типа Урал, Кама, Тавда, Исеть, Уктус и кто их создал. Но, наверное, далеко не во всех случаях исследователи сумеют узнать истину.

Вот, например, Кама. До чего же разнообразны факты, которые приходится учитывать при толкова-

нии этого названия! Оказывается, близкие топонимы очень широко распространены на русском Севере (Кема, Кыма, Кьяма, Кяма), в Карелии (Кемь) и Финляндии (Кэми, Кюми), а за Уралом есть даже две реки, которые так и называются — Кама (в бассейне Тавды и Конды). Поскольку в финском языке слово **кюми** имеет значение «река», «приток» и в том же смысле употребляется в некоторых удмуртских говорах слово **кам**, самое правильное считать, что Кама в переводе на русский язык означает просто «река» или «большая река». Не случайно татары и башкиры называют Каму Идел (татарско-башкирское **идел** — «река»). Большие реки часто именуются таким образом. Тувинцы, например, называют Енисей Хем, что по-тувински и означает «река».

Но установить значение топонима — только полдела. Надо узнать, из какого языка он происходит. И вот тут-то исследователи пока не находят ответа. Источником финского **кюми**, удмуртского **кам**, тувинского **хем** некоторые ученые считают... индоевропейские языки. Но и это еще не доказано. Одна загадка порождает другую.

А что же делать в тех случаях, когда мы не можем установить значение термина?

Оказывается, если однотипных в том или ином отношении названий много и если точно известно их местонахождение, можно прийти к интересным выводам, даже не зная точно значения древних слов. Раз в топонимике отражаются закономерности языка, то могут быть установлены и особенности звукового состава, а также словаря и словообразования вымерших языков. Кажется, нет ничего особенного в том, что близ Свердловска сосредоточена целая группа названий рек с начальным **р** — Ревда, Ревдель, Реж, Рефт и другие. А между тем эта деталь объясняет многое: далеко не во всех языках есть начальное **р**. Нет его, в частности, в языках тюрков и самодийцев. Значит, выбор уже более ограничен, значит, эти названия не могут принадлежать татарам или башкирам, ненцам или селькупам...

Так бережно топонимист собирает факты и осторожно их объясняет. И чем больше фактов собрано, тем больше они открывают нового. А этот первый этап топонимического исследования — сбор материала — доступен каждому. Читатели «Уральского следа» могли бы оказать серьезную помощь науке, собирая топонимику в своих родных местах.

Кто знает, какие тайны скрывают географические названия вашего города или деревни, и вы можете стать соучастником важного топонимического открытия.

О методике поиска и собирания топонимов мы поговорим в следующих статьях, а пока — ждем ваших сообщений об интересных географических названиях в родных краях и ваших вопросах.

А. К. МАТВЕЕВ,
доктор филологических наук.

ГДЕ РЕКА СОЛОНА?

В отделе редкой книги библиотеки Академии наук Литовской ССР хранится старинное издание на латинском и польском языках — «Радвилнас». Оно выпущено в 1588 году вильнюсским печатником Яном Карцаном.

Мое внимание в книге привлекла поэма, напи-

санная гекзаметром «золотым пером» некоего Яна Радвана литвина, «описанная славного, который с Падуи пришел», то есть окончил знаменитый Падуанский университет в Италии.

В поэме упоминаются многие местности Литвы и Руси, факты из их истории. Особенно любопытно,

что при описании сражений Радван подражает «Илиаде» Гомера, о современных ему фактах говорит языком легендарного греческого поэта. Да и название поэмы, как и всей книги, в переводе буквально означает «Илиада Радвилы».

Войскам Радвилы¹ удалось выиграть ряд сражений. Описывая победы литовского гетмана, автор в то же время отдает должное мужеству русских воинов, сравнивает их с греческими воинами, осаждавшими Трою, рассуждает о бескрайних просторах Московского государства, о его многоплеменном населении.

Вот несколько строк из поэмы:

Перед взором твоим пройдут
 длинным рядом
 Племена, различные по языку,
 оружие и мужам, —
 И казанское племя, и беспокойные переяславцы,
 Рязанцы и лучники-муромоны,
 Ростовцы, жестокие тверцы, сильные
 северы,
 И отряд астраханцев, дышащих
 силой,
 И крайние из людей, блуждающие
 у льдов моря,
 Двинцы — великие народы и вожди.
 Пройдет житель крайних границ Оки.
 ...И те, кто населяет Солону, что
 ледяными волнами
 Вливается в Обь, шире которой
 реки нет.
 ...Сибирь — соседи персов, воинственное
 племя,
 Обрабатывающие свои поля
 вблизи городов ахеменидов,
 И народы Азии с той стороны
 Волги.

И Таниаса², отделяющих Европу от Азии...

Эти выдержки из поэмы Радвана совпадают с теми местами «Илиады», где Гомер живописует рати «ахейских сынов кудреглавых», «их племена, как птиц перелетных несчетные стаи».

Почти все названия племен и мест поэмы Радвана расшифровываются без особого труда. Лишь две строки заставили задуматься:

И те, кто населяет Солону,
 что ледяными волнами
 Вливается в Обь...

Беру географическую карту, рассматриваю бассейн Оби, ее низовья. Но реки с названием Солона здесь не значится. Обращаюсь к специалистам — историкам, географам, топонимистам Ленинграда, Томска, Тобольска, Тюмени.

Профессор Института Арктики и Антарктики М. И. Белов, возглавлявший археологическую экспедицию в Тазовском районе Тюменской области, сообщил: в старинных рукописях и книгах названия «Солона-река» ему не встречалось.

Специалист по топонимике Западной Сибири

¹ По-литовски — Радвил, по-польски — Радзилвилл.

² Древнее название Дона.

профессор Томского педагогического института А. П. Дульзон отвечает: «Солона — река — производное от кетского Солонзас. Но под таким названием значится левый приток реки Кабырза на Алтае. На Оби подобного наименования пока не найдено».

Понски пришлось продолжить на древних картах, где сохранились старые названия сибирских рек.

Вот «Карта России», составленная по чертежу царевича Федора Борисовича Годунова и впервые напечатанная в 1614 году в Амстердаме. Она воспроизведена во второй части третьего издания «Сказания современников о Дмитрие Самозванце» 1859 года. Русские названия на ней написаны латинскими буквами — Пермия, Тура, Тавда и т. д. На этой карте и обнаружилось, что один из правых притоков Оби, севернее Березова, обозначен как Сола-река. Не равнозначно ли это названию реки Солоны, воспетой в «Илиаде Радвилы»?

Решил обратиться в Салехард — центр Ямало-Ненецкого национального округа, к своим коллегам журналистам, в редакцию газеты «Красный Север».

«Задали же вы нам загадку, — написали в ответ товарищи из «Красного Севера». — Реки Сола или Солоны и мы не знаем. Но судя по чертежу, что вы приложили к письму, — это Казым, река, по европейским понятиям, большая, Днепру по многоводности не уступающая».

На помощь пришел ненецкий поэт Юван Юганпелик.

«Солона на диалекте обских коми, — сообщал он, — означает «соленая», «солон» же в переводе с ненецкого означает — половодье, разлив, внешние «воды».

Это уже близко к истине. Вполне вероятно, что русские землепроходцы, попавшие за Урал, в низовья Оби в пору весеннего половодья, слышали, как коренные жители называли разлив реки «солон», и восприняли ее как наименование реки. Под таким названием один из больших притоков Оби (возможно, действительно теперешний Казым) вошел в первоначальный чертеж, с которого впоследствии попал на географические карты и в литературу того времени о Московском государстве. Автор «Радвиллинаса» литвин Радван, как видно даже по приведенной небольшой выдержке из поэмы, неплохо знал историю и географию Русского государства и литературу о нем.

Для нас поэма Радвана ценна тем, что она является одним из первых печатных поэтических произведений о нашей стране и ее народах. Из нее мы узнаем, как уже в XVI веке на защиту независимости нашей Родины плечом к плечу с русскими выступали народы Дона и Поволжья, Двины и Урала, Сибири и Средней Азии, Юга и Крайнего Севера, что сражались они дружно и мужественно. Недаром они сравниваются с героями Троянской войны.

А. АНУШКИН

От редакции. Предположение о том, что автор «Радвиллинаса» имел в виду приток Оби — реку Казым, еще нуждается в доказательствах. Возможны и другие версии. В одном из материалов «Страны Топонимии» мы рассмотрели их.

БОЕВОЙ ОТПУСК

Вазих ИСХАКОВ

Бывает так — в минуты величайшего душевного напряжения, в сжимающие сердце опасные мгновения человек не думает о трудностях, а делает порученное ему дело. И когда все трудности остаются позади и человек внутренне расслабляется, он нередко приходит к искреннее изумление от сознания того, какие в нем, оказывается, живут силы. Нечто подобное испытал и Хусаин Мавлютов после разгрома Илекского белоказачьего корпуса. Остатки Восточной армии Көлчака, в частности Илекский белоказачий корпус, отступали в сторону города Уйыл. Замысел их был ясен — войти в город и отсидеться за его мощными крепостными стенами, пока не придет помощь. Для того, чтобы разгромить белый корпус, был создан экспедиционный отряд особого назначения. Ядро его составил третий татарский стрелковый полк.

...Хусаин задумчиво смотрел в потолок, заложив руки за голову. За стеной слышалась песня:

Быстрые воды Уйыл-раки
Наводят грустные думы...

Кто-то из бойцов самозабвенно пел древнюю протяжную башкирскую песню.

Мавлютову вспомнились башкирские деревни вокруг Перми, в которых ему доводилось бывать в свое время. И радостно, и грустно было ему слышать родные напевы вдали от близких сердцу краев.

Первая атака не принесла успеха — отряд был вынужден залечь. Спустя некоторое время атаковали вторично — и снова неудачно.

Белые почувствовали это и заметно активизировались. Бешено застучали пулеметы. Нужно было принимать срочные меры, иначе все может сорваться — Хусаин понимал это отлично.

«Нам был дан приказ: взять Уйыл не позднее 14 ноября, — записано в отрядном дневнике. — Вышли, не мешкая, из местечка Бегалы. Передовому отряду были переданы третий батальон и артбатарея. Таким образом, наш особый отряд, состоявший из третьего стрелкового полка, третьей батареи, кавалерийского дивизиона, Первой кавбригады, имевшей две пушки на конной тяге, — пошел на штурм. Основная тяжесть операции легла на плечи третьего полка: с одной стороны — непроходимые болота и топи, с другой — река, глубокая, прихваченная первым льдом. Люди были полураздеты, значительная часть практически воевала босой... Но за доблесть, проявленную в этих боях, наших бойцов прозвали «Красными беркутами».

— Командир впереди! — передавали друг другу красноармейцы, заметно оживляясь. И стало им казаться, что дело обстоит не так уж плохо.

— Просто так не пришел бы, жди, ребята, приказа в атаку! — предположил кто-то.

Не прошло и двух-трех минут, как раздался привычный голос командира отряда:

— На врагов Советской власти!.. Вперед, в атаку, товарищи! За мной!

Бойцы разом выскочили из окопов и широкой неровной цепью бросились вслед за Мавлютовым. Громкое «ура!» раскатилось по степи.

Белые, не ожидавшие удара, не оказали мало-

малыски серьезного сопротивления. Бросая оружие, в панике они бросились наутек после жаркого боя.

Хусаин смахнул выступивший на лбу пот и вынул из кармана портсигар. Сколько погибло друзей, чьих судьба хранила от вражеских пуль и клинков на жарких дорогах Туркестана. И вот...

Заныла рука, раненная в последней атаке. Он поправил повязку. Радость победы обычно всегда окрашивается грустью — на войне без жертв не обойтись, на то она и война.

От невеселых мыслей оторвал его ординарец Яхия Адымов:

— Вас спрашивают, товарищ командир.

— Кто?

— Да вот... крестьяне пришли.

Только сейчас Хусаин заметил группу крестьян, почтительно стоявших поодаль. Они перешептывались, не решаясь обратиться к красному командиру. Заметив, что командир взглянул в их сторону, седобородый крестьянин, комкая в руках шапку, обратился к Мавлютову:

— Тут офицер, понимаете, это... — с запнулся.

— Так что же вы от меня хотите?

— Да поймали мы его, товарищ командир. Связали, к вам привели.

Офицер оказался важной птицей, из штаба Илекского корпуса. В бою его контузило, свои сочли мертвым и бросили. Придя в себя, поняв, что красные разгромили корпус, офицер попытался скрыться. Но крестьяне опознали его.

— Вы ведь не из Дикой дивизии? — решил, в свою очередь, спросить Хусаина пленный.

— Не понимаю.

— Нас предупредили, что красные бросили против нас какую-то дику дивизию. Мол, русских среди них нет. Гортанные голоса... Татары, что ли...

— Ах, вон что! — Мавлютов от души расхохотался. — Вы, наверно, спрашиваете о тех, кто вас расколошматил?

— Да, — угрюмо подтвердил офицер.

— Это был всего лишь сводный отряд, подполковник.

— Не может быть! Вы мистифицируете...

— Ваше право — верить или не верить. Факт остается фактом.

Белогвардеец молча опустил голову.

Сравнивая эту победу с взятием четвертой армией Джамбета, М. В. Фрунзе писал: «Захват этих двух узлов сопротивления открыл нам путь в киргизские степи...»

За разгром Илекского корпуса, проявленное в боях мужество, умелое командование войсками, Советское правительство наградило Хусаина Мавлютова орденом Красного Знамени. Он стал шестидесятым четвертым по счету кавалером первой боевой награды, учрежденной Советской властью.

Нескончаемые бои в горах Урала, в оренбургских степях, вечное недосыпание, каждодневное напряжение ума да несколько ран, полученных в последних сражениях, дали о себе знать. Только лихорадочный блеск глаз говорил о неукротимой внутренней силе Мавлютова, позволявшей еще держаться на ногах.

— Отдохнул бы, товарищ комполка, — советовали в штабе.

Мавлютов отмахивался:

— Какой отдых? Самое горячее время — вражеский фронт по всем швам трещит, а я — в постель? Не выдумывайте.

Но как он ни бодрился, становилось очевид-

ным, что не выдержит, рано или поздно свалится. Как-то его пригласил к себе сам командующий армией.

— Не шутите со здоровьем, товарищ Мавлютов, — сказал командарм. — Впереди дел у нас — непочатый край. А при таком отношении к себе вас ненадолго хватит.

И тут же, несмотря на робкие возражения Мавлютова, велел подать рапорт с просьбой предоставить двухмесячный отпуск.

— Это приказ, — заключил командующий. — Где будете отдыхать — это на ваше усмотрение. Окрепнете — сами нас разыщете.

Расстроенный вышел он от командарма. Машинально взглянул на зеркало, вделанное в стену, и даже отшатнулся: «Кто это?»

Из зеркала на него смотрело чужое лицо — изможденное, с впавшими глазами, обострившимися скулами, обтянутыми желтой сухой кожей. Пожалуй, командарм прав...

— Отдыхать велено, Яхия, — пожаловался Хусаин ординарцу, забирая у него повод коня. — А вот куда ехать — ума не приложу. — И вдруг неожиданно предложил:

— А что если нам с тобой махнуть в Пермь? Небось, соскучился по родным местам?

И с такой же горячностью, с какой отказывался от отдыха, Мавлютов засобирился в путь.

Нужно было жить в те огневые годы, чтобы представить себе тогдашние железные дороги. Битком набитые вокзалы, бесконечные ожидания случайных поездов, яростный штурм вагонов. Время, отпущенное на отпуск, таяло — его беспощадно съедала дорога.

— Давай-ка так сделаем: доберемся до Камбарки, а там — на пароход. Глядишь, быстрее доберемся, — предложил Мавлютов ординарцу.

Едва они прибыли на станцию, как остановились в удивлении: люди испуганно метались по перрону, что-то кричали, размахивали руками. Недолго думая, Мавлютов отправился к начальнику вокзала.

— Что тут происходит? С ума, что ли, поскодили все?

На смерть перепуганный начальник — низкорослый востряпанный человечек — с надеждой взглянул на переопоясанного ремнем, с револьвером и шашкой на боку, с орденом на груди командира.

— Что делается, что делается, товарищ командир! — запричитал он. — Буржуи голову подняли! Мятаж!

— Мятаж?!

— Да, да! Говорят, весь исполком вырезали! Нет больше Советской власти...

Хусаин подробно выспросил о мятеже. Поинтересовался, много ли поблизости станционных рабочих.

— Рабочие-то есть, — уныло сказал начальник. — Да вот подозрительных среди них много. Как бы на провокацию не налететь.

С помощью приободрившегося начальника станции Мавлютов собрал железнодорожников на митинг. И горячо заговорил:

— Что же такое получается, товарищи? Вот я возвращаюсь с фронта. Там ваши братья не жалеют жизни за Советскую власть. А вы спокойно смотрите, как разная буржуазная сволочь организует контрреволюционные выступления против Советской власти. Где ваша пролетарская сознательность?

В толпе раздался чей-то голос:

— Не слушайте его, не видите — красный!

Другой голос подхватил:

— На столб его, краснопузого!

Хусаин побелел от подступившей ярости, сердце заколотилось часто и неровно. «Сколько боев прошел, пулям не кланялся... Что может быть глупее смерти от руки бандитов?» Незаметно сунул руку в карман и ощутил холодную рукоять револьвера. «Будь что будет, но так просто я им не уступлю». Увидев рядом стоявшего с маузером в руке Яхию, зычно бросил вызов:

— Кто там глотку дерет? Вешать меня собрались? Ладно, так и быть, вешайте! Но несколько слов я вам все-таки скажу.

— Вы что же, думаете — у Красной Армии сил не хватит, чтобы разогнать эти жалкие банды? Не хватит сил после разгрома белых армий? Кого вы слушаетесь? Буржуйских подпевал? Толпа глухо заволновалась:

— Помоги нам, товарищ! Ты военный, тебе и карты в руки.

— Согласен! — широко улыбнулся Мавлютов.

Он обернулся к Яхие. Тот, увидев, как внимательно слушают командира, спрятал маузер и спокойно оглядывал собравшихся.

Целую неделю наводил комбриг с помощью рабочих революционный порядок в Камбарке. Мятеж был подавлен. И когда пришла помощь из Сарпула, они с Яхией тронулись в путь. Рабочие тепло проводили их, просили заехать на обратном пути.

Декабрь девятнадцатого провел Мавлютов в Перми. Часто выступал перед рабочими и крестьянами с рассказами о боевых делах своих товарищей и земляков. А в конце года, окрепнув, набравшись сил, отбыл в Туркестан, в действующую армию.

Хусаин Мавлютов — один из тех, кого породила и взрастила революция. Природный талант, глубокая убежденность в правоте своего дела снизили ему всеобщее уважение. Он поднял на революционную борьбу широкие слои башкирского и татарского населения. Государство высоко оценило его заслуги. За бои при взятии Бухары командующий М. В. Фрунзе вручил ему серебряную шашку, а перед этим он был награжден вторым орденом Красного Знамени.

Рисунки Н. Мооса

ИСЧЕЗНУВШАЯ ПЛОТИНА НАЙДЕНА

В седьмом номере журнала «Уральский следопыт» за 1969 год была напечатана заметка «Исчезнувшая плотина». Автор ее, Н. Яковлев, сообщал, что им обнаружены остатки старой плотины в верхнем течении реки Нейвы — в месте пересечения ее с Тагильским трактом. Сохранившаяся часть сооружения свидетельствует, что это одна из многочисленных плотин, построенных на Нейве в XVIII — начале XIX века. Когда, кем и для чего она была создана, почему перестала существовать — на такие вопросы предстояло дать ответ.

Недавно в редакцию пришло письмо краеведа **В. И. СА-**

ПОЖНИКОВА из города Верх-Нейвинска Свердловской области. Ему удалось найти материалы, рассказывающие об истории исчезнувшей плотины. Вот что он сообщает:

Установлено, что плотина была построена в 1860 году при Молебском железопркатном заводе. Как следует из найденных материалов в фондах Свердловского государственного архива, на заводе имелось четыре кричных горна и два молота, приводимых в действие водой. Они перерабатывали 25 тысяч пудов железа, которое привозилось с Нейво-Рудянского завода. Интересно, что Молебский завод работал только весной и летом, в пе-

риод большой воды. Поселка при нем не было, рабочие приходили на период действия завода из Верх-Нейвинска и Невьянска.

В архивных документах, к сожалению, не сохранились имена строителей Молебского завода, зато нашлось много материалов, свидетельствующих об острой конкурентной борьбе между владельцами уральских заводов за использование горнозаводских прудов. Эта борьба и привела, в конечном счете, к закрытию Молебского завода. Остатки заводской плотины, сохранившиеся до настоящего времени, представляют интересный гидротехнический памятник.

СЕМЬ СУТОК ПОД ЗЕМЛЕЙ

В феврале 1971 года группа спелеологов Нижнего Тагила обследовала Кизеловскую пещеру. Эта пещера известна с середины прошлого столетия. Находится она в Пермской области, в черте города Кизела. Общая, известная до тех пор, ее длина не превышала 840 метров. Тагильчанам повезло: удалось найти новый ход, они проникли в неисследованную часть подземного дворца, и отныне длина известных ходов увеличилась до 3920 метров. Но, как предполагают тагильские спелеологи, это еще не все.

Спустя год туда же отправилась новая группа под руководством помощника машиниста паровоза железнодорож-

ного цеха НТМК комсомольца В. Смышляева. Основной костяк ее составили рабочие железнодорожного, мартеновского и других цехов металлургического комбината.

Семь суток провели под землей на этот раз тагильские спелеологи. В первый день своего пребывания в пещере они разбили подземный лагерь в гроте Конус. Он всего лишь в 330 метрах от входа, но чтобы пройти к нему, нужно преодолеть тридцатиметровый лаз, названный шуточно «Горе толстяков», три «калбровки» — чрезвычайно узкие отверстия, подъем через четырехметровую трубу и спуск по троевой лестнице с двенадцатиметровой высоты.

Да не просто «подняться», «спуститься», «пролезть» — да еще протащить 13 туюков с продовольствием, снаряжением и приборами.

Задача этой экспедиции состояла в комплексном изучении пещеры. За 164 часа, проведенных под землей, спелеологи произвели топографическую съемку — с буссолью, горным компасом и мерным шнуром обошли все гроты, лазы, тупики и составили новый, более точный план.

Тагильчане не только изучают пещеру, но и проявляют заботу о сохранении этого замечательного памятника природы.

Ю. СЕРИКОВ, старший научный сотрудник Нижнетагильского краеведческого музея

Фантастическая повесть

Игорь РОСОХОВАТСКИЙ

Рисунки Е. Стерлиговой

Глубоко признателен директору Музея Памяти о войне, подарившему мне фотокопии этих страниц дневника.

Заранее прошу прощения у читателей за небольшие исправления в дневнике, направленные лишь на то, чтобы не указывать точно страны, где происходили события.

Во-первых, многим памятен международный скандал, связанный с этими событиями, — автор же вовсе не хочет вызывать дополнительные дипломатические осложнения.

Во-вторых, простая случайность, что все это происходило именно в какой-то одной стране. Точно такие же события, в которых участвуют точно такие же персонажи, происходят по сей день в некоторых государствах Африки, Латинской Америки, Европы. А художественная литература всегда тяготеет к выявлению закономерностей...

20 августа.

Чья-то рука тяжело легла на мое плечо. Я замер, подбравшись, как пружина, словно уже про-

звучало: «Вы арестованы!» Скосив глаза, увидел пару черных ботинок с тупыми носками. Пару. Значит, он один.

Все последующее произошло в доли секунды. Я полуобернулся, сжал обеими руками его руку, вывернул ее, потянул вперед, чуточку присел и бросил человека через себя на камни. Видимо, он не был новичком в таких делах, потому что не плюхнулся мешком, а взыв от боли, сумел сразу же вскочить на ноги.

Я бросился к нему, и тут, выкрикнув мое имя, он прохрипел:

— Меня послал Поводырь.

— Что вам нужно? — спросил я, держа нож наготове. Стрелять было опасно: звук выстрела мог привлечь внимание.

— Успокойтесь, профессор, я же сказал, что меня послал Поводырь.

В другое время его слова успокоили бы меня. В другое время, но не сейчас.

— Что ему нужно от меня?

— Он приказал сопровождать вас.

Я приготовился к прыжку, и он поспешно про-
изнес:

— Выслушайте сперва.

Медлить было опасно, особенно для неудачника,
но я кивнул ему, разрешая говорить.

— Вы правильно делаете, что не доверяете По-
водырю. Он приказал мне сопровождать вас, но
при первом удобном случае убить и труп предъ-
явить властям для опознания. За вас назначено круп-
ное вознаграждение.

Еще бы, такой ученый, как я, — дорогая дичь.
Но для них цена на меня выше, пока я жив, а для
Поводыря, самого главного из нас, — когда я мертв.

— Поводырь хочет отвлечь внимание от себя
и одновременно заработать. Он рассчитывает раз-
делить премию со мной.

— Кто вы? — спросил я.

— Один из бывших сотрудников Поводыря по
канцелярии штаба. Тоже врач, как вы. Подробности
вам не нужны. Главное, что сейчас наши интересы
совпадают. Дни Поводыря сочтены, а я не хочу по-
дыхать вместе с ним. Я решил рассказать вам обо
всем и бежать вместе.

— И знаете куда?

— Вверх по реке. Другого пути нет.

На всякий случай я сказал:

— Можно скрываться и в городе.

— Но они идут по вашему следу. Депутат вас
продал.

Чего еще ждать неудачнику? Меня все продали,
подумал я. Все, кто мог на этом заработать. Для них
я теперь только дичь. Этого и следовало ожидать.
Для них становится врагом всякий, кто ставит пре-
выше всего на свете интересы науки. А врага они
травят. Чего еще ждать от людей?

— Почему я должен вам верить?

— Не верьте. Испытайте. Для начала я расска-
зал вам о замысле Поводыря. Одному в джунглях
долго не протянуть. Это верно и для вас и для меня.
У нас одни интересы, во всяком случае на ближай-
шее время.

Насчет «одному в джунглях» он был прав.
И еще кое в чем. Но я слишком хорошо знал По-
водыря. Лучше, чем ему бы того хотелось.

— Хорошо, пойдем вместе. Но если вы что-то
замышляете, пеняйте на себя. Как мне вас называть?
— Яном. Это мое теперешнее имя.

Отвечая, он смотрел мне прямо в глаза. Когда-
то я доверял такому взгляду. Мой бог, как это было
давно и каким наивным я тогда был!

— Ну что же, Ян, для начала перекусим тут по-
близости. Возможно, это наш последний обед в ци-
вильзованном мире. Пошли.

Кивком я указал направление. Он понял и по-
шел первым, время от времени оглядываясь, чтобы
получить подтверждение, что идет, куда нужно. Из-
редка навстречу попадались поздние прохожие.
Проехал полицейский патруль. Ян вел себя безукор-
изненно, не давая повода для подозрений.

Началась улица торгового района. Маленькие
лавчонки, затем — многоэтажные дома с яркими
витринами. Чем дальше, тем выше дома и богаче
витрины. Здесь было оживленнее, и я пошел рядом
с Яном. Задал несколько вопросов по медицине.

Я не скрывал, что проверяю его. На мои вопро-
сы мог ответить только специалист. Он отвечал без
запинки. Я взял на его сильную руку с длинны-
ми пальцами:

— Хирург?

— Нейрохирург и психиатр. Как вы.

— Знакомы с моими работами?

— Конечно. Когда вы будете больше доверять

мне, профессор, я разрешу себе задать вам не-
сколько вопросов относительно ваших работ.

И тут он допустил маленький промах — улыбнулся.
Он, как видно, редко улыбался, не учился искусству
обманчивой улыбки, или не овладел им. Улыбка вы-
дала его. Чересчур уж он был доволен тем, что до
сих пор благополучно миновал все ловушки. В его
улыбке был привкус торжества и злорадства. Я это
понял сразу.

Мы прошли мимо дверей гостиницы и рестора-
на. Ян направлялся дальше, к центру, где сверкали
неоновые рекламы, но я остановил его:

— Пообедаем здесь.

— Это не самое тихое место.

То, что не подходит для него, — подходит для
меня. Рассчитывал ли он и на это?

Я сделал нетерпеливое движение, и Ян послуш-
но пошел к двери ресторана. Но, открывая ее, до-
пустил вторую ошибку. Он помедлил, как бы спра-
шивая, не желаю ли я пройти вперед, но в то же
время приоткрыл дверь чуточку больше, чем сле-
довало бы, — ровно настолько, чтобы там увидели
и меня.

А затем он укрепил мои подозрения. Проходя
мимо швейцара, Ян рассеянно почесал мочку уха.
Этот жест на языке людей Поводыря означал: вни-
мательно посмотри на того, кто идет со мной.
Вряд ли это вышло случайно.

Я сел за столик, рядом с выходом в следующий
зал. Там, если свернуть вправо, — ступеньки и
дверь. За ней начинается коридор, потом — длинная
лестница, ведущая в винный подвал. Из него можно
пробраться в заброшенный карьер, а оттуда выйти
в квартал Кубамги. Я нащупал в кармане ампулу, от-
купорил ее и достал одну таблетку величиной чуть
больше макового зернышка. Незаметно зажал ее в
складке между двумя пальцами. Наступило мое вре-
мя, и я думал о Яне: все его ухищрения, знания,
сила воли, все, что может воспитать в себе человек,
окажется бессильно перед крохотной таблеткой...

Я придвинул поближе пепельницу, побарабанил
пальцами по столу, поправил волосы — он должен
был убедиться, что в руке ничего нет. Пока офици-
ант принесет вино и закуску, Ян забудет, что моя
рука побывала в кармане. Тогда-то я и уроню в его
рюмку таблетку, способную самого волевого чело-
века сделать безвольной куклой.

Я заказал бутылку дорогого коньяка — кутить
так кутить. Мы выпили по первой, затем — по вто-
рой. Ян налил по третьей.

— Длинный посох на длинную дорогу! — сказал
я, многозначительно глядя ему в глаза, скрывая
его взгляд и потянувшись за своей рюмкой, уро-
нил таблетку в его рюмку.

Уже через несколько минут я мог убедиться,
что успехи психофармакологии в наше время до-
вольно значительны. Глаза Яна утратили блеск, в уг-
лах рта появились характерные унылые складки, исп-
арина покрыла лоб.

— Ян, я твой друг, искренний друг твой, лучший
твой друг, — начал я ласково, одновременно про-
водя взглядом две параллельные линии на его ли-
це, как бы соединяя брови и продолжая линию губ
до ушей. И только потом, сосредоточившись, я за-
ставил Яна неотрывно смотреть на меня. Я чувство-
вал, как мой взгляд совершенно свободно, будто
скальпель в мягкие ткани, входит в его глаза, в его
мозг, погружается в глубину серых клеток — сторо-
жевых пунктов сознания — и гасит их.

— Кто тебя послал?

— Поводырь.

— Задание?

— Он велел сказать, что послан я для вашей безопасности. Поводырь сказал: «Он не поверит тебе, и тогда ты признаешься, что должен убить его и предъявить полиции для опознания. В это он поверит, потому что знает меня и знает, в каком я сейчас положении. Войди к нему в доверие, а затем сделай то, в чем «признался», — убей и труп предъяви полиции. Иначе они поймают его живого. Хуже будет ему».

— Вот как, Поводырь заботился обо мне? — сказал я, забыв, что передо мной уже не человек, а безвольная кукла.

Но почему Поводырь решил убрать меня, не овладев подробной схемой моего аппарата — изобретения, которое могло привести к установлению наивысшей справедливости на Земле? Впрочем, у Поводыря просто нет времени. И у меня тоже...

— Запомни, — сказал я Яну, зная, что каждая моя фраза, произнесенная сейчас, вбивается в клетки его памяти, словно эпитафия на камень надгробия. — Я никуда не уйду из этого города. Буду скрываться здесь. Только здесь. Сделаю себе еще одну пластическую операцию. Я буду ждать, когда все изменится. Ждать буду здесь... Ты посидишь за этим столиком. Когда я уйду из зала, расплатись и ступай к Поводырю. Он будет спрашивать, а ты — отвечать.

Ян сидел неподвижно, уставившись на меня, а я, удерживая в своем воображении клейкую нить, связывающую нас, готовился оборвать ее и тем самым снять воздействие гипноза.

Сделал это я только после того, как открыл дверь и стал спускаться в подвал. Ступеньки тянулись вдоль мрачных, вечно сырых стен.

Впереди в полутьме виднелись очертания больших бочек-хранилищ. Я пробежал мимо бочек и попал в лабиринт. Коридоры расходились в разные стороны, только один из них вел в карьер.

Я рискнул включить фонарик. Желтый кружок света заплясал по стенам, остановился на крестике с грубо выбитой надписью: «Помни о друзьях».

Я был уже у самого карьера, когда уловил звуки шагов. Они доносились сзади, со стороны входа в подвал. За мной гнались.

Что делать? Спрятаться в карьере? Здесь мог бы укрыться от бомбежки полк солдат. Но пока я буду там сидеть, преследователи успеют перекрыть все входы и выходы и в конце концов найдут меня. Мое спасение сейчас — выигрыш во времени.

Держа фонарик в левой руке, а нож — в правой, я побежал на носках, стараясь не шуметь.

Дыхание перехватывало, бежать становилось труднее. Конечно, на ровной дорожке я, несмотря на свои пятьдесят с хвостиком, мог бы одолеть это расстояние гораздо быстрее и без особых нагрузок. Но в подвале было сыро, а в карьере приходилось перелезать через груды обвалившейся породы.

Шагов преследователей я уже не слышал, но это не успокаивало. Если они даже заподозрят, что я укрылся в подвале, поиски вряд ли задержат их надолго. Они скоро сообразят, куда я мог направиться...

Обвалившейся породы все больше. Луч фонарика иногда скользит по сверкающим камушкам. Они будят воспоминания. Недалеко отсюда, ближе к центру города, другой ресторан — «Рог пастушки», где мы праздновали День встречи друзей. Там стены были отделаны плитками из ноздреватого камня, добытого в этом карьере, и в нем вот так же сверкали вкрапления минералов. Там я подарил женщине рубиновый браслет. Я здорово был пьян, а она всячески пыталась выведать мою тайну. Но я был начеку. И когда она предала меня, я успел вовремя

скрыться. Меня всегда преследовало слишком много гончих — политики и полиция, фанатики разных мастей, недоразвитые с рождения ублюдки, завистники. Меня предавали друзья и союзники, но я всегда имел крохотный выигрыш во времени — и он неизменно спасал неудачника.

Я перепрыгнул через рельсы, по которым когда-то толкали здесь вагонетки, и снова побежал. Дышалось легче, не давила сырость, и дорога была ровнее. Но я почти выдохся, даже моя ненависть притупилась — слишком много преследователей: и тех, которые всегда разделяли мои убеждения, но торопились сейчас принести меня в жертву, дабы отсрочить собственную гибель, и тех, которые никогда не понимали меня, провозглашая непримиримым врагом. Нечего и думать о победе над всеми ними. Разве что они сами перебьют друг друга в какой-нибудь грандиозной войне.

Деревянные мостки. Выход из карьера. Я перешел на быстрый шаг. Начинаясь улицы окраинного квартала. Смесь пыли, бензиновой гари, испарений асфальта. Квартал населяли в основном метисы-акдайцы, потомки двух рас — черной и желтой.

Оглядевшись по сторонам, я убедился: засады нет. Не успели. Опоздали. Может быть, всего через несколько секунд они нагрянут сюда, но эти секунды спасают мне жизнь.

Я перешел на другую сторону улицы и поспешил к остановке автобуса. Гончие опоздали минуты на две. Когда я был в нескольких шагах от остановки, к выходу из карьера подъехал шевроле. Три молодчика выпрыгнули из него.

Мои исконные враги, натравившие полицейских ищеек? Или люди Поводыря? Не все ли равно для меня?.. Я всматривался в глубину улицы — автобуса не было. Пришлось уходить. Я свернул за угол. Здесь улица была не очень оживленной. Значит, надо проشمыгнуть поскорей. На светофоре горел красный указатель для пешеходов. Я решительно ступил на мостовую, не обращая внимания на свистки регулировщика, сидящего в своем «гнезде» на высоте второго этажа. Он все равно поленился спускаться, да и не успеет задержать меня.

Еще несколько поворотов — и я у церкви Пресвятой богородицы, пробиваюсь сквозь разношерстную толпу. Здесь франты в черных костюмах, перекупщики в замшевых расшитых жилетах, празднично одетые меднолицые метисы-акдайцы, увешанные мелкими серебряными монетами и дешевыми бусами, нищие в живописном рванье. Богаче-то здесь нет — не тот район. Лица некоторых акдайцев спрятаны под размалеванными масками.

Как видно, у акдайцев нынче праздник. Они — христиане весьма условные, и в их обрядах сохранилось немало языческого.

Только так — в замаскированной фантастической форме — они могут сберечь остатки своей истории и культуры. Если церковь не станет мириться с этим, акдайцы предпочтут в нее не ходить.

Интересно было бы посмотреть в зеркало. Наверное, меня сейчас трудно отличить от акдайца из-за красноватой густой пыли, осевшей на мне в карьере. Может быть, это пригодится неудачнику?..

Оглядываюсь — и как раз всзрелся. У высокой бровки напротив церкви останавливается шевроле. Неужели они напали на мой след?

Локтем резко ударяю в живот ближайшего человека в маске. Когда он рефлекторно сгибается от боли, срываю с него маску, напяливаю на себя и скрываюсь в толпе. Пробиваюсь в самую гущу. Теперь течение толпы само несет меня в церковь. Кто-то подносит к моему рту бутылку с касфой —

самодельной водкой из семян сорго, кукурузы и земляного ореха. Машинально делаю глоток — другой. Огненная жидкость обжигает гортань. Движение головой — и бутылка уходит от губ.

В голове начинает шуметь от криков, визга, от нескольких глотков касфы. Если еще вспомнить, как ее делают, как акдайские женщины пережевывают орехи и выплевывают кашицу в котел, где она будет бродить, — может стошнить. Но мне сейчас нельзя ни на миг отвлекаться. Я должен помнить, что секунда забывтья может оказаться последней в моей жизни. Даже легкое опьянение для меня опасно.

С улицы доносятся свист дудок и удары там-тамов. Кто-то рядом со мной подвывает в такт. Я чувствую, как, помимо воли, мною овладевает ритм какой-то дикой пляски, как сначала вздрагивает, а затем вихляется мое тело.

Стоп, говорю я себе. Ты же цивилизованный человек, ты был одним из крупнейших ученых своего времени, не уподобляйся дикарю, метису. Пока тебе не изменили утонченность и трезвость мышле-

ния, ты можешь спастись от гончих. Но берегись, если поддашься опьянению! Тебя схватят либо полиция, либо люди Поводыря, либо шпики какой-нибудь иностранной разведки. Одним ты нужен живой, другим — мертвый, но все они дорого дадут, чтобы получить такую дичь. Лучше, если тебя убьют сразу, но еще лучше, если и на этот раз сумеешь ускользнуть от своры преследователей. Ты всегда умел уходить из западни — сумей и сейчас. Разве торжество победы не слаще минуты опьянения и забытья?

Неимоверным усилием воли я заставлял свой мозг помнить об опасности, но тело ему больше не подчинялось. Оно изгибалось, сотрясалось, вихлялось, как тела всех, кто окружал меня. Массовый гипноз овладел мной, и мои губы издавали нечленораздельные звуки: стоны, восклицания, хрипы, рычание — какие, может быть, некогда издавали поколения моих предков. А потом я вместе со всеми стал орать языческую молитву:

— О вы, пришедшие с неба и ушедшие на него, оглянитесь! Мы помним, как вы вылупились из небесного яйца, мы снова видим вас!

И мне казалось, что я и в самом деле вижу, как из люка звездного корабля появляются фигуры в скафандрах. Очевидно, в моей памяти оживали картины из фильмов, виденных на телеэкране, дополнялись фантастическими подробностями, как во сне. Во всяком случае я видел совершенно отчетливо нимбы над прозрачными шлемами пришедших с неба.

— О белые люди со звезд! — вопили вокруг меня акдайцы. — Вы принесли нам радость и доброту. И много-много подарков вы нам! Вы научили нас читать и писать, подарили нам семена сорго и кукурузы, рассказали, как добыть хлеб и воду из камня! У-гу-гу-о! И много-много подарков, много-много сверкающих бус! О-у-гу!

И я вопил и стонал вместе со всеми:

— У-гу-гу-о!

Толпа несла меня к алтарю, где размахивал крестом и шевелил губами низенький попик. Видно, он читал молитву из библии, но голос его заглушала иная, языческая молитва, которую выкрикивала, пела, хрипела толпа.

На мгновение я подумал: «А может быть, обе эти молитвы не так уж отличаются одна от другой и в основе их — одно и то же?» Эта мысль — искра вспыхнувшего сознания, поднявшегося над безумием толпы, помогла отрешиться от общего воя и вернула меня к действительности. Я увидел, как священник берет левой рукой у акдайцев камни, которые лягут в основания их домов и потому требуют благословения, как правой он осеняет их крестом и сразу же с ловкостью фокусника хватает деньги за эту нехитрую операцию. Его заработок за один такой день составляет сумму, равную годичному заработку шахтера-акдайца. Я вспомнил, что там, за дверями церкви, меня могут ждать люди, желающие заработать на моей жизни...

Спасет ли маска на лице? Сделают ли неузнаваемой мою фигуру вихляние и приплясывание? Я бы ответил утвердительно, если бы там ждали полицейские, а не люди Поводыря. Эти могут срывать маски со всех подряд, не боясь даже вызвать взрыв фанатической ненависти у акдайцев.

Между тем течение толпы вынесло меня за двери. Я не ошибся в худших предположениях: люди Поводыря, действительно, ждали меня. Они, правда, не срывали маски, а действовали осторожнее. Если кто-то казался им подозрительным, два дюжих молодчика бросались к нему с раскрытыми

объятиями, протягивая стеклянные бусы. Третий подносил к его рту бутылку с касфой, одновременно, будто для его же удобства, сдвигая маску.

Я уперся ногами изо всех сил, ожидая, чтобы толпа обволокла меня поплотнее. Рука сжимала нож, спрятанный на груди, большой палец замер на кнопке, высвобождающей лезвие.

Мне повезло и на этот раз. Благодаря тому, что я упирался, акдайцы вокруг меня сбились тесно, и людям Поводыря было трудно оттеснить их. К тому же я свободной рукой обнимал высокого пьяного аборигена, с другой стороны меня обнимал метис, украшенный ожерельями из серебряных ложек, вилочек, монет. Как видно, он нацепил на себя все свое богатство.

Один из молодчиков Поводыря задержал на мне взгляд, что-то сказал своим товарищам. Неужели узнали?

Я покрепче обнял акдайца, подвывая ему, и старался подскакивать повыше. Несколько человек ринулось к нам, протягивая бусы, которые я, как и оба моих акдайца, принял из их рук. Молодчики успели заглянуть под маски акдайцев, находившихся по обе стороны от меня, но до моей маски не добрались. Я уносил с собой последний «подарок» Поводыря — дешевые стеклянные бусы, которые когда-то, очень давно, давались в обмен на золото. Преследователи и сейчас хотели совершить такой же обмен, разве что более сложный: бусы — моя жизнь — золото...

Люди Поводыря провожали нас взглядами, и я не мог определить, узнали ли они меня, замышляют ли еще что-нибудь.

Вместе с пьяными акдайцами я шел, спотыкаясь, по широким прямым улицам, где жили так называемые «тихие» — рабочие рудников, для которых английская компания построила современные дома с аккуратными двориками. В домах был газ, электричество, горячая вода. Конечно, это обошлось компании недешево, но прибыль была во сто крат больше: прекратилась «текучка», ведь, уйдя из шахты, рабочий терял и квартиру. «Тихие» не вступали в профсоюз и никогда не бастовали.

Чистенькие, обсаженные кустами тротуары кончились. Потянулись кривые улочки с жалкими лачугами, слепленными из старых ящиков, досок, листов железа. Здесь жили «буйные» акдайцы, уволившиеся или уволенные компанией. Среди них были всякие люди: непокорившиеся и пролойцы, организованные забастовщики и стихийные бунтовщики, сезонные рабочие, вчерашние охотники или земледельцы, искатели золота, воры, нищие.

Сопровождавшие меня акдайцы, очевидно, принадежались к одной из двух последних категорий.

Мы вошли в полуразвалившийся дом. В большой комнате на столе в грубо сколоченном гробу лежал покойник. На его лице, словно черная подвижная маска, копошился рой мух. Вокруг гроба стояли пустые бутылки, служившие подсвечниками, и полные — с касфой и пивом; на выщербленных тарелках и на банановых листьях были разложены кусочки мяса. В углах комнаты выли и рвали на себе волосья несколько женщин. Я попал на поминки.

Поскольку стаканов здесь было мало, мне в руку сунули бутылку. Отмахиваясь от мух, я пил пиво маленькими глотками, не решаясь и на миг оторваться от бутылки. Ведь скорбь по ушедшему к небесным отцам здесь измеряется количеством выпитого спиртного — и горе тому, кто пришел на поминки и не скорбит как следует. Значит, он что-то затаил против этого дома. И если к тому же на его лице маска, то надо ее немедленно сорвать. А тог-

да они увидят, что к ним проник незнакомый белый человек.

Я пил уже четвертую бутылку пива. Перед моими глазами плясали огненные пятна, сливались в круги. Я чувствовал: еще немного — и мне не удержаться на грани сознания, пьяная круговерть овладеет мной, как в церкви.

Как только бутылки опорожнялись, они становились подсвечниками. А чем больше свечей горело вокруг гроба, тем больше родственники покойного гордились честью, которая ему оказывалась.

21 августа.

Так я провел всю ночь. Только с рассветом пьянка начала утихать. Женщины успокоились. Мужчины стали играть в кости. Казалось, постепенно все забывали о печальном поводе сборища...

Улучив удобный момент, я вышел из дому и пошел по крутой тропинке через пустырь к нижней улице. Смрад здесь стоял невыносимый. То и дело приходилось перелезть через груды мусора, отбросов и нечистот.

Редкие встречные внимательно оглядывали человека в маске, некоторые окликали, видимо, принимая за своего знакомого. Когда один из них решил остановить меня, я ударил его ножом.

Тропинка привела к реке. На берегу, словно отдыхающие животные, лежали лодки. Я выбрал одну из них, наиболее устойчивую, как мне казалось, сбил замок и стокнул ее в мутную воду. Предстоял близкий, но опасный путь к береговому поселению, где меня ожидает человек Густава. Он станет моим проводником.

Потянулись низкие, полузатопленные берега, где благополучно развивались миллионы поколений комаров и москитов. Наилучшие условия для процветания жизни — жаркий климат и влага. Потому-то здесь так стремительно размножались и яростно поедали друг друга крокодилы и антилопы, бегемоты и муравьи, муравьеды и болезнетворные бактерии. Из воды поднимались вершины затопленных ив, на берегу повыше росли эвкалипты. Иногда попадались манговые рощи, где пышно распускались на гигантских стволах целые букеты орхидей.

Затем потянулись банановые плантации, стали встречаться островки масляных пальм. Показались две небольшие усадьбы, отгороженные одна от другой забором из колючей проволоки, спускавшимся в самую воду. Здесь двуногие дети природы пытались преодолеть ее извечный закон всепожирания. Дома были полуторазгажные, бедные, дворы неряшливые. Судя по всему, это были не основные помещичьи усадьбы, а те, что сдаются арендаторам. Их здесь так же много, как крохотных зеленых островков, плывущих по волнам и состоящих из переплетенных растений. Островки путешествуют по реке десятками и сотнями километров. Но стоит им пробиться к берегу и за что-то зацепиться, как они разрастаются в целые острова и мешают судоходству. Дай волю одним и другим — и островки заполнят всю реку, а арендаторы — всю страну. Жадные, грязные, неразборчивые в средствах, они устремляются во все уголки и выколачивают прибыль там, где, кажется, уже ничего нельзя взять. Стоило бы проверить их моим аппаратом. Интересно, каков у них процент у-излучения?

Вскоре мне было уже не до философствований. Я перестал рассматривать берег. Моим вниманием полностью завладели пчелы, и все мои усилия были направлены только на борьбу с ними. Миллионы мелких лесных пчел тауга избрали меня объектом

нападения. В этом месте реки они летали сплошной тучей, стоило секунду посидеть неподвижно — и они заползали под одежду, рассеивались по всему телу. Я безостановочно махал руками, как ветряк, используя любые предметы, чтобы отогнать крылатые полчища. Так продолжалось не меньше часа. Но вот еще один поворот реки — и природа словно сжалась надо мной: пчел здесь было намного меньше. На береговых отмелях грелись аллигаторы, но они не представляли опасности для человека в лодке, и я мог сколько угодно размышлять над подобными парадоксами...

По мере того, как сгущались сумерки, пчелы совершенно исчезли. Изредка появлялись большие сине-зеленые мухи, но от них я отбивался без особого труда. Все чаще с берегов доносился хохот обезьян, иногда звучал пронзительный вопль животного, попавшего в когти хищника.

Теперь меня стали донимать комары и москиты. Я все чаще хлопал себя по лбу, по шее, но шло время — и руки уже не могли защитить меня. Не помогала и одежда — москиты забирались под нее. Все тело нестерпимо горело, расчески превращались в сплошные раны. Глаза заплыли и почти ничего не видели, москиты набивались в рот и нос при каждом вздохе. Они словно объединились с моими врагами и решили доконать неудачника. Я плескал водой на лицо, но насекомые не отставали. Сигареты кончились, да я и не мог бы удерживать сигарету в распухших губах.

Иногда я готов был плюнуть на все, пристать к берегу и попроситься в первую попавшуюся хижину, а там — будь что будет! Но я слишком хорошо знал, что будет, я видел злобно-радостные улыбки на лицах моих врагов, картины разнообразных пыток, которые меня ожидают.

А то, что происходит сейчас, разве не пытка? — спрашивал я себя. Чего тебе бояться после всего, что ты пережил? Может ли быть что-нибудь страшнее последних двух недель, когда приходится беспрерывно уходить от погони, бояться и подозревать всех — швейцаров, офицантов, случайных прохожих, белых, метисов, черных? Может быть, лучше кончить одним махом — например, вскрыть вены и прыгнуть в реку? Я почувствую вместо комариных укулов резкую боль во всем теле — тысячи ножей вонзятся в него, заработают тысячи отточенных пил, и через несколько минут голодные хищные рыбы, кишащие в реке, дочиста обложут мой скелет.

Враги будут продолжать розыски и погоню — теперь уже за призраком. Я и моя тайна растворятся в телах молчаливых и ненасытных рыб.

Клянусь, иногда я готов был сделать это! И знаете, что меня спасло? Ненависть! Неутолимая и неистребимая ненависть к фанатикам и ублюдкам, не достойным жизни, но считающим себя вправе травить ученого только за то, что он не подчинился их ханжеским догмам и нормам. Как будто они знают, что можно и чего нельзя делать человеку, какие эксперименты законны, а какие негуманны...

Нет, я не доставлю радости врагам! Они хотят вырвать мою тайну, но пусть сначала поймают меня. Я кану в джунгли, затеряюсь в них еще надежнее, чем в джунглях человеческих. Те были говорящие, продажные, завистливые, а здесь они будут безразличными и молчаливыми. Они надежно укроют меня, как уже укрывали долгие годы в крохотном поселке среди колонистов.

Но если все же... Сколько раз я полагал, что надежно спрятан! Полагал до тех пор, пока не замечал гончих, с высунутыми языками бегущих по моему следу. Столько лет они охотились за мной,

как за дичью. Они вели охоту по всем беспощадным законам стаи, преследующей одного. Сначала пытались настичь меня, затем — загнать в ловушку. Они расставляли ловушки всюду. Тех, кто мог что-то знать о моем убежище, они пытались либо запугать, либо подкупить, либо сыграть на каких-то чувствах, лишь бы они выдали меня.

Та женщина... Большая и нескладная, как лошадь. У нее был скошенный подбородок, множество веснушек и большие молящие глаза. Они молили обо всем — о ласке, о хлебе, о пощечине, о любви... Сыграли на ее мольбе об искуплении. Она рассказала им, как я теперь выгляжу, где бываю, они решили, что мне конец, что на этот раз я не уйду.

И просчитались.

Охотники не всегда сильнее жертвы, даже если их много. Так много, что они могли бы притаиться у каждого прибрежного дерева. Даже если они настолько богаты и сильны, что я не могу больше рассчитывать на самых верных друзей.

В любом случае я поступил правильно — надо переждать в одиночестве. Утихнут страсти, вызванные статьей в газете, — тогда можно будет снова рассчитывать на молчание и верность друзей. Возможно, кто другой и мог бы избрать иной путь. Но мне нельзя полагаться на счастливый случай. Ведь я феноменально невезуч. Об этом необходимо помнить всегда, если я хочу выжить, — необходимо в любом деле все взвесить и рассчитать, сделав к тому же поправку на невезучесть. Если уж нельзя не рисковать, то хотя бы свести риск к минимуму.

И еще об одном я должен помнить. Если гонимые поймут меня, то не пожалеют сил, чтобы проникнуть в Тайну. А я всего лишь человек. У меня человеческое тело, которое вот так, как сейчас, горит и болит. На нем нет участка, не расчесанного до крови. Я сам превратил себя в сплошной кусок зудящего мяса. Может быть, так же чувствует себя лабораторная крыса в опытах с полной информацией о периферических болевых участках. Но я не крыса! Я тот, кто ведет опыт, и не дам превратить себя в подопытного! Слышите, вы!

Страх и ненависть, страх и ненависть убивали и спасали меня все эти годы. Страх перед тем, что кто-то может проникнуть в Тайну, возвращал к мысли о самоубийстве, а ненависть помогала жить, говорила, что нужно дожидаться, когда снова придут мой час и мой черед.

Внезапно сверху на фоне темного неба возникло светлое пятно. Оно быстро передвигалось. Спутник? Нет, слишком велико пятно. Может быть, чудится? Но почему я вижу его так ясно?

Пятно еще увеличилось, посветлело, в нем словно образовалось окошко. И оттуда показалась голова.

Мой бог, я схожу с ума?!

Тот же ненавистный горбоносый профиль...

Неужели они охотятся за мной на каком-то новом летательном аппарате? От них можно ожидать всего... Я хотел выстрелить прямо в это пятно, но страх сковал меня, не позволяя шевельнуться.

А затем пятно исчезло так же внезапно, как появилось. Значит, оно почудилось? Возникло на сетчатке глаза, как результат случайного лунного блика, или в памяти — вследствие нервного импульса? Или в небе все же было нечто, а больное воображение дорисовало то, чего я боялся?

Неужели наибольшая опасность подстерегает меня не извне, не в окружающем мире, а во мне самом — в больном воображении? От него-то мне никуда не уйти.

Как ни странно, чувство обреченности несколько успокоило меня, притупило страх.

Я плыл всю ночь. С обоих берегов раздавались крики хищников и их жертв — там шла великая охота, которая не прекращается ни на миг в мире живых существ. Уже на рассвете послышался леденящий кровь звук. В нем слились свист падающих бомб и наступающий тебя гул паровоза, крик ребенка, у которого специально вызывают болевой шок, и вопль его матери.

Так кричит всего-навсего обезьяна-ревун, маленькое безобидное создание, повисшее вниз головой на какой-нибудь ветке и приветствующее новый день планеты Земля. Я улыбнулся.

22 августа.

Солнце поднималось все выше, начинало жечь. У поворота реки вдаль замаячили на берегу какие-то строения. Подплыв поближе, я различил дощатые хижины, дома на сваях и крепкие белые коттеджи, утопающие в зелени садов. Дома на сваях, в которых жили бедняки, располагались прямо над водой. От них на сушу вели мостки. С новой силой я стал грести, приближаясь к поселку. Теперь я видел, что и коттеджи разные: одни — побогаче, с архитектурными украшениями; другие — попроще. Имелось несколько двухэтажных домов. Над большим полукруглым зданием вился флаг.

Приметы совпадали. Очевидно, это и было селение, где меня должен ждать проводник.

Под бедными домишками, стоящими поодаль от воды, в грубо сколоченных загородках находились свиньи и козы, а под теми, что стояли почти в реке, — живность совсем другого рода. Сюда заплывали водяные змеи и даже молодые крокодилы, жадно поглощая все, что падало сквозь доски пола. Вряд ли хозяева хижин были довольны таким соседством, но что они могли поделать?

Выбрав причал у одного из убогих домишек на сваях, я привязал здесь лодку и пошел к дому по скользкой мостовой, переливающейся всеми цветами радуги. И немудрено — ведь мостовую образовывали днища тысяч бутылок из-под пива, виски и джина, вбитые в мягкую почву горлышками вниз.

Я поднялся по узкой лестнице в дом. Несмотря на ранний час, мне никого не пришлось будить. Навстречу уже спешил, растянув рот в радостной улыбке до ушей, черноволосый хозяин. С самого детства я питаю неприязнь к таким «южным типам». Но этого несколько скрашивал выхоленный клинышек бородки. Курчавые волосы и полные губы выдавали, что в его родословной были не только французы или англичане, чем он несомненно гордился, но и африканцы. Впрочем, я знал, что в таких вот поселках в основном живут мулаты и метисы.

— Готовь угощение, жена, — тараторил хозяин-мулат. — Разве ты не видишь, у нас радость — пожаловал гость! Прошу, прошу, мой дом — ваш дом!

Я уже понял, что этот мулат не мог оказаться моим проводником, и был изрядно обеспокоен шумом, который поднимался вокруг моей персоны. Конечно, я и не мечтал о том, чтобы войти в поселок незамеченным, но в мои планы входило сделать это как можно тише. Поэтому я недвусмысленно оборвал его:

— Простите, не скажете ли, где дом акдайца Этуяве?

— Скажу, скажу, — заверил меня хозяин, сверкая улыбкой, — но сначала вы хотя бы позавтракаете у меня.

Он смотрел на меня так, будто к нему пожа-

ловал любимый брат, которого он не видел лет пятнадцать.

Я был наслышан о гостеприимстве местных поселенцев-мулатов, но то, с чем я столкнулся здесь, превосходило все ожидания. Жена и дети хозяина суетились вокруг меня, будто верноподданные около короля. Я обратил внимание на угол комнаты, задернутый плотной занавеской. Мне чудилось там какое-то движение, иногда казалось, что оттуда долетают слабые стоны и хрипы, но в это время, перебивая все звуки, внизу, под домом, прозвучал истошный визг поросенка. Может быть, хозяин откармливал его к празднику, но сейчас прибыл гость — и все планы на будущее или соображения экономии отбрасывались без малейшего сожаления. А ведь мулат не мог рассчитывать на то, что я отплатю ему той же монетой, когда он приедет в город. В городе жители таких поселков почти не бывали.

Впрочем, подумал я, возможно, его гостеприимство объясняется просто тем, что он почувал во мне настоящего господина. С другой стороны, местные жители и не умели, и не желали планировать завтрашний день. Они хотели веселиться — и только. Мой приезд хозяин дома рассматривает как повод для пьянки и веселья.

Хозяин позвал старшего сына, и они вдвоем принялись свежевать и жарить на вертеле поросенка. Я спустился к ним. Все уговоры и объяснения, что мне нужно срочно идти к Этуйаве, не возымели действия.

— Я уже послал за Этуйаве, сейчас он придет, — улыбался хозяин. — А вы, господин, отдыхайте.

Я отметил, что ни он, ни его родные не позволяли себе никаких расспросов, предоставляя мне самому решать, что говорить, а о чем умолчать.

— У меня совсем нет времени, — взмолился я.

Хозяин понимающе посмотрел на меня, — в здешних местах привыкли встречать и тех, кто не поладил с законом, — и успокаивающе сказал:

— В моем доме гостю нечего опасаться.

Я знал, что это не пустые слова: если бы нагрянула погоня, хозяин без колебаний защищал бы меня.

По лестнице уже спустилась его жена, кланяясь и приглашая меня в дом.

Пришлось идти за ней, устраиваться поудобнее на почетном месте и, вежливо улыбаясь, вести «светский» разговор. Сквозь неплотные подогнанные доски пола было видно, как суетится хозяин. Несло запахом навоза и крови. Во время наводнений или ненастья они забирают скот в дом, и тогда здесь не продохнуть.

Тревога не оставляла меня ни на миг, я думал об одном: как бы выбраться отсюда. Мне показалось, что я слышу легкие шаги на лестнице. Рука автоматически потянулась к оружию.

Дверь открылась — вошел высокий, стройный акдаец. Его глаза смотрели дружелюбно и с достоинством. Он приветствовал меня, коснувшись правой ладонью груди. Вокруг шеи у акдайца висело ожерелье из деревянных палочек и зубов крокодила. Я понял, что это и есть мой будущий проводник, и протянул ему связку бус, которую хранил в потайном кармане, помня совет Густава. Но акдаец тотчас передал бусы хозяину дома.

— Этуйаве ждал тебя, его лодка готова, — сказал он мне. Акдаец был немногословен, как и положено вышколенному проводнику, привыкшему не задавать лишних вопросов.

Хозяйка уже накрыла на стол. Там появились жареная поросятинка и бутылки виски и джина. Хозяин тащил на стол все, что имелось в доме.

Сколько в здешних обычаях от истинной щедрости, а сколько — от желания пустить пыль в глаза, потешить свою гордость? — подумал я, поглядывая на невозмутимое лицо Этуйаве. Казалось, его не удивляло и не радовало такое обилие еды и выпивки.

— За здоровье дорогого гостя! Пусть будет счастлив его путь! — восклицал хозяин, подымая стакан с джином.

Мне и Этуйаве он налил виски, а сам пил дешевой джин. Видно, не наскреб денег на лишнюю бутылку виски.

Из угла, задернутого занавеской, послышался стон. Хозяин метнул взгляд на жену, и та исчезла за занавеской, а он долил виски в мой стакан, придвинул ближе ко мне ножку поросенка, явно желая отвлечь от того, что делается в углу.

Тревога вспыхнула с новой силой. Разговаривая с хозяином, я весь превратился в слух. По занавеске мелькали тени, до нас доносились приглушенное бормотание, хрипы.

Этуйаве понял мое состояние. Он сказал:

— Маленький мальчик болен. Его сын. Гостя нельзя беспокоить. Но ты посмотри. Можно?

Он обернулся к хозяину, и тому не оставалось ничего другого, как кивнуть, разрешая. Этуйаве отдернул занавеску.

На ящиках из-под сыра, накрытых грязными одеялами, лежал мальчик лет пяти-шести. Его глаза были широко открыты, но вряд ли они что-нибудь видели. Между запекшимися потрескавшимися губами мелькал кончик языка, пытавшийся слизнуть пену. Голова мальчика была завязана цветной тряпкой, на которой пятнами проступала кровь.

— Ему на голову вчера упал камень, — сказал хозяин. — Мой брат поехал за доктором в соседний поселок, сегодня к вечеру он должен приехать.

Я внимательно посмотрел на лицо мальчика, на красные пятна, проступившие на щеках, на синяки под глазами.

— Смотри, — настойчиво сказал Этуйаве, сдвигая тряпку с головы больного.

С первого взгляда я определил, что рана не глубокая, но опасная. Осколок кости застрял в мозговой оболочке. Вероятно, уже начинается заражение. Нужна немедленная операция.

Но у меня не было никаких инструментов для лоботомии, а главное — времени, необходимого для операции. С минуты на минуту могла нагрянуть погоня. Вопрос стоял так: жизнь этого ребенка — метиса или моя жизнь и связанная с ней Тайна, от которой зависят многие.

— Хорошо, что послали за врачом, — сказал я хозяину.

И тут Этуйаве допустил нетактичность. Впрочем, нетактичность — слишком слабо сказано. Это была неосторожность, которая могла бы стоить мне жизни. Акдаец со странной настойчивостью сказал:

— Но ведь ты — доктор. Так мне сказал Длинный.

Он имел в виду Густава. Я замер, сдерживая дрожь в коленях. Неужели это была просто неосторожность со стороны Густава? Проговорился? Но ведь он хорошо знает, что одна эта примета может навести их на след, подсказать им, кто скрывается под документами Риванолло.

Может быть, Густав говорил это разным людям и с определенной целью? Решил заработать? Но ведь он мог продать меня гораздо проще и быстрее. Значит, проговорился? Но тогда почему оставил в живых индейца? Проговорился и не заметил этого? Выходит, Густав уже не тот, каким я знал его? Не

человек дела, за каждым словом которого скрыта цель?

Не удивляйся, старина, ведь может оказаться, что и ты не такой, каким он знал тебя. Чего только не сделает с человеком время, да еще вкуче с такими помощниками, как страх и ненависть!

— Помогите ему! — настаивал Этуйаве.

До него ли мне сейчас? Я продолжал размышлять: итак, в лучшем случае это знает уже не только акдаец, но и хозяин дома и вся его семья...

— Этуйаве знает здесь человека, у которого есть белые горошины, — нетерпеливо сказал акдаец. — Помогите. Ведь у мальчика болит...

Таблетки, он говорит о таблетках, думаю я. У меня тоже есть таблетки. И порошок. Есть порошок, и нет времени для операции...

Моя рука поползла в карман и нащупала плоскую коробочку. Это было очень сильное средство.

— Длинный ошибся, — сказал я акдайцу. — Я не врач. Но у мальчика скоро перестанет болеть голова. Еще до того, как приедет врач. Вот возьмите, пусть выпьет.

Я отсыпал в стакан с мутной жидкостью, вероятно, соком манго, немного порошка и сказал хозяину:

— Вскипятите для него крепкий чай, дайте настояться и остыть. Пусть мальчик выпьет сначала холодный чай, а потом — это...

Акдаец благодарно кивнул мне и спросил:

— Когда надо выезжать?

— Сейчас, — сказал я, думая: он знает, но он уезжает со мной. Они знают, но у меня теперь есть гарантия, что они никому не скажут. Густав знает, но он далеко. Кто же еще знает? Кого мне надо бояться?

Я продолжал думать об этом и тогда, когда мы нагружали лодку. Хозяин дома приставал к нам, предлагая в дорогу то одно, то другое. Он готов был отдать все, что имел, в том числе и свое оружие. Но я выбрал только пистолет «вальтер» и охотничье ружье фирмы «Крафт». У хозяина оставалось еще одно ружье, одноствольное, с испорченным затвором. Я убедился, что этого полудикаря не сдерживают заботы о завтрашнем дне, о будущем благополучии дома и семьи. Почему он и ему подобные не умеют заботиться о себе? Видимо, причину надо искать в его смешанном происхождении от завоеванных и завоевателей, а точнее — в африканской крови, текущей

в его жилах. Природа навечно распределила силы и возможности между людьми, народами, расами так же, как и между другими своими созданиями: львами и антилопами, тиграми и ланями, волками и овцами. Тем самым она уготовила им разные судьбы. Но вот вопрос — не было ли порабощение акдайцев случайностью? В самом ли деле они принадлежат к низшей расе, как утверждали их угнетатели? А может быть, кому-то было выгодно так утверждать, природа же предопределяла совсем иначе?

Не знаменательно ли, что наконец-то существует прибор, который может способствовать восстановле-

нию справедливости? Да, мой аппарат мог бы дать точный ответ всем этим людям, но сейчас со мной была лишь его схема, хранимая в памяти.

Хозяин долго стоял на досках причала и махал рукой, глядя нам вслед. Он повторял: «До свидания, господин, сохраним друг о друге самые приятные воспоминания». «Сохраним, но ненадолго», — мысленно отвечал я. Там, в хижине, все было сделано мною точно и незаметно. Я был уверен, что когда хозяин вернется в дом, то вместе с остальными членами своей семьи набросится на остатки поросенка и недопитое виски. А потом они надежно забудут обо мне. И если гонимые нагрянут, то не смогут ничего узнать...

Ах, Густав, Густав, думал я, что же это было с твоей стороны — ошибка или злой умысел? И то, и другое могло бы дорого обойтись мне...

За поворотом реки исчезали жалкие домишки поселка.

26 августа.

Шестой день мы в пути. И только сегодня я смог заставить себя записать хотя бы несколько строк, чтобы когда-нибудь они напомнили мне «зеленый ад». Я многому научился за это время, ко многому привык. Здесь, в джунглях, не бывает нерадивых учеников. Выбор небольшой: человек либо учится, либо погибает. «Зеленый ад» не дает времени для исправления нескольких ошибок — одна-единственная оказывается последней.

Сейчас мне бы не понадобилась пластическая операция, чтобы изменить облик. Даже близким друзьям пришлось бы долго узнавать меня — выхоленному интеллигенту, сердцеда с тщательно подстриженными усиками и мечтательными голубыми глазами — в заросшем рыжими волосами лесном человеке. Моя белая, нежная кожа покрылась язвами и коростой, глаза ввалились, взгляд стал настороженным, как взгляд зверя. Я и сам часто не узнавал в этом существе себя — ученого с мировым именем, блестящего экспериментатора, не боявшегося ставить опыты, за которые мракобесы разных мастей, так называемые «гуманисты», готовы были сжечь меня на костре. Куда девалась моя отточенная изящная мысль, мое тщеславие, мои снобизм и брезгливость, весь уклад моих привычек и наклонностей, составляющий основу личности? Много ли от нее осталось?

Я мылся и чистил зубы только в первые два дня. Старался не поддаваться ни палящему солнцу, сводящему с ума, ни страху перед погоней, ни жажде, ни враждебному миру насекомых. Пожалуй, последнее было страшнее всего. Днем в лодке меня доминировали мухи и осы. И тех и других здесь были миазмы — разных мастей и окраски, разной степени ядовитости. Однако все они с одинаковой жадностью набрасывались на меня, на мою тонкую кожу, которую им легко было прокусить, чтобы отложить под ней личинки. Иногда, чтобы извлечь личинку, мне приходилось делать разрезы. Со временем Этуяве научил меня выкуривать личинки из-под кожи, пуская в разрезы табачный дым.

Мухи усаживались на мне так плотно, что не оставалось свободного места, и следующие садились уже на них самих, высасывая из них мою кровь и лимфу, которой они только что напились. Когда же в самое жаркое время дня мы укрывались под душной сырой тенью кустов и деревьев, на меня нападали полчища клещей-кровососов, и потом часами приходилось счищать их с себя, иногда отдирая вместе с клочками кожи.

— Не надо делать так, надо иначе, — говорил Этуяве. — Разотри.

Он с силой проводил по моей коже своими ладонями, жесткими, как наждак, и растирал клещей в скользкую кашицу. Если дать ей затвердеть, она покрывала кожу сплошной коркой. Я смотрел на него, как на сумасшедшего, и с удвоенной яростью принимался счищать отвратительных насекомых.

А ведь были еще разнообразнее жуки, муравьи со стальными челюстями: огненные — в месте их укуса кожа горела в течение нескольких часов; тамба и лач, после укусов которых меня лихорадило; «строители городов» — термиты и, наконец, самый страшный — черный муравей. Его укус настолько ядовит, что может привести к смерти. Мир земных существ, занимающихся только пожиранием друг друга, делал это здесь в сотни раз интенсивнее, чем в любом другом месте. Ведь существ здесь было больше.

Но самое худшее начиналось вечером, когда к нам устремлялись тучи москитов и комаров. Мазь, которой снабдили меня в поселке, не помогала. Я распухал от их укусов, я был отравлен их ядом до такой степени, что сознание грозило помутиться. Постепенно нужда заставляла меня выполнять советы моего проводника, и я оставлял на себе клещей и кашицу, образованную из них, чтобы закрыть свое тело перед москитами. Я научился выбирать меньшее из зол, предоставляя насекомым сражаться за мою кожу и мою кровь. Я противопоставлял их друг другу, уничтожал одних с помощью других, по сути поступал с ними так, как поступаем все мы. Мы осознанно и неосознанно подражаем природе, которая никогда не миловала своих созданий. Вот тут-то и начали проявляться моя цивилизованность, изощренность ума, ибо вскоре, буквально за несколько дней, я научился делать это и в джунглях не хуже, чем Этуяве. Правда, следует учесть, что у меня были уже кое-какие навыки, приобретенные в пограничном поселке, где я жил среди моих товарищей. Итак, цивилизованность все же чего-то стоила — она помогала мне быстрее изменяться и приспособляться к условиям, в том числе быстрее становиться таким же, как дикари.

Я привык есть сырое мясо и рыбу, умело разрывая их пальцами, подражал Этуяве даже в жестях, в повадках, если это годилось для того, чтобы выжить. Я больше не реагировал на безвредные для меня звуки, какими бы громкими и зловещими они не были, зато настораживался даже при очень слабом, но незнакомом звуке. В этом последнем качестве я намного превзошел акдайца, моя интуиция срабатывала даже в тех случаях, когда, казалось бы, не имелось никаких поводов для опасений.

И если меня не укусила ядовитая змея, которых здесь было предостаточно, не подстерегла пантера, когда мы выходили на берег для отдыха или охоты, не перекусил пополам огромный аллигатор во время купания, то я должен быть благодарен в первую очередь своей интуиции.

Она спасла меня и Этуяве и от самого страшного хищника, с которым кому-либо приходилось встречаться. Уже давно я слышал акдайскую легенду о том, что в наказание людям за отступничество от своей веры бог Узамба создал злого речного духа Губатама. Дух этот живет в реке Куянуле и подкарауливает грешников. Он так хитер и коварен, что даже хитрость и коварство белого человека по сравнению с ним — ничто, а сила его превосходит силу самого большого слона. Один его вид может до смерти напугать человека. У духа Губатама большая голова наподобие человеческой, изо рта торчат

кльки, глаза сверкают красным цветом, как у крокодила, рыбье туловище с плавниками увенчивает хвост, усеянный шипами. В воде он передвигается, как рыба, но у него имеются и лапы — перепончатые, с острыми когтями. Акдайская фантазия не поскупилась на устрашающие детали вроде того, что Губатам, прежде чем съест свою жертву, держит ее в лапах, совершая молитву и пляску смерти.

Мои товарищи посмеивались над этой легендой, Густав даже отправлялся на охоту в те места, где якобы видели Губатама. Отряд вернулся ни с чем, если не считать, что один из охотников бесследно исчез в джунглях. Случилось это ночью, когда лагерь спал. Часовой будто бы даже видел сквозь полудремоту, с которой никак не мог справиться, рыбье тело размером с большого аллигатора, на кривых лапах. Оно промелькнуло перед ним и скрылось в чаще, а потом оттуда донесся приглушенный человеческий крик.

Впрочем, скептики, которых среди нас было немало, говорили, что легенды о Губатаме рождены страхом, а чтобы опровергнуть их, достаточно обратиться к элементарной логике. Если доисторическое животное с его чудовищными, но устаревшими средствами нападения и защиты и могло выжить в укромных и совершенно диких местах с бедной фауной, вроде штата Мэн, то как бы оно уцелело здесь, где мир хищников так разнообразен?

Трудно было возражать им с точки зрения элементарной логики. Однако люди не раз убеждались, что многие самые фантастические легенды основываются на реальных фактах. То, чего нет, нельзя и придумать, то, что придумывают, состоит из того, что существует, пусть даже собранного в одно целое из рассыпающихся и несоединимых деталей.

В этот день мы разнообразили свое меню дважды. Этуяве удачно метнул копье с лодки и убил крупную рыбу. Немного погодя мы заплыли в места, где в изобилии водились черепахи. Они подымали свои морщинистые шеи из воды, глядя на нас полусонными маленькими глазами. Высадившись на отмель, мы легко добыли около сотни черепаших яиц.

Но оказалось, что не только мы были охотниками...

В сумерках, когда Этуяве уже высматривал место для ночной стоянки, мне показалось, что из-под огромного листа речной лилии, на котором мог бы свободно сидеть человек, высунулась на миг и скрылась чья-то голова. Это могла быть речная выдра, но я почему-то вспомнил о Губатаме. Меня охватило предчувствие непоправимой беды, страх перед неизвестным и сверхъестественным сковал мою волю.

— Этуяве должен держать наготове оружие, — сказал я акдайцу. — Пусть Этуяве и его белый друг будут готовы к нападению.

За время, проведенное в этой стране, я усвоил манеру обращения акдайцев, помнил предписания и заклятия. Мне было известно, например, что не следует произносить имени Губатама, иначе акдаец решит, что я накликаю беду.

Проводник с удивлением посмотрел на меня:

— Этуяве не чует врага. Не ошибся ли белый друг Профейсор? — Так он называл меня, переделав звание в имя.

Я не мог утверждать ничего определенного и только молча указал головой в направлении зарослей. Этуяве, конечно, не устоялся туда, а сделал вид, что смотрит в другую сторону. Одновременно он изо всех сил косил взглядом в указанном мной направлении. Через несколько минут он сказал:

— Там прячется большая рыба. Она плывет за нами. Почему? Лодка и два человека — плохая пища для рыбы.

Прошло еще несколько минут. Я не мог отделаться от ощущения, что приближается нечто ужасное. Несколько раз я замечал, что аисты — одни из самых верных пернатых супругов — отчего-то с громкими криками спешат убраться из воды подальше на берег и увести своих подруг, с которыми никогда не расстаются. Этуяве стал обнаруживать признаки беспокойства. Он прошептал еле слышно:

— Нет, не рыба. Там — человек, воин. Он плывет под листом и дышит через камышинку. Не могу увидеть — большой или маленький, глубоко под водой или нет...

Этуяве, как и каждый акдаец, мыслил очень конкретно, и его определения человека или зверя располагались последовательно по вертикали, начиная с головы. Так он привык мыслить в джунглях, где все живое размещалось для него не по горизонтали, ведь видимость была предельно ограничена зелеными стенами, а по вертикали. На разных ярусах веток гнездились разные птицы, летали они в небе на разных высотах. Сила незнакомого зверя оценивалась в зависимости от его величины, прежде всего в высоту, ведь длину скрывали заросли. Разумеется, такая оценка не всегда бывает верной, и тогда природа просто вычеркивала охотника из списка живых.

Я присмотрелся к листьям лилий и заметил, что из-под одного, будто дыхательная трубка, высовывается камышинка.

— Может быть, выстрелить? — посоветовался я с акдайцем.

— Подождем. В этих местах охотятся племена бачула. Не надо ссориться с ними.

Час от часу не легче! Мне рассказывал Густав, что одно из племен бачула людоеды. Я немало слышался о ямах-западнях, которые бачула готовят на охотничьих тропах. Тот, кто упадет в такую яму, самостоятельно выбраться не может. Канибаль убивают его, отрезают руки и ноги, варят их и затем съедают.

— Поплывем к берегу!

Не знаю, почему мне в голову пришла такая мысль. Верно, что посредине реки мы были открыты врагу со всех сторон, но в прибрежных зарослях враг мог подкрасться вплотную. И все же что-то подсказывало мне именно такой путь к спасению. Может быть, потому, что я все время помнил о Губатаме, речном духе, который был наиболее опасен в воде.

— Поплывем к берегу, — настаивал я.

Лист лилии отстал. Очевидно, тот, кто раньше прятался под ним, изменил планы.

Лицо Этуяве не выразило никаких чувств, но он стал править к берегу. Мы были уже в нескольких метрах от зарослей тростника, когда послышался сильный удар в днище лодки. Только чудом лодка не перевернулась. Удары следовали один за другим. Они были словно рассчитаны на то, чтобы если и не перевернуть лодку, то отогнать ее подальше от берега. Внезапно удары прекратились, из воды показалась перепончатая лапа с длинными когтями. Она уцепилась за борт и рывком потянула его.

В тот же миг Этуяве ударил ножом по лапе и разрубил ее. Хлынула темно-фиолетовая, почти черная кровь, из воды показалась лысая голова с горящими злыми глазами и почти человеческим выпуклым лбом. Акдаец побледнел и отшатнулся. Повинуясь давней привычке, не целясь, я выстрелил из пистолета в голову чудовища.

Губатам — теперь я не сомневался, что это он, — раскрыл пасть, усеянную острыми клыками. Раздался пронзительный рев, сравнимый разве что с криком обезьяны-ревуна. Я выстрелил еще и еще — и с ужасом увидел, что пули только царапают кожу, отскакивая от черепа хищника. Тогда я попытался попасть в глаз, израсходовал всю обойму, но так и не понял, достиг ли цели. Губатам исчез в мутной воде. Только круги показывали место, где он скрылся.

Мое тело покрывала противная липкая испарина. Я дышал тяжело, с присвистом, чувствуя, что силы на исходе. Хуже того — меня уже несколько часов знобило, и я боялся, что это начинается лихорадка.

Этуйаве привязал лодку к корневищу, полез на дерево, выбрал крепкие ветки и подвесил к ним два гамака. С большим трудом я добрался до этой висячей постели и едва перевалился в нее, как забился в кошмарном сне. Мне виделся ненавистный Генрих, его толстые губы извивались, как две красные гусеницы. Он кричал мне: «Ты — недочеловек, унтерменш! Разве твой аппарат не сказал тебе это?!» Он хохотал, подмигивал мне и щелкал зубами совсем близко от моего горла. «Вы все — недочеловеки, ограниченная раса, ха-ха, слишком холодная и черствая, ха-ха, расчетливая, но лишенная воображения! Вам не хватает чуть-чуть темперамента, воображения, но без этого вам не дорости до людей. У вас нет будущего!» Его смрадное горячее дыхание обдавало меня, зубы щелкали в миллиметре от горла. Я попытался отстраниться и даже сквозь сон почувствовал, что кто-то крепко держит меня.

Я открыл глаза и увидел жуткую морду Губатама. Он кричал и подмигивал, совсем как Генрих в моем сне. Задними лапами и хвостом зверь уцепился за ветку, а передними подтянул к морде гамак. Я чувствовал, как когти впились мне в плечо. Страх сдавил горло, я не мог кричать, но Этуйаве каким-то чудом услышал мой безмолвный призыв о помощи. Не знаю, как ему удалось преодолеть сверхъестественный ужас перед чудовищем, но он выбрался из своего гамака и, добравшись до зверя, нанес ему несколько ударов ножом по задним лапам и спине. Губатам заревел, отпустил мой гамак и обернулся к акдайцу. Этуйаве пригнул к себе одну из веток и отпустил ее. Прут хлестнул зверя по глазам, удар лапы пришелся по воздуху. В тот же миг Этуйаве нанес ему несколько молниеносных ударов по незащищенной шее. Хлынула кровь, и чудовище, ломая ветки, упало с дерева. Послышался глухой удар, будто шлепнулся мешок с песком, а затем все звуки перекрыл истошный вопль такой силы, что, казалось, сейчас лопнут барабанные перепонки. Вопль оборвался на высокой ноте, и наступила тишина.

Впрочем, может быть, эта тишина наступила только для меня...

10 сентября.

Я очнулся в лодке. Долго вспоминал, почему надо мной плывущее темно-синее небо, что это за человек сидит рядом и, раскачиваясь, поет заунывную песню. Наконец я вспомнил, что это — метис-акдаец, проводник Этуйаве, что о нем говорил мне Густав... Я чувствовал слабость во всем теле, тошноту, во рту пересохло. Этуйаве взглянул на меня, перестал грести и поднес к моему рту половинку кокосового ореха.

— Ты дважды спас мне жизнь. Нет, не дважды — двадцать два раза, — попытался я сказать громко, но получился шепот.

Акдаец ничего не ответил, только наклонил половинку ореха, и кокосовое молоко полилось мне в рот. Я машинально сделал несколько глотков, и метис засмеялся. Может быть, у меня был очень смешной вид, а возможно, он смеялся от радости, что я выжил и он не остался в джунглях один. На шее акдайца вместе с его первым ожерельем висело второе — из когтей и клыков Губатама. Останки хищника, как рассказал мне позже Этуйаве, пришлось оставить в джунглях из-за свалившей меня лихорадки. Акдаец сделал раствор из сока манго и порошков хинина — и с помощью этого лекарства выходил меня.

Конечно, было очень жаль, что он не захватил хотя бы череп удивительного зверя, но я не стал упрекать проводника. Он и так проявил больше благодарства и мужества, чем это свойственно любому дикарю-метису.

Все же беспокойное любопытство ученого не оставляло меня. Снова и снова я перебирал в памяти все, что знал о доисторических ящерах, о чудовище из штата Мэн, дожившем до нашего века. Судя по описаниям, это был геозавр, живое послание эпохи, отстоявшей от нашей на сотни миллионов лет. Но Губатам напоминал ящеров совсем немного — разве что хвостом и лапами. Зато его голова напоминала скорее голову... человека. И самое главное — ящеры обладали крохотным мозгом, их поведение было узкопрограммированным поведением машин, предназначенных для перемалывания и усвоения мяса и костей, для размножения и постепенного самовыключения, чтобы освободить место для потомков. А поведение Губатама включало элементы, доказывающие, что хищник обладал весьма развитым мозгом. Он следил за нами, плывя под огромным листом лилии, чтобы мы не заметили его. Кто знает, может быть, его легкие нуждались в атмосферном кислороде, и он дышал через камышинку. Конечно, это было чересчур разумно для зверя, но разве он не напал на нас в сумерках, к тому же, когда мы плыли к берегу, разве не пытался помешать нам причалить? Какой зверь вместо того, чтобы попросту бить в днище лодки, попытался бы опрокинуть ее, хватившись лапой за борт? Может быть, из всех животных только шимпанзе или горилла додумались бы до этого, но ведь предполагают, что у обезьяны был общий предок с человеком... С человеком... С человеком... С человеком...

Эта мысль, вернее — осколок мысли, застрял в моем мозгу, будто наконечник стрелы, и не давал покоя. Мысль к чему-то вела, что-то подсказывала, была началом клубка, который требовалось размотать. Я смутно чувствовал это, но был слишком слаб даже для того, чтобы думать.

С человеком... С человеком...

Животным приходится иметь дело с человеком. Им приходится убежать от человека, покоряться человеку, приспосабливаться к человеку... Человек постепенно становится для животных определяющим фактором внешнего мира, более значимым, чем наводнения или пожары, засуха или холод. Выживает то животное, которое умеет приспособиться к человеку, стать полезным ему или ухитрится укрываться от него, выживать вопреки его воле. Или... Да, да, есть еще «или», каким бы нежелательным оно ни было. Эволюция не стоит на месте. И когда-нибудь может появиться...

Почему-то у нас выработалась привычка: как только услышим о чудовище, особенно о крупном, то сразу предполагаем, что оно пришло из древних времен, ищем ему место в минувшем. Наверное, мы так поступаем оттого, что только в прошлом,

когда не было человека и когда животным было просторно, находилось место для гигантов. Черт возьми, я правильно подумал, что эволюция не стоит на месте, что животное приспособляется к человеку. Но приспособление — емкое понятие. И однажды должно появиться такое животное, приспособление которого будет заключаться не в том, что оно сумеет стать полезным или вовремя спастись, а в том, что оно будет нападать на человека, питаться его мясом и плодами его деятельности. Однако для этого оно должно иметь не только острые зубы или когти, не только непробиваемую броню, мощные челюсти, быстрые ноги, а в первую очередь — мозг, в котором рождаются дьявольские хитрости и коварство. Возможно, Губатам — именно такое животное, и он пришел не из прошедших эпох, а из будущих, в качестве первого посланца. Ах, если бы проводник догадался захватить хотя бы его череп! Забота обо мне занимала немало времени, но успел же метис вырвать когти и клыки зверя и нанизать ожерелье из них...

— Этуяве отдаст мне это? — спросил я, указывая на ожерелье.

Метис решительно покачал головой:

— Этуяве — большой воин. Он убил самого страшного зверя, и теперь дух леса Амари будет охранять его. Нельзя отдавать.

— Но это нужно не мне, а науке, всем людям, — продолжал настаивать я.

— Не все люди, а один Этуяве убил страшного зверя, — гордо выпрямился метис и выпятил грудь. В углах его полных губ, чем-то похожих на губы Генриха, выступили капельки слюны.

Внезапно я подумал: а что если Генрих и его сородичи не только порождение прошлого? Ведь они сумели на протяжении эпох так приспособиться, что сделались неодолимы. Может быть, травля, которую они и им подобные организовали против меня, — только начало гонений на лучших представителей человечества?! Эта травля начиналась еще в школе, когда происходит только становление личности. Уже тогда кучка подлиз и маменькиных сынков пыталась меня третировать. Особенно ненавистны мне были трое. Первый из них — Генрих, низенький, черноволосый, быстрый, экспансивный, постоянно «разговаривающий» руками. Он считал себя лучшим математиком в классе. Хитрость азиатских купцов, унаследованную от предков с генами, он догадался употребить не для торговых сделок, а для решения математических задач. Видимо, он просто рассчитал, что такое применение «наследства» позволит ему получить большую прибыль в современном обществе.

Второй — Карл, воинственный хам с огромными ручищами, рожденный варвар и разрушитель. Вдобавок ко всему он проповедовал идею переделки мира. Конечно, при этом подразумевалось, что он и ему подобные будут хозяевами. Его мощные кулаки служили вескими аргументами в споре. Однажды он попытался пустить их в ход против меня, но не тут-то было...

Третий — Антон, внимательный и вежливый, изящный и тонкий, как трость с ручкой из слоновой кости, трость, в которой спрятано узкое лезвие стилета. Он старался не давать никакого повода для упреков в высокомерии, но тем не менее испытывал полнейшее презрение ко всем, кто был ниже его по происхождению. Меня он презирал за то, что мой отец — лавочник, и за то, что я плохо одевался. Он говорил извиняющимся тоном: «Ты хороший парень, но тебе не хватает утонченности». И добавлял небрежно: «Впрочем, это дело кажливое, было бы

желание да время». При этом он знал, что времени у меня нет и что родители мои против «бездельничанья» и «аристократического воспитания» в каком-нибудь специальном пансионе для выскочек.

Когда я уже далеко шагнул по служебной лестнице и мне вручали высший орден, а Карла и Генриха давно не было в живых, я встретился с Антоном. Он стоял рядом с министром. Я хотел было обнять его — все-таки школьные друзья, но он, предупреждая мой порыв, слегка отстранился и благосклонно протянул руку со словами: «Ты такой же добрый малый, каким был в школе, и ничуть не изменился». Я побледнел, как будто мне вlepили пощечину, и только тайна, в которую я тогда уже проник, придавала мне уверенность. В ответ я сказал: «Приходи ко мне в лабораторию, Антон, друг мой. Я сниму зограмму твоего мозга и подарю тебе характеристику твоего психоизлучения. Ты узнаешь настоящую цену себе». Я посмотрел ему в глаза и добавил нарочито громко, чтобы слышал министр: «Тебе ведь нечего бояться?»

Я надеялся, что загнал его в угол, но он ответил как ни в чем не бывало: «Обязательно приду, когда... твой метод будет достаточно проверен».

Таинственные свойства мозга интересовали меня еще в школе. Это был мой «пунктик», как подтрунивал Генрих. Он никогда всерьез не принимал положений парапсихологии, в какой-то мере допускал возможность телепатии, но отвергал ясновидение. Рассуждая на эту тему, он всегда исходил из того, что организм человека в принципе не отличается от организмов животных и поэтому его качества также не могут принципиально отличаться от их свойств. Исключение он делал для того, что связано со второй сигнальной системой. С особым злорадством, причмокивая своими толстыми жирными губами, он рассказывал, как подозревали в ясновидении летучих мышей, пока не открыли у них явление ультразвуковой локации.

Его душа от рождения была до краев наполнена ядом насмешки над всем возвышенным и благородным, и он брызгал этим ядом вместе со слюной на своих слушателей.

На школьном вечере парапсихологии я показал, как опускается чаша весов под воздействием мыслеприказа, отгадывал невысказанные желания девушек, тем более, что желания эти были достаточно стереотипны. На этот вечер я пригласил и Генриха, а в благодарность он там же разоблачил мои опыты, как обычные фокусы. Откуда ему было тогда знать, что именно мне предстоит разоблачить перед всей нацией его темные махинации в науке?

Помню, каким несчастным и отчаявшимся он появился в лаборатории. От моей былой неприязни к нему не осталось и следа. Я протянул ему руку, но он не пожал ее — возможно, и не заметил. Я сказал: «Все-таки ты пришел ко мне, Генрих, и не знаю, как ты, а я рад встрече, и готов тебе помочь. Твой мозг болен, неизлечимо и давно болен, но я попытаюсь что-то сделать. Ты, наверное, слышал, что мне удалось построить прибор, тонко регистрирующий психоизлучение. У здоровых и полноценных людей должно преобладать s-излучение, характерное для мозга человека, у тех же, чей мозг страдает какой-либо существенной неполноценностью, проявляется u-излучение, присущее мозгу животных. После того, как я выясню характеристику твоего мозга, начнем искать способы лечения».

Так вот, после всего, что я готов был сделать для него, Генрих тяжело, очень тяжело оскорбил меня. Он кричал, что мои открытия антинаучны и анти-

гуманны. Он оскорблял моих соратников и моих друзей. Все же я не мог обижаться, зная, какой конец его ожидает, насколько мучительной будет его смерть.

Следует сказать, что к тому времени я сделал новое открытие, которое с полным правом можно назвать Великой и Ужасной Тайной. Даже не столько великой, сколько ужасной. Дорого бы дали наши враги, чтобы докопаться до нее...

Встреча с Карлом произошла приблизительно при таких же обстоятельствах, как встреча с Генрихом. С трудом узнал я в новом пациенте бывшего одноклассника. Только всмотревшись пристальнее, я воскликнул: «Ты ли это, Карл, бедный друг мой?» Он ответил: «А кто же еще? Разве не помнишь, как я лупил тебя вот этой самой рукой?»

Он, покойник, тоже чем-то напоминал этого акдайца. Нет, не чертами лица, а скорее его выражением — невозмутимостью и уверенностью в судьбе...

От всех этих мыслей, от воспоминаний я так устал, что буквально провалился в глухой крепкий сон...

Проснулся я только на следующее утро. Лодка стояла у берега. Этуйаве укладывал вещи в рюкзаки. Заметив, что я открыл глаза, он тотчас прервал свое занятие и поднес к моему рту скорлупу кокосового ореха с напитком из сока манго и хинина.

— Этуйаве дважды спас жизнь Профессору, — сказал я, стараясь выразить голосом и улыбкой как можно больше благодарности. — Этуйаве для Профессора — брат и отец.

Лицо акдайца оставалось невозмутимым, он ответил мне:

— Когда двое людей идут в джунгли и хотят там выжить, они должны быть ближе, чем братья.

В его словах было что-то от настоящей истины, готов поклясться. Сколько бы люди ни враждовали, ни боролись друг с другом, стоит им остаться наедине с природой — и они понимают, как мелки их раздоры перед ее мощью, способной в одно мгновение смести их вместе с машинами, ракетами, судами, городами — со всей цивилизацией. Люди словно прозревают, охватывая взглядом свою жизнь с болезнями и горестями, с неизбежным для всех концом, и начинают понимать, с кем надо бороться. Но миг прозрения так краток, что о нем остаются лишь слабые воспоминания, а жизнь так трудна и благ так мало, что люди с прежним ожесточением принимают сражаться за место под солнцем. Чтобы выжить в этой борьбе, надо быть сильнее других, а чтобы не было раздоров и войн, необходимо распределить блага в точном соответствии с силой людей. Надо установить единый порядок среди людей по аналогии с извечным порядком в природе, где шакал не посмеет оспаривать добычу у тигра, а воробей не нападет на орла. Тигру тигрово, шакалу шакалье — вот главный принцип идеального порядка. И чтобы наконец-то установить его на этой несчастной зеленой планете, в этом поистине «зеленом аду», есть прибор, который может абсолютно точно показать, кто чего стоит, и есть люди, способные воспользоваться им. Не их вина, что однажды они оказались неудачниками. На ошибках учатся. Самое главное — выжить, дожидаясь своего часа и не упустить его.

— Профессор сможет идти за Этуйаве? — спросил метис.

Значит, мы прибыли к месту, откуда до хижины, о которой говорил Густав, надо около часа идти через заросли. Невдалеке от хижины есть другое открытие — пещера в скалах. И в хижине, и в пещере приготовлено оружие и снаряжение, лекарства, кон-

сервы в специально устроенных погребках. Вряд ли на всем континенте имелось еще место, где бы джунгли так резко обрывались, подступая к скалам. С одной стороны — джунгли, с другой, почти неприступной, — камни. Если погоня прибудет на вертолете, что наиболее вероятно, я скроюсь в джунглях или уйду в пещеру по незаметной тропе, прорубленной в скалах. Недалеко, на равном расстоянии от пещеры и от хижины, имеется площадка, на которую самолет, посланный Густавом, будет периодически сбрасывать провизию. Вместе с Этуйаве или без него я смогу дожидаться, пока меня перестанут искать, и вернуться в поселок к своим товарищам и соратникам по общему делу.

— Профессор еще очень слаб. Нельзя ли немного побыть здесь? — спросил я у проводника.

— Там Профессор выздоровеет быстрее. Хижина очень близко, — ответил Этуйаве.

Он связал оба рюкзака вместе и прилаживал их на своей спине. Его вид говорил о том, что он уже все решил сам, без моего согласия, а его вопрос был чисто риторическим. Видимо, ему уже изрядно надоело возиться со мной, обеспечивать пищей, указывать, какие ягоды можно есть. Сам же он каким-то чутьем угадывал съедобные плоды, даже если видел их в первый раз, безошибочно определял, какие можно есть сырыми, а какие нужно варить.

Этуйаве протянул мне палку. Вероятно, он приготовил ее, пока я спал. Опираясь на палку, я встал и кое-как заковылял за ним по едва заметной тропе. О том, что это именно тропа, свидетельствовали обломанные веточки на высоте груди и особенно то, что сухие листья, хорошо умятые, не потрескивали под ногами.

Дорога была для меня очень тяжелой. Все кружилось перед глазами, я боялся потерять сознание. Поэтому, несмотря на предупреждение Этуйаве ступать след в след, я порою делал небольшие зигзаги, выбирая более открытые места, где не приходится тратить усилий на то, чтобы отводить ветки от лица или нагибаться.

Неожиданно земля под моей ногой подалась, и, не успев сообразить, что происходит, я упал в глубокую яму. Падение прошло сравнительно благополучно, и я не очень ушибся. Над краем ямы показалась голова проводника. Его лицо было по-прежнему невозмутимым.

— Как себя чувствует Профессор?

— Как нельзя хуже. — Меня раздражала его невозмутимость. — Похоже, что эта яма отрыта специально.

— Сейчас свяжу веревки из лианы, — ответил Этуйаве. — Профессору надо скорее выбираться. В яму может упасть другая зверь.

Он исчез из поля зрения, а я постарался удобнее устроиться на дне, привалившись спиной к стене и вытянув ноги. Яма расширялась книзу, в нескольких местах были вбиты острые колья.

Надо же было иметь везение и в невезении! Я упал в яму, но миновал колья. Похоже, что судьба старается продлить себе удовольствие и подольше позабавиться со своей игрушкой. Ну что ж, постараюсь воспользоваться даже этим, чтобы выжить. Я полагал, что слова проводника о «другом звере», который может упасть в яму-ловушку, сказаны для отвода глаз. На самом деле он боится не зверя, а тех, кто вырыл яму, — охотников. Очевидно, это были воины из племени бачула. Я вспомнил рассказы Густава о том, что «лакомки»-бачула готовят именно такие ямы для двуногих жертв.

Рука сама вынула пистолет. Впрочем, он бы мне в такой ситуации не помог. Вероятно, каннибалы

сначала умертвили бы меня копьями или набросали в яму горящих факелов, чтобы «дичь» задохнулась в дыму и заодно немного поджарилась. Да и там, наверху, огнестрельное оружие мало помогло бы. В джунглях, где поле зрения ограничивается одним-двумя метрами, винтовка и пистолет теряют свои преимущества перед копьями и дубинами. Успех сражения решают лишь умение ориентироваться, быстрота и неожиданность нападения.

Почему так долго не появляется проводник? Может быть, нагрянули каннибалы, и ему пришлось удрать? Если их много, то что он — один — сможет сделать? Не погибать же вместе со мной! В конце концов дикарь остается дикарем, и первобытные инстинкты всегда возьмут в нем верх.

Я попробовал было выдернуть кольца, чтобы вбить их в стенку ямы и устроить что-то вроде лестницы. Но они были всажены так глубоко, что не поддавались, несмотря на все мои усилия. Я снова

уселся и стал ждать, пока метис вызовет меня из этой ловушки.

Человечество начинало путь прогресса с того, что устраивало ловушки. Оно развивается, совершенствуя это главное свое мастерство. Бесчисленные варианты: всевозможные силки, петли и петельки, капканы со стальными зубьями... На руки — в виде полицейских браслетов или обручальных колец, на ноги — в форме кандалов или постановлений «без права на выезд», для всего тела — в виде тюрьмы. Но и этого мало человеку для человека, ибо когда тело в тюрьме, это еще не значит, что скован дух. Даже казнь бывает недостаточным средством, ведь дела человека иногда опаснее его самого.

Разве может человечество остановиться на достигнутом? Оно приготовило ловушки и для ума — в тысячах всевозможных «табу», в лабиринтах государственных и нравственных законов. Даже для памяти о человеке и его делах уготованы капканы и силки: анафемы и проклятия, молчание или рев прессы — в зависимости от того, что окажется эффективнее.

Не забыли, конечно, и о специальных ловушках для такой разновидности дичи, как я, — для людей науки, решивших ради высшей истины не останавливаться ни перед чем. А если к тому же ты знаешь тайну, от которой зависят они все, то и безразличные становятся врагами, друзья — предателями, а женщины, любившие тебя, продают каждое твое слово поштучно.

Если бы это было не так, они бы не выследили меня. Мое невезение превратило в ловушку даже тайну, которую я вырвал у природы. Собственно говоря, не увенчайся в свое время успехом мой научный поиск, сегодня меня бы не преследовали, я мог бы быть счастливым.

У нас у всех есть тайны — и это лучшее свидетельство того, кто мы такие. Лишите самого великого его тайн, покажите его людям без прикрас — что останется от его величия? Тайны прикрывают наши язвы и рубцы, маскируют запретные желания и поступки. Иногда это тайны от самого себя, от собственного сознания: если бы оно заглянуло в пропасть, то не удержалось бы на ее краю.

А я вырвал у природы одну из самых ужасных тайн, она касается многих, лучших представителей рода человеческого. Поэтому меня и считают одним из опаснейших врагов, от которого надо избавиться любой ценой. И это — результат моего успеха в науке. Разве не смешно?

Рядом со мной шлепнулся конец веревки, а над краем ямы показалась голова проводника.

— Пусть Профессор обяжется. Этуяве вытянет его.

Я как можно быстрее последовал его совету.

Проводник помог мне развязать веревку и стал тщательно прикрывать яму ветками. Я подумал, что он хочет устроить засаду охотникам и перебить их. Однако метис снова связал рюкзаки и кивнул мне, приглашая в путь.

На этот раз я поспевал за ним и старался ступать след в след.

— Яму вырыли бачула?

— Может быть, бачула. Может быть, другие.

— Для людей? — не унимался я.

— Может быть, для антилопы. Может быть, для кабана. Но охотник не знает точно, кто попадет в его ловушку.

Он хитрил.

— Разве Этуяве не понимает, о чем спрашивает белый брат?

— Этуяве понимает. Но он не знает, что думали охотники, а охотники не знали, кто попадет в яму. Профессор на тропе своей жизни, наверное, тоже рыл ямы. Разве в них всегда попадали те, на кого он охотился?

Когда акдаец зауважится, не пробуйте его переубедить. И все же я не мог не думать о том, что недалеко отсюда мне придется жить, возможно, долгое время, а потому не мешало знать об охотниках, готовящих ловушки на тропинках. Особенно, если они охотятся на двуногого зверя...

— Рассказывают, что остались люди, которые едят своих братьев...

Он сразу понял, почему я так настойчиво спрашиваю об этом и почему не уточняю, что это за люди. По лицу метиса пробежала тень. Он сказал:

— Своих братьев — нет. Других людей, чужих, завоевателей. И они их ели совсем не так, как свинью. Не для того, чтобы насытиться.

В его словах мне почудился вызов. Я спросил:

— А для чего?

— Чтобы узнать их замыслы и перенять их хитрость. Или чтобы принести жертву. Так было давно. Это делало два или три племени. Теперь, говорят, это делают белые у себя в Европе.

Я хотел было возразить, но он предупредил меня:

— Мне говорили, что все племена белых людей едят мысли своих друзей и врагов.

Я засмеялся. Как-то Густав рассказал, как поразился дикарь, когда увидел сейфы с архивами и узнал их назначение. Да, мы храним и усваиваем мысли и секреты других людей, но это не то же самое, что усваивать их мясо.

Проводник остановился и позволил себе пристально посмотреть мне в глаза, что с ним случилось редко.

— Если Профессор что-нибудь узнал о племенах бачула, которые едят людей, то он совершил великое открытие. Пусть он поскорей сообщит об этом в газету. Пусть все узнают, кого надо опасаться в джунглях. Потому что бачула слышали о белых, которые миллионами умертвляли своих братьев, из их кожи делали украшения, волосами набивали матрацы, вырывали золотые зубы у мертвых. Говорили

еще, будто белые нарочно заражали детей болезнями, но этому бачула не поверили. Ни зверь, ни человек не способен на это. Разве не так, Профессор?

Подумать только, до чего дошло — этот дикарь смеется надо мной! Конечно, бачула ничего не знал о концлагерях. Это мог знать он — профессиональный проводник. Наверное, слышал от своих клиентов. Среди них ведь попадались всякие...

К сожалению, я сейчас зависел от метиса и не мог достойно ответить. Сказал только:

— Не пытайся скрыть от меня ничего. Сам Длинный рассказал мне о бачула.

— Если Профессор перенял много чужих мыслей, а у Этуяве — лишь свои, то Этуяве не переспорит Профессора. Пусть лучше белый господин внимательно смотрит, куда ступает Этуяве, чтобы не наступить на змею или снова не попасть в яму.

В его словах была издевка. Ради нее он удлинял фразы там, где мог бы их укоротить. Вообще-то акдайки, в отличие от других метисов, говорят мало. Чтобы вызвать их на монолог, нужны чрезвычайные обстоятельства. Умение долго и витиевато говорить считается у них искусством сродни цирковому.

Мы шли молча. Я пытался несколько раз заговорить с метисом, но он не отвечал.

Хижина была так искусно спрятана в зарослях, что мы вначале прошли мимо. Пришлось возвращаться. Все припасы и оружие, оставленные в хижине людьми Густава, оказались в полной сохранности. Мы переночевали со всеми удобствами в комфортабельных гамаках-«колыбелях» с противомоскитными сетками. Пожалуй, я наконец нашел приют, где мог бы жить сравнительно неплохо, если бы не постоянное ожидание погони. На завтрак у нас была мучная каша, горячий кофе с сахаром и различные галеты. Этуяве зажарил в муке мясо птицы, которую добыл на охоте, пока я спал. После завтрака метис повел меня к пещере в скалах, показал укромную бухточку на притоке Куянулы, где в кустах была укрыта лодка.

— Профессор доволен своим проводником? — спросил Этуяве.

— Очень, очень, — заверил я его.

— Пусть Профессор напишет записку Длинному, чтобы тот уплатил мне.

Так вот в чем дело! А собственно, чего же я ждал, как идиот, от дикаря? Искренней любви и обожествления? Может быть, я хотел, чтобы он интуитивно почувствовал во мне гения? Как бы не так! Да если бы мои гонители уплатили ему больше, чем Густав, он с таким же рвением передал бы меня в их руки. А теперь, судя по всему, он собирается оставить меня здесь одного. Отпускать его нельзя ни в коем случае. Я сказал:

— Ведь Этуяве не оставит Профессора до полного выздоровления? Он пока поживет вместе с Профессором в доме?

— Этуяве спешит к своей жене и детям, — возразил акдаец. — Профессор здесь проживет один. Так мы договорились с Длинным.

Тон метиса не оставлял сомнений. Я понял, что никакие уговоры не помогут. Только одно могло удержать проводника.

— Когда Этуяве собирается отправиться в обратный путь?

— На рассвете.

В эту ночь я не мог уснуть. Меня знобило — наминала о себе лихорадка. В темноте за дверью дома удалились шаги, звяканье оружия. Время от времени я поглядывал на гамак, в котором безмя-

тежно спал Этуйаве. Его нельзя отпускать. Такому неудачнику, как я, нечего надеяться на везение, наоборот — надо рассматривать, как неизбежное, все случайности, играющие против меня. В поселке, кроме хозяина хижины на сваях и его семьи, никто не мог знать ничего существенного ни обо мне, ни о моем пути. Следовательно, там очень слабый след. Жители поселка смогут рассказать лишь о том, что такого-то числа один белый человек приехал в тот пустой дом, взял проводника-акдайца и уплыл с ним на лодке. И никто не сможет сказать ни о том, что этот белый — бывший врач, ни о том, откуда он приплыл и куда направлялся.

Но если в руки гончих попадет Этуйаве, тогда совсем другое дело. Он знает слишком много. Гончие возьмут след, и начнется большая охота, в которой одни преследователи будут конкурировать с другими. Они окружают хижину многократными неразрывными змеиными кольцами. Нет, они не убьют меня. Им нужно больше, гораздо больше. Прежде чем убить, они вытянут из меня все жилы, все нервы, выцедят всю кровь, испытают на мне свои психологические методы. Они сделают все, чтобы проникнуть в Тайну.

Какой это был бы заработок! Одни получили бы деньги, другие — повышение по службе, третьи — славу, четвертые смогли бы удовлетворить чувства мести и свои садистские наклонности, у пятых появился бы повод пофилософствовать о возмездии, для шестых это была бы сенсация, которую можно посмаковать и которая придала бы вкус их пресной и никчемной жизни, седьмые получили бы подтверждение своих концепций и пророчеств, восьмые — материал для книги, девятые — и то, и другое, и третье... Но главное — заработок, заработок, заработок! Заработок для всех. Материальный или моральный, но заработок. Я знаю их — они рады заработать на чужой крови, на чужой смерти. Гла-

диатор в джунглях! К тому же, феноменально невежущий. Охота на гладиатора. Разве мир изменился за пару тысяч лет? Почему бы снова не заработать на гладиаторах?

А этот дикарь Этуйаве, получивший от гончих свои тридцать сребреников, так никогда и не узнает настоящей цены своему поступку, цены Тайны и моей жизни — и тех последствий, к которым приведет предательство.

Что ж, вывод ясен — я не имею права рисковать, я должен любой ценой сберечь Тайну.

Меня знобит так сильно, что начинают стучать зубы. Голова горит, и мысли начинают путаться. Мне чудится Генрих. Он встает из-за стола, как в тот памятный день своего рождения, с бокалом в руке. К тому времени преподаватели уже несколько раз сменились, и он больше не был первым студентом на факультете. Пути к успеху были для него закрыты — это знали все, кто пришел к нему в тот день: одни — из жалости, другие — чтобы позлорадствовать.

Он сказал тогда: «А второй мой тост за моих врагов! Кем бы я был без них? Скорее всего, ленивым и нерасторопным, благодушным и дремлющим, воплощенной посредственностью, тупым обывателем. Если я что-то умею, если есть во мне сила мысли и духа, стойкость и напористость, изворотливость и гибкость, хватка и воля к победе — то во всем этом немалая заслуга моих врагов. Выпьем же за них! Пусть всегда во вред им и на пользу нам оборачиваются все их замыслы в конечном счете!»

Он умолк, глядя куда-то отсутствующим взглядом, его лицо все мрачнело, будто он видел будущее. И он закончил тост уже совсем другим тоном, который больше устраивал его гостей: «И за тех, кто доживет до «конечного счета!»

Нет, я никогда не буду пить за своих врагов!

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

НОВЫЙ ФОТОКОНКУРС ЖУРНАЛА

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

Удивительно сложен и разнообразен мир природы. Это и ласковое весеннее солнышко и разрушительный ураган, целебность женьшеня и вызывающие болезни вирусы. Вот почему не менее сложны взаимоотношения человека и окружающей его среды. В одних случаях мы покоряем природу, используя все достижения науки и техники, в других — столь же ревностно защищаем ее. А с ростом могущества человека о сбережении природы мы беспокоимся все чаще.

Эта забота выражена в последних документах партии и правительства об охране природы. И сегодня возводятся очистные сооружения, чтобы вернуть чистоту рекам, поднимаются лесопосадки.

«Человек и Природа» — так будет называться новый фотоконкурс нашего журнала. И, пожалуй, нет более благодатной темы для фотомастеров и фотолюбителей. Мы надеемся получить от них снимки, рассказывающие о всем многообразии взаимоотношений человека и природы. Это и фотографии о природолюбцах и земледельцах, об ученых и строителях природоохранных сооружений, о юннатах и собирателях природных диковин, о туристах и путешественниках, о «зеленых патрулях» и любителях фотоохоты — короче, обо всей многогранной деятельности человека, направленной на сбережение природы.

Не секрет, что вмешательство человека в природу нередко приводит и к пагубным последствиям. И такие снимки, носящие характер фотообвинения, принимаются на конкурс.

Заранее оговариваем: просто фотопейзажи, как бы красивы они ни были, не отвечают главному условию конкурса. На снимках непременно должны присутствовать оба компонента — и человек (или результаты его деятельности), и природа. А как — это уже дело мастерства!

Само собой разумеется, что жюри фотоконкурса будет обращать внимание не только на содержание снимков, но и на их техническое исполнение, художественную образность. Мы ждем от вас и фотоочерков.

Фотографии, отпечатанные на глянцевой фотобумаге форматом 18×24 (в крайнем случае — 13×18), следует присылать в двух экземплярах. На обороте каждой фотографии, кроме пояснительного текста, обязательно надо указать полностью свою фамилию, имя и отчество, род занятий и подробный адрес.

Срок фотоконкурса — 31 декабря 1973 года.

Но вряд ли следует дожидаться крайнего срока. Тот, кто пришлет снимки раньше, имеет больше шансов на публикацию.

А в одном из первых номеров за 1974 год редакция объявит победителей.

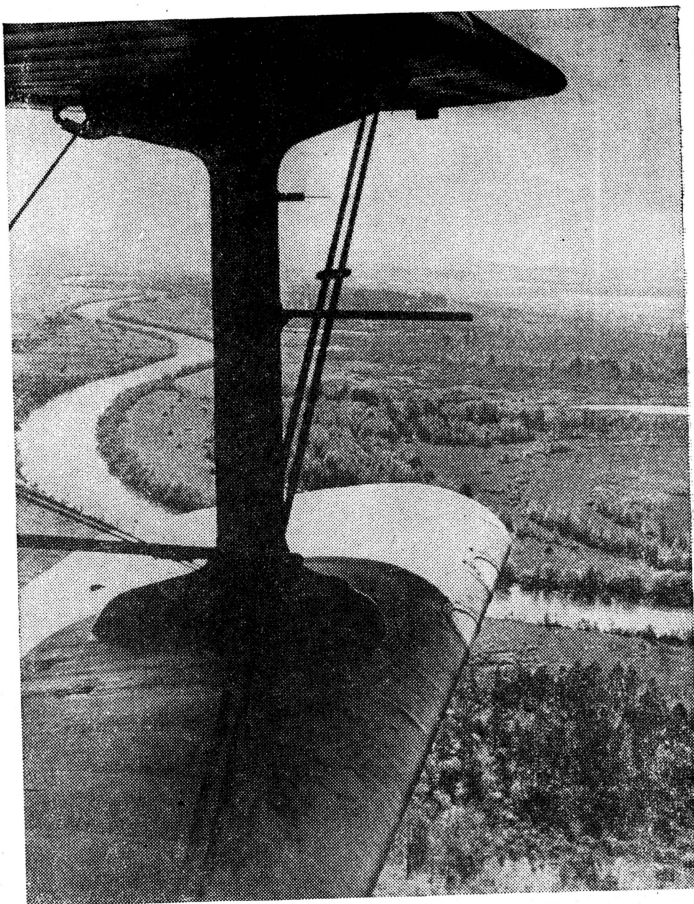
За лучшие фотографии установлены следующие премии:

Первая премия — двухместная туристская палатка.

Две вторые премии — многокрасочные шеститомные издания «Жизнь животных».

Три третьи премии — транзисторные радиоприемники «Нейва».

Присланные на фотоконкурс снимки не рецензируются.

ЗЕМЛЯ
Фото А. Нагибина
(г. Свердловск)

НА СЕВЕРЕ,

Фото В. Ветлугина (г. Свердловск)

ИЗ АРКТИКИ В ЗООПАРК
Фото Б. Коробейникова
(г. Магадан)

ДРУЖБА ДРУЖБОИ, А СЛУЖБА СЛУЖБОИ

Фото М. Горфинкеля (г. Свердловск)

ЛЕТО

Фото И. Сапожкова (г. Тюмень)

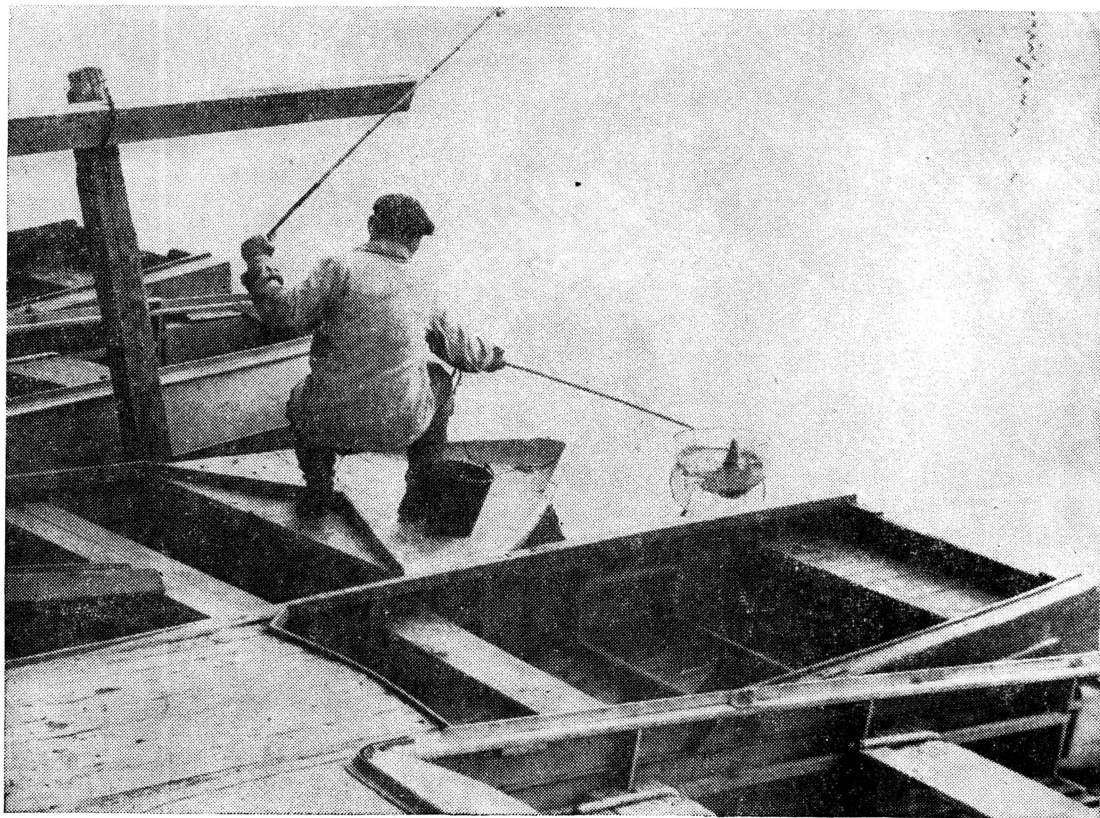
ЮНЫЕ ТУРИСТЫ

Фото Е. Расторгуева (г. Вологда)

И В СНЕГ, И В ВЕТЕР...

Фото А. Синицына и Н. Краева (г. Киров)

ПОПАЛАСЫ

Фото И. Большакова (г. Свердловск)

УТРОМЕНИЕ ЖАЖДЫ

«Земля — мокрый шар во влажной оболочке.

Шутка гидролога

Когда речь заходит о воде, о ее роли в нашей жизни, то мы неизменно прибегаем к эпитетам превосходной степени. Говорим, что это самое распространенное и самое необходимое для жизни минеральное вещество, что вода вездесуща — она есть в каждой горной породе, в каждой пылинке, в любом организме, в дуновении ветра и даже в... раскаленной зноем пустыне, что это самый мощный регулятор климата планеты, самый универсальный растворитель, самое изученное химическое соединение.

Человек всегда страшился наводнений и засух, постоянно ощущал великую силу воды.

Три четверти поверхности Земли покрыто водой, ее чудовищно много — без малого полтора миллиарда кубических километров. Для нашей планеты более подходящим было бы название Вода, а не Земля.

Несмотря на то, что планета наша «мокрая», далеко не везде человек получает влагу в должном количестве и главное — нужного качества.

Подобьем, как говорят бухгалтеры, баланс мировых вод. Он поучителен. 97,2 процента от общего количества всей воды планеты плещется в морях и океанах. Эта вода непригодна ни для питья, ни для орошения полей, ни для производственных нужд. Старинная арабская пословица гласит: «Река соленой воды стоит меньше, чем кувшин пресной».

Всего только 2,8 процента влаги на планете составляют пресные воды, содержащие не более 0,1 процента растворенных примесей. Да и то львиная их доля — 2,15 процента — во льдах Арктики и Антарктики, горных ледниках (глетчерах) и отколовшихся от них плавающих айсбергах. Наконец, из остальных 0,65 процента доступна людям и пригодна для хозяйственно-бытовых нужд меньшая половина воды. Как будто бы крохи.

Действительно, ненадолго бы хватило этих крох, если бы не шел безостановочный круговорот воды, вечно испаряющейся и вновь выпадающей в виде росы, дождя и снега. Наиболее быстро совершается круговорот в реках — здесь вода обновляется десятки раз в году. Куда медленнее, раз в несколько лет, вода сменяется в пресных озерах. И совсем

по-черепаши — в среднем раз в пять тысячелетий — обновляются подземные воды.

Одновременно совершается необычайно сложный и важный для нас процесс самоочищения воды. О нем еще мало что известно, тут переплелись химические, физические и биологические процессы.

Соизмерив количество влаги, повсеместно потребляемой людьми, и воды, стекающей из всех рек мира, получим вполне благополучную картину: людям хватает всего только пяти процентов речных стоков. Но эта радужность иллюзорна. Можно выделить три главные проблемы. Во-первых, пресная вода распределена на земле крайне неравномерно. Густонаселенные районы Африки, Ближнего и Среднего Востока, а также части Северной Америки, просторы юга и юго-востока Советского Союза испытывают недостаток пресной воды. А есть районы, страдающие от избытка влаги.

Вторая проблема заключается в быстром росте потребления.

Два-три столетия назад человек тратил на свои нужды 15—20 литров воды в день, а теперь — 200—600 литров. Астрономически возрос ее расход в сельском хозяйстве и промышленности. Для выработки тонны алюминия требуется 1400 тонн воды, а тонны синтетического волокна или каучука — 2100 тонн. Чтобы тонну угля превратить в электроэнергию, затрачивается 1000 тонн воды! Главным потребителем пресной воды является сельское хозяйство, на его долю, главным образом на орошение, приходится более 90 процентов хозяйственного расхода воды.

Тем не менее не в сельском хозяйстве болевая точка возникшего за последние десятилетия водного голода. Промышленность, ее стоки — вот главная беда. Заводы и города безвозвратно расходуют лишь пятую часть потребляемой ими воды, остальные четыре пятых сбрасывают обратно в реки и водоемы, но уже загрязненными.

Если корень зла — в стремительно растущих городах и промышленности, то они же призваны не только ликвидировать водный голод, но и, как увидим дальше, создать на новой, высшей основе устойчивое изобилие влаги, полностью отвечающей гигиеническим нормам.

Не плей в колодец: пригодится воды напиться.

Пословица

В отдаленные времена наблюдательные люди приходили к догадке, что эпидемии некоторых остро-заразных болезней связаны с водными источниками общего пользования. Подтвердили это и разглядели микробиологи. Они доказали, что возбудители холеры, брюшного тифа, дизентерии, паратифа, гельминтозов и других заболеваний гнездятся в воде.

С середины прошлого века в городах наиболее развитых стран стали учреждаться технические и санитарные службы по подготовке питьевой воды — ее обеззараживанию, осветлению, устранению из нее загрязнений и неприятного запаха. Это было скромное, малозаметное начало важных перемен в отношении человека к воде. Однако глобально, в масштабе всей планеты, проблема оздоровления воды не разрешена и поныне. Более того, в последнее время проблема осложнилась в связи с появлением в источниках новых вредных веществ.

Об этом говорят, вернее, бьют в набат недавно обнародованные данные Всемирной организации здравоохранения. Оказывается, каждый седьмой житель земного шара — полмиллиарда человек! — страдает какой-либо болезнью, вызванной употреблением недоброкачественной воды. Четвертая часть больничных коек всего мира занята такого рода больными. И это не удивительно, поскольку, согласно тем же данным, лишь одна десятая часть человечества пьет вполне качественную воду. Разумеется, эти цифры и факты главным образом относятся к отсталым и развивающимся странам. Но остается фактом и то, что возрастает число заболеваний, которые вызваны присутствием в воде веществ индустриального происхождения.

Ты величайшее богатство на свете, но и самое прихотливое... Можно умереть от жажды подле источника с водой, отравленной магием. Можно умереть в двух шагах от соленого озера. Ты не выносишь порчи, ты — пугливое божество.

А. де Сент-Экзюпери

Более полстолетия назад австрийский врач Шток занялся изучением странного недомогания людей, охватывающего нервную и костную систему, кровь, кишечник, зубы. Он установил, что это хронический сатурнизм (от латинского «сатурн» — свинец). Сатурнизм может поразить не только лиц, соприкасающихся на работе с соединением свинца, но и тех, кто лишь пьет изо дня в день воду из луженой посуды, если слой полуды содержит много свинца.

Шток вспомнил, что в Древнем Риме был водопровод из свинцовых труб. Чтобы проверить свою догадку, ученый организовал экспедицию. Она вскрывала древнеримские захоронения, извлекала кости и анализировала их на содержание свинца. И что же? В костях неизменно обнаруживалось во много раз большие содержания свинца, чем в костях из захоронений тех же времен в других местах Италии. Сомнений не оставалось: жители «вечного города», владыки половины мира, поголовно страдали хроническим сатурнизмом в длинном ряду поколений. Этим фактом Шток был склонен объяснить некоторые черты в обычаях, поведении и характерах древних римлян.

Вредные стоки поступают в реки не только с заводов. Сколько их образуется в результате применения химикатов в быту, обработки ядами полей и садов. Вредит воде и тепло. Дело в том, что тепловая и атомная энергетика, используя много воды, возвращают ее в водоемы основательно нагретой. А в теплых водах мало кислорода, естественная очистка тут крайне слаба, ее вытесняют бескислородные гнилостные процессы. В итоге происходит «вторичное» загрязнение воды органическими веществами.

Не все воды способны самоочищаться. Когда река раз за разом получает мощные дозы примесей, то в конце концов механизм самоочистки перестает срабатывать, и водоем становится навсегда грязным, он умирает. Такова судьба реки Рейн в Западной Европе. Кстати, в переводе слово «рейн» означает «чистый». Теперь это почти на всем протяжении безжизненный канал, по которому текут темные, дурно пахнущие воды. Они непригодны ни для купанья, ни для поения скота, ни для орошения земли.

Еще недавно пресная вода всем казалась неограниченным даром природы, а сейчас она становится товаром. Кое-где ее цена достигла уровня цен на нефть или бедные руды. Существенную часть бюджета Канады составляет доход от продажи воды, текущей по трубопроводу в США. В Швеции и Норвегии покупают воду Дания, Голландия и ФРГ. В голландском городе Роттердаме и некоторых японских городах привозную питьевую воду продают в магазинах в консервных банках.

Стойких и сильнодействующих ядов, подобных свинцу, в воде немало. Таковы мышьяк, ртуть, бериллий, ряд органических веществ. Особенно опасна ртуть.

По советскому законодательству присутствие в воде такого рода веществ, как ртуть, допускается в пределах 0,01—0,05 миллиграмма на литр. Содержание иных, не столь сильно вредных здоровью примесей допускается в 5—10 раз большим. Таковы медь, железо. Да, железо в каждодневно употребляемой воде совсем не безвредно, хотя микроколичества его нужны организму. Это справедливо для всех примесей. Даже такие, обязательно необходимые в питьевой воде примеси, как поваренная соль, соли калия, магния, кальция, допустимы в количествах не более ста—двухсот миллиграммов на литр.

Давно замечено, что присутствие или, наоборот, отсутствие ряда примесей в питьевой воде увеличивает вероятность некоторых заболеваний. Скажем, в районах, где вода имеет повышенную жесткость или много в ней кремния либо свинца, часты случаи мочекаменной болезни. Районы эндемического зоба

имеют свою характерную примету: там в реках и озерах нет йода. Где много в воде фтора, там люди и скот часто страдают флюорозом, ослабляющим скелет и зубы. Наоборот, где очень мало фтора в воде, там развито другое заболевание зубов — кариес. Вот почему существуют две нормы содержания фтора: верхняя — 1,5 миллиграмма и нижняя — 0,5 миллиграмма на литр. Если фтора больше верхней нормы, то его частично осаждают, а если чересчур мало, то воду фторируют. Кое-где йодируют воду.

Перед подачей потребителям воду обрабатывают на очистных сооружениях. Это процесс слож-

ный. Вначале удаляют крупные механические примеси, затем — тонко взвешенные вещества и осветляют воду. Далее ее обеззараживают с помощью хлора, озона или ультрафиолетовых лучей, попутно отделяя избыточное железо. Привкусы и запахи устраняют химической обработкой или продувкой воздухом. Наконец, отделяют или добавляют фтор и другие вещества. И в завершение пропускают воду через фильтры. Таков путь очистки обычной, не сильно загрязненной воды из источников, находящихся под санитарной охраной. Еще сложнее очистка промышленных и коммунальных сточных вод.

Вода — зеркало науки

К. Девис, Дж. Дей

Есть ли выход из создавшейся кризисной ситуации? Существуют ли реальные планы преодоления водного кризиса в короткие сроки? Со всей определенностью можно ответить — да, есть такие планы, есть пути и средства. Научно-технический прогресс, который породил водный голод в значительной части мира, — он же и разрешит все проблемы.

По меньшей мере в пяти направлениях научно-технический прогресс, если можно так выразиться, штурмует крепость «Чистая Вода». И должна пасть эта крепость еще до конца века. Нам наверняка не придется завозить воду с других планет, как пугает писатель-фантаст А. Азимов.

Вот эти направления. Первое — изменение географии водоисточников. Второе — предохранение источников от загрязнения. Третье — очистка и возврат сточных вод. Четвертое — опреснение морских и солоноватых вод. Пятое — искусственное дождевание.

Направлением главного удара является опреснение. У него три решающих козыря: сырьем тут могут служить все воды Мирового океана; оно незаменимо в безводных приморских районах и там, где имеются источники солоноватых вод; метод развивается в сторону удешевления опресненной воды за счет комплексного использования атомной энергии и минеральных богатств океана.

Исправление географических лягушек, допущенных природой, — переброска пресных вод из одних районов в другие по каналам и водоводам — дело не новое. Но растут его масштабы, протяженность каналов. В нынешнем году будут доставлены айсберги в порты Алжира и Японии, их намерены там растаивать для полива садов и полей. Считают, что игра стоит свеч: айсберг средних размеров — это сотни миллионов тонн воды.

Растет интерес и к самим ледникам, как величайшим аккумуляторам самой чистой пресной воды на Земле. Только на территории Советского Союза в них сосредоточено свыше десяти тысяч кубических километров воды, что в несколько раз превышает годовой сток всех наших рек.

Новым и дерзновенным шагом является частичный поворот вспять рек, текущих с юга на север. Полный их поворот встречает возражения гидрологов, опасаящихся, что столь грубое вмешательство повлечет охлаждение климата северных районов. Наиболее важна и актуальна эта задача для Советского Союза. В исследовательских и проектных организациях ряд лет идет разработка грандиозного проекта переброски части стока сибирских рек —

Енисея, Оби, Иртыша, Тобола — в Казахстан и Среднюю Азию. Сибирь и Дальний Восток в избытке богаты водой, на них приходится почти 80 процентов речного стока страны. Ключевая задача переброски — широкое развитие искусственного орошения на обширных равнинах Арало-Каспийской низменности и прилегающих к ней засушливых районах Казахстана и среднеазиатских республик. Сейчас в этом регионе используется менее десяти процентов земель — высокоплодородных, щедро освещаемых солнцем. Но они безводны. Попутно будет повышен уровень воды в Каспии.

Переброска воды, с другой стороны, должна способствовать осушению избыточно увлажненной и заболоченной Западно-Сибирской низменности. Практическое осуществление этого грандиозного проекта уже началось. В 1971 году воды Иртыша по каналу пришли в безводную Караганду. Но это лишь первый шаг большого пути, рассчитанного на десятилетия. Ведь речь идет о создании искусственных водных трасс в районе, охватывающем треть территории СССР. Его границы простираются от Урала и Каспийского моря до Енисея. В завершеном виде это будет величайшее в истории инженерное сооружение из множества искусственных рек, каналов и машинных подъемников воды.

Различными путями предохраняют источники воды от загрязнения. Проще всего — экономить воду. Отрадно, что реконструкция заводов, совершенствование технологии направлены и к сокращению удельного потребления воды — за нее ведь надо платить! В ряде отраслей наблюдается неуклонное снижение расхода воды на тонну продукции.

Другой путь — переход предприятий на «сухую» технологию производства, запрещение использования стойких вредных веществ. Например, в Дании работает бумажная фабрика, вовсе не потребляющая воды. В нашей стране запрещено использование ДДТ в сельском хозяйстве, сокращается производство неразложимых микрофлорой моющих средств и т. п. Самый же важный путь в этом направлении — повторное использование отработанной воды, за пределы завода она не должна течь. Воду очищают во внутренних бассейнах, далее она используется вновь и вновь. Существуют группы кооперированных заводов, даже целые города, составляющие замкнутые системы, в них вода и растворенные вещества используются многократно. А в полужамкнутых системах сбрасываемая вода предварительно очищается.

Городские сточные воды иной раз затрудни-

тельно собирать для очистки. Целесообразно направлять эти воды на орошение пригородных полей, где они, принося пользу, обезвреживаются и испаряются.

Очистка промышленных и коммунальных сточных вод выросла в сложную отрасль техники. Успешно применяются здесь специализированные микроорганизмы: одни расплавляются с сернистыми примесями, другие — с фенолами, третьи — с нефтяными отходами.

Чистота — лучшая красота

Г. Х. Андерсен

В неведомо глубокую древность уходит мечта человека иметь у моря и в море питьевую воду: ее видит око, да рот неймет... Двадцать три века назад Аристотель предавался размышлениям — как опреснить морскую воду. Четыре с половиной века назад английская королева подписала указ о выдаче по тем временам колоссальной суммы денег — десяти тысяч фунтов стерлингов тому, кто изобретет дешевый способ опреснять морскую воду. В традиционной Англии этот указ и поныне имеет силу. Но обещанной премии еще никто не удостоился. Разработаны десятки различных способов опреснения морской воды. И обилие их — верный признак того, что среди них нет еще вполне дешевого, технически совершенного и универсального способа.

Тем не менее техника опреснения начинает вступать в пору зрелости. Ежедневно на всех континентах уже вырабатывается четыре миллиона кубометров опресненной воды, в Австралии и на Ближнем Востоке ею поливают поля и citrusовые рощи. Мощные опреснительные установки работают в СССР.

Старинный способ термической перегонки продолжает оставаться основным. Более того, он как бы заново родился благодаря использованию низкотемпературного тепла ядерных реакторов. Традиционная дистилляция происходит в многокорпусных установках, состоящих из ряда выпарных аппаратов и конденсаторов. Только в первом аппарате вода вскипает от тепла из внешнего источника, в остальных она испаряется за счет тепла конденсации вторичного пара предыдущей ступени. Конденсат вторичного пара присоединяется к дистилляту.

С 1960 года с этим способом конкурирует вариант дистилляции, основанный на принципе мгновенного испарения в многоступенчатой установке. Здесь вода закипает на поверхности перегретой струи, впрыскиваемой в испаритель. В Советском Союзе крупные установки мгновенного испарения действуют в Краснодарске и Бекдаше у залива Кара-Богаз.

Полученный дистиллят чересчур чист для питья. Его надо подсолить. Для этого в нем растворяют определенное количество таблеток из смеси солей или, как это делают на Мангышлаке, примешивают соленоватую воду.

На берегах Атлантики работают установки по вымораживанию опресненной воды из океанской. В процессе кристаллизации льда большая часть солей остается в рассоле. Лед в виде шуги отделяют на перфорированной ленте-сетке. В принципе вымораживание выгоднее дистилляции, так как скрытая теплота льдообразования в семь раз меньше тепло-

Искусственное дождевание делает первые практические шаги. В Советском Союзе работает несколько станций. Дожди по заказу сокращают расход воды на орошение, предупреждают выпадение града.

Оружие станций — ракеты, начиненные специальными веществами. Попадая в облака, кристаллики этих веществ играют роль ядер конденсации, ускоряющих образование капель дождя.

ты парообразования, но реализовать это преимущество пока что не удастся — энергия холода еще дорога, а технология отделения льда от рассола несовершенна.

Второе по значению место после дистилляции занимает электродиализ. Суть метода такова. При пропускании постоянного тока через воду ионы солей движутся к электродам. На пути ионов поставлены микропористые перегородки в виде пленок из особых полимеров, обладающих избирательной проницаемостью для ионов. Опресненная вода скапливается в межэлектродной части, а рассол — в специальных камерах. Метод электродиализа удобен при опреснении среднеминерализованных вод, в особенности при многократной очистке потребляемой воды. Мощная многокамерная установка такого типа действует в Бекдаше.

Недавно и совершенно случайно обнаружилось любопытное физическое явление, которое до сих пор не имеет общепризнанного теоретического объяснения. Изобретение вызвало сенсацию. В СССР и за рубежом его изучают, разрабатывают материалы и технологию. Явление это названо гиперфиль-трацией, или обратным осмосом.

Представьте себе ковер из двух слоев пористого пластика, свернутый в рулон. Между слоями расположена тонкая, но прочная пленка, пронизанная менее чем микроскопическими порами, — мембрана. Обычно ее делают из ацетилцеллюлозы. В первый напорный слой подается соленая вода под большим давлением — до ста атмосфер. Проникая сквозь мембрану, вода оставляет здесь 90—95 процентов своих солей. И по второму дренажному слою в приемник стекает опресненная вода. Что тут происходит? Вероятно, под тончайшие поры мембраны могут протиснуться лишь молекулы воды, а грузные, обвешанные водными молекулами (гидратированные) ионы и молекулы растворенных веществ застревают, как рыбы в ячейках сети.

Небольшие установки по гиперфильтрации соленых вод работают во многих местах. Создаются крупные агрегаты, которые в состоянии будут выдавать в день тысячи кубометров воды.

Сходную роль играют подобные мембраны в жизнедеятельности множества организмов. Они смогут преподать нам, когда мы поймем их биофизический язык, немало полезных уроков. Биологи и инженеры стремятся заглянуть в «черный ящик» механизмов действия внутренних органов животных, обитающих в пустынях и способных утолять жажду соленой, даже морской водой. Их почки великолепно приспособлены к отделению из крови избытка солей и продуктов обмена веществ.

Теперь остается рассказать о гигантских опреснительных станциях, скорее — заводах, которые в скором времени заработают там, где люди испытывают жажду. В отличие от незадачливого Клеона из пьесы «Лиса и виноград», они выпьют море, чтобы отдать его людям опресненным. Речь идет о дистилляции морской воды с помощью колоссальных количеств тепла, выделяемого в ядерных реакторах-размножителях, работающих на быстрых нейтронах.

На атомных электростанциях работают тепловые реакторы. В них используется практически лишь одно природное ядерное горючее — уран-235, которое расщепляется под действием искусственно замедленных (тепловых) нейтронов. Но повсюду ведутся работы по созданию реакторов-размножителей, названных так потому, что в процессе работы в них накапливается больше ядерного топлива, чем расходуется, как в той сказочной печке, где дров становилось тем больше, чем ярче они разгорались. Но чуда тут нет. В реакторе-размножителе, как и в тепловом реакторе, имеется активная зона из урана-235, но в размножителе она еще окружена зоной воспроизводства из инертного, не способного к ядерному делению урана-238. Вот этот материал под действием быстрых нейтронов, вылетающих из активной зоны, постепенно превращается в плутоний-239, который является отличным ядерным топливом. Через каждые 8—10 лет работы количество активного топлива в реакторе удваивается.

В природном уране инертного изотопа-238 в 140 раз больше, чем активного 235. Стало быть, переход к реакторам-размножителям будет означать, что запасы ядерного горючего на Земле увеличатся в 140 раз! Человечество будет обеспечено ядерной энергией на тысячелетия. Вот почему работы в этой области названы среди важнейших задач советской науки в Директивах XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства.

Размножители на быстрых нейтронах компакты, они выделяют много тепла, которое надо интенсивно отводить. И тут удачен симбиоз атомной электростанции с опреснительной станцией, отбирающей тепло на испарение воды. Такой первый в мире промышленный комплекс работает с 1970 года в городе Шевченко на восточном берегу Каспийского моря. Комплекс выдает три вида продукции — электроэнергию, ядерное горючее и пресную воду из морской. Когда будет освоена проектная мощность опреснительной станции, она станет выдавать

120 тысяч кубометров воды в сутки. А в перспективе ее производительность намечено довести до 250 тысяч кубометров.

Чем мощнее станция, тем дешевле обходится пресная вода. Поэтому в СССР, США и Англии намечено строить атомные опреснительные заводы, которые способны будут выдавать до шести миллионов кубометров воды в день. Дешевизна и обилие опресненной воды позволят организовать оливное земледелие в обширных острозасушливых зонах, полупустынях.

И это еще не все. Ведь из рассолов, которые остаются как отходы на опреснительных установках, получают металлический магний, бром, калийные удобрения, поташ, гипс, пищевую соль. Так, запроектированная в Нью-Йорке атомная станция опреснения производительностью 3,75 миллиона кубометров воды в сутки будет давать ежедневно 140 тысяч тонн солей — сырья для металлургии, химической и строительной промышленности.

И самое, пожалуй, замечательное проявление симбиоза реакторов-размножителей и опреснителей состоит в том, что такие комплексы будут сами себя снабжать ядерным горючим — ураном, сконцентрированным в рассолах — отходах опреснения. Содержание урана в водах морей и океанов чрезвычайно велико, но он крайне рассеян: в литре воды его только четыре миллионных доли грамма. И это делает невыгодной добычу урана из воды. Иное дело — попутно извлекать уран из концентрированных рассолов. Вскоре это станет реальностью. В полупромышленном масштабе уже получают уран из рассолов.

Итак, подведем основной итог. Через 20—30 лет, когда реализуются грандиозные планы переброски рек, вступят в строй мощные опреснительные и водоочистительные станции, будут осуществлены другие смелые проекты, пресной воды станет вдосталь для всех нужд. Но в корне изменится наше отношение к воде. Выражение «цена воды» приобретет глубокий смысл, поскольку она уже не будет бесплатным даром природы. В этом человек конца XX столетия вернется к воззрениям древних египтян, римлян и арабов, которые отлично умели ценить воду. В будущем станут не столько добывать воду из источников, сколько делать ее. А раз в производство воды будет вкладываться немалый труд, люди будут ее беречь.

РАЗДУМЫВАЯ ВМЕСТЕ С ВАМИ...

Начало на стр. 2.

Все номера журнала за все 15 лет я храню. Сын, живущий в Тюменском районе, просит передать их ему для своей домашней библиотеки. Я это сделаю, потому что стал уже стар, а журнал же «Уральский следопыт» будет жить еще долго.

Г. Серебренников,
пос. Удино.

Первый раз журнал выписал муж по ошибке — думал, он для охотников. И с тех пор мы стали постоянными подписчиками «УС».

Само название журнала «Уральский следопыт» должно оправдывать себя — пишите больше об исследованиях во всем. Меня лично прежде всего интересуют раскопки и приключения и вдобавок еще юмор.

«Уральский следопыт» заинтересовал не только меня, но и всех моих знакомых и друзей. Особенно интересуют материалы о новостройках. Желательно их находить в каждом номере.

Абитуриент вуза,
г. Пржевальск.

Пишите об океанологах, аквалангистах, о жизни морских животных. Я хочу стать океанологом, а точно не знаю, что это за профессия.

Люда П.,
г. Кировоград.

Ваш журнал у нас в семье на первом плане, выписываем его мы 15 лет.

Шапаловы,
г. Жданов.

А вот на вопрос об острых проблемах читательские ответы противоречивы. Самое меньшее число читателей ставит в анкете острые проблемы на первое место. К теме современности это имеет прямое отношение. Однако вряд ли можно допустить, чтобы читателей не интересовали многие проблемы современной жизни. Значит, тут опять виноваты мы — слишком робко касаемся сложных проблем, имеющих значение для подростка. Какие-то меры в этом направлении мы уже предпринимаем. Так, в этом году редакция предполагает опубликовать ряд произведений на этические темы. Среди них повесть А. Петухова «Люди суземья». В этих произведениях ставятся большие нравственно-этические проблемы, говорится о формировании духовного мира молодежи.

Вы помните, наверное, интервью с академиком Лаврентьевым, в котором он развивал свои взгляды на школьное образование в наши дни, помните «Операцию «Ч» — серию статей и заметок в защиту реки Чусовой. Не чаще ли нам надо в художественных и публицистических произведениях затрагивать такие темы, знакомясь с которыми, читатель с юных лет своих становился бы горячим защитником справедливости, чистоты человеческих отношений, настоящим хозяином страны, старшим и любящим братом Природы! Может быть, следует развернуть и диспут на страницах журнала. Уже по этой анкете, по письмам к ней мы знаем, что нашего читателя волнуют даже вопросы экономики. К такому серьезному разговору мы готовы, и поэтому всегда ждали и будем ждать от вас писем.

Нам дорого и простое мнение о прочитанном. В прошлом году, например, мы начали публиковать очерки, основная цель которых попытаться помочь нашему молодому читателю найти свое место в жизни. Мы думаем, что подобные материалы нужны. А как думаете вы?

Невелик процент читателей, интересующихся стихами. Здесь опять-таки есть над чем поразмышлять редакции. Детство и юность сами по себе поэтичны. Почти нет людей, которые когда-нибудь да не написали несколько поэтических строк, стихотворение. Стихи часто сравнивают с музыкой, и не без основания. Не знать и не читать стихов — обеднять самого себя. Но анкета бескомпромиссна: нам нужно думать, как дойти до вашего сердца стихами. Мы были бы благодарны за ваши советы, как сделать наш поэтический раздел более богатым, затрагивающим ум и сердце.

А географическое краеведение! Сколько патристического, познавательного в нем! Однако и этот раздел, судя по ответам, читается сравнительно слабо. Может быть, и здесь ваш совет будет на пользу журналу.

Но вот что читается хорошо — это фантастика. 73 процента ответивших на анкету увлекаются ею.

Нельзя сказать, что в художественном отношении фантастические повести и рассказы значительно выше произведений на современную тему. Однако анкеты пестрят приписками: «Печатайте больше фантастики!»

*Здравствуй, Следопыт!
Ответить на твою анкету очень трудно, потому что мы читаем журнал от корки до корки.*

Не удивляйся, что журнал, который я получаю, читает 31 человек — весь наш 9а и вся наша семья. В течение нескольких дней мы обсуждаем очередной номер журнала, спорим, мечтаем, думаем. Не остается ни одной непрочитанной статьи, очерка, рассказа, воспоминания...

И в конце я хочу сказать вам, что той настоящей, крепкой, удивляющей всех дружбой 27 человек нашего класса мы обязаны вам.

*Наташа,
г. Ташкент.*

•

Журнал выписываю с первого номера. Это нужный журнал — знать свой край необходимо.

пос. Белоярский.

•

Нравится «УС» потому, что в нем на каждой странице красной нитью проходит любовь к человеку, к природе.

Скрипникова.

•

По-моему, вашему журналу не хватает лирических повестей и рассказов и юмористической странички.

*Ученик 10-го класса,
с. Ореховка.*

Видимо, за необычность ситуаций, мысль, рвущуюся в неизведанное, остроту и драматичность конфликтов, возникающих иной раз на далеких от нас планетах или в глубоком прошлом нашей Земли, куда, не мудрствуя лукаво, фантасты отправляют своих героев с помощью «машины времени», ну и, разумеется, за определенную долю чисто познавательного материала — молодой читатель часто готов простить многие художественные несовершенства фантастики. Все это, однако, не снимает с нас ответственности за еще более строгий отбор популярных среди подростков произведений.

В какой-то мере мостом между нынешним днем и завтрашним может считаться тема «Человек и природа», одна из основных тем «Уральского следопыта». И примечательно то, что она приковывает внимание читателей примерно так же, как героика и фантастика. Учитывая это, мы будем углублять эту тему, к которой относятся и короткие рассказы «Из книги природы», и материалы об охране истоков рек; статьи и очерки, рассказы и повести, берущие под защиту величайшее достояние страны — нашу землю, наши воды и воздух, богатейшие недра и бескрайние лесные массивы, животный мир и воспевающие Человека, разумного и доброго хозяина природы. Как вы можете убедиться, этот, первый номер журнала за 1973 год посвящен в значительной мере теме «Человек и природа».

Вполне понятен интерес к приключенческим произведениям. Мы пытаемся и здесь искать хорошие повести и рассказы. Но, честно говоря, поиски эти трудные: настоящих литературно одаренных писателей-приключенцев еще меньше, пожалуй, чем писателей-фантастов. Однако и в этом году многочисленные пожелания наших читателей мы постараемся выполнить.

В ряде анкет высказывалась просьба: открыть в журнале «страничку» коллекционера. И это будет учтено.

Наш журнал иллюстрированный. Поэтому замечания по оформлению «Уральского следопыта» были для нас также важны. Уже по этому номеру в какой-то мере вы можете видеть, что редакция ваши замечания приняла к сведению.

И снова хочется повторить: пишите нам чаще, дорогие читатели, присылайте свои замечания о прочитанном, предлагайте темы выступлений, пишите нам обо всем, что кажется для вас важным. Чем крепче будут наши связи, чем откровеннее разговор, тем точнее будут наши планы и, следовательно, сам журнал будет таким, каким бы вы хотели его видеть.

РУКОЙ АВТОРА

Книги с автографами имеют особую ценность — их держал в руках сам автор, что-то исправлял или дополнял, продолжая работать над книгой, или подарил ее кому-либо из своих друзей или близких с надписью, характеризующей их отношения. За долгие годы в научной библиотеке Центральных государственных архивов¹ создалась уникальная коллекция книг с автографами и записями замечательных людей России.

Сотрудник библиотеки С. Р. Долгоза рассказывает о недавно найденных двух таких редких книгах с автографами и об истории их.

Автограф декабриста

Один из активнейших деятелей декабристского движения Николай Иванович Тургенев случайно избежал суда после восстания на Сенатской площади. Еще летом 1825 года, будучи за границей, Тургенев получил письмо из России от министра финансов Канкрин, который предлагал ему в своем министерстве место директора департамента мануфактур. Тургенев отклонил предложение министра, это и спасло его от расправы.

В начале 1826 года, когда Тургенев был в Англии, ему было передано повеление Николая I предстать пред верховным судом, с предупреждением, что если он не явится, то будет судим как государственный преступник. Тургенев отказался вернуться в Россию, и русским посланникам во всех европейских государствах было предписано арестовать его, где бы он ни появился.

¹ См. очерк «Сокровища Посольского приказа». — «Уральский следопыт», № 2, 1972 г.

Верховный уголовный суд заочно приговорил Тургенева к смертной казни. Николай I, проявив мнимое великодушие, заменил смертный приговор пожизненной каторгой с лишением чинов и дворянства, а книгу Тургенева «Опыт теории налогов» власти приказали отовсюду изъять и уничтожить.

В нашей архивной библиотеке хранится чудом уцелевший экземпляр этой книги. Он представляет особую ценность: на титульном листе сделана рукой Тургенева дарственная надпись Главному архиву Коллегии иностранных дел, где он собирал материалы для своего труда.

Книга Тургенева имела успех, совершенно небывалый в России для таких серьезных сочинений; она вышла в ноябре 1818 года, а в декабре была почти вся распродана. В мае следующего года появилось уже второе ее издание.

«Опыт теории налогов» в научном отношении — наиболее ценная работа Н. Тургенева. Она положила начало русской финансовой науке. На читателя не могло не произвести впечатление заявление автора, помещенное на обороте заглавной страницы: «Сочинитель, принимая на себя все из-

держки печатания сей книги, предоставляет деньги, которые будут выручаться за продажу оной, в пользу содержащихся в тюрьме крестьян за недоимки в платеже налогов».

В книге автор порицает рабство (как он называет крепостничество) и решительно выступает против проведения в налоговой политике крепостнических принципов, особенно против сословных налоговых привилегий дворянства.

Можно без преувеличения сказать, что после Радищева и его книги «Путешествие из Петербурга в Москву» в русской печати начала XIX века это было наиболее смелое выступление против крепостничества. Вопрос об освобождении крестьян был для Тургенева центральным.

Об этих взглядах Тургенева упоминает и А. С. Пушкин в 10-й главе «Евгения Онегина». Как известно, поэт сжег ее после восстания декабристов; сохранился лишь черновик с зашифрованными им стихами, ключ к которым был открыт ученым П. О. Морозовым в 1910 году.

Вот фрагмент из строфы XV, где поэт так выразительно пишет о декабристе Н. И. Тургеневе:

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Поправки к «Генеральным сигналам...»

Развитие книгопечатания в России в первой четверти XVIII века тесно связано с государственной деятельностью Петра I. Начиная с 1708 года (год введения гражданского шрифта) тематика изданий в России становится все более и более разнообразной.

Новые задачи, поставленные перед русским книгопечатанием эпохой преобразований, преимущественно носили практический характер: требовалось в короткое время издать большое число учебников,

книг по военному делу, кораблестроению и естественным наукам.

Как и во всех своих начинаниях, Петр I принимал личное участие в реформе книгопечатания. В тяжелые годы Северной войны он находил время даже в походах и разъездах следить за выходом намеченных им к изданию книг, вел переговоры с переводчиками, вносил поправки в доставляемые ему оттиски.

В нашей библиотеке, в коллекции Московского печатного двора, сохранились экземпляры книг, правленных рукою Петра. Среди них — одно из первых изданий гражданской печати: «Генеральные сигналы в российском гребном флоте» (14 апреля 1715 г.)

Первый указ по галерам, определявший сигналы, был написан Петром еще в мае 1696 году на галере «Принципиум», когда флот шел от Воронежа к Азову. Тогда же некоторые пункты были переработаны и к ним добавлено еще пять новых. Отпечатали же впервые «Сигналы» лишь в 1708 году. Петр писал по этому поводу начальнику Монастырского приказа, ведавшему в то время изданием книг, И. А. Мусину-Пушкину: «Сие сигналы вели напечатать новою мелкою печатью, как наискорее, а книжки б были таковы величиною, как здесь очерчено, чтоб в кармане мочно носить».

После отправки «Сигналов» в печать Петр сделал еще ряд исправлений и послал их Мусину-Пушкину с таким уведомлением: «На прошлой почте... посланы к вам сигналы, чтоб таковы напечатать; и после той отсылки смотрел я те сигналы сам, в которых много переправил, а в которых статьях переправлено, то росписано на особливом листу. И когда оные переправленные сигналы до вас дойдут, тогда те статьи, в которых есть переправки, вели напечатать против сих посланных, а в которых нет переправок, те по-старому».

9 июня Петр уже получил «по новоисправленным сигналам» 30 книжек.

По сохранившемуся в библиотеке единственному экземпляру, изданному в Санкт-Петербурге в 1715 году с иллюстрациями (изображением Невы, Петропавловской крепости и церкви Троицы), можно проследить, что и через 18 лет Петр продолжал работать над текстом «Сигналов».

С. Р. ДОЛГОВА, главный библиотекарь
научной библиотеки Центральных
государственных архивов СССР

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПАРМЩИКИ

Чаще всего мы рыбачили с Ленькой у Желтого Яра. Бережок там обрывистый, дно твердое. Рыба стаями ходит. Закинешь удочку, сразу клюет. За зорьку по ведерку налавливали.

В наших дворах уже висели, вялились на длинных низках пластанные сазанчики. Но нам казалось этого мало. Хотелось такое место отыскать, где только крупная рыба водится.

Идем с Маныча. У глиница столкнулись с Максимом — пастухом. Взглянул он на наш улов, презрительно сморщился.

— Мелюзга! Только рыбу переводите.

— А где ж ее, крупную, найдешь? — спросил Ленька с обидой.

— Где? Во-о-он куда сходите! — Максим указал кнутовищем в сторону Рейдина Тока. — Давеча я у самого стойла во-о-от такого сазанища подцепил! — он развел ладони шире плеч. — А в камышах их — тьма-тьмушая! Рты выставляются из воды, как поросята чмокают.

Загорелись мы.

Вечером нарыли червей, соорудили длиннущие кукуны. А ночью, едва поднялась тоненькая, как обглоданная арбузная корка, луна, вышли за хутор.

У хлебной ссыпки окликнул нас сторож:

— Куда вас? Еще черти на кулачках не бились!..

Выйдя на берег, мы пошли у самой воды. Ветра, казалось, не было, а прибрежные камыши ходили ходуном.

Задолго до рассвета добрались до коровьего стойла. Нашли крутой бережок на

изгибе. Забросили донки. И сразу начался клев.

Первого сазанчика в две ладони выхватил Леня. Затем мы не успевали червяков на крючки насаживать.

Случилась беда: Леня кукуны потерял. Стали всю рыбу на мой сажать.

Вскоре кукуны были набиты до отказа.

— Может, домой понесем? — предложил я.

— Ты что, рехнулся?! — закричал дружок. — Вон заря занимается, скоро крупная из камышей выводится.

— А куда ж ее?

— Куда, куда! Закудыкал. Выроем яму, кепками воду натаскаем и... хоть сто пудов.

— Раззява же ты! — корил я Леню за кукуны.

Землю, вернее, твердую береговую глину, мы рыли удилицами.

Когда яма-садок была готова, совсем по светлело.

Справа от нас в прибрежных камышах что-то плюхнулось, раз, другой. Будто кто с обрыва камни бросил.

— Слышишь? Сазаны, — говорит Леня.

Но что-то снова бултыхнулось. Я приподнялся на цыпочках и замер. Из камышовой кулиги плыла здоровенная крыса. За собой она волокла что-то громоздкое. Наконец я разглядел: четвероногая пловчиха буксировала круглую лепешку-кизяк величиной с мою кепку. На кизяке, как на пароме, селась зверьков. Старая крыса, сидя, держалась зубами за хвост плывущей. К ней при-

жались четыре совсем еще маленьких крысенка. Они с боязнью озирались по сторонам. Этот необычный паром плыл к середине реки, на быстрину. Вскоре течение подхватило его и понесло.

Забыв обо всем, мы с раскрытыми ртами глядели на странных путешественников. Затем пустились по берегу. Хотелось догнать, увидеть, что будет дальше.

За крутым коленом реки «плот» приблизился к отмели. Кизяк подбрасывало волной. Крысы спрыгнули на мелководе, выскочили на противоположный берег, отряхнулись и скрылись в луговой траве.

Мы воротились к удочкам и остолбенели: исчезла наша рыба.

Леня даже слезу рукавом смахнул.

Рассказали дома, как остались без улова.

А мать моя спрашивает:

— Так кто ж в этом виноват?

— Крысы! — не задумываясь, выпалил Леня.

Засмеялась она и говорит:

— При чем тут крысы. Ловили бы рыбу да не перелавливали.

Задумались мы: может, и верно, что тяжелый кукан течением оборвало. Был бы кукан полегче... До сих пор жалко улова.

ХОЗЯЙКА СУСЛИНОЙ ГОРЫ

Каждый день дядька Андрей как вихрь проносится мимо нашего двора на гнедых конях. Колеса линейки так крутятся — спиц не видать. Позади линейки в полосе белеющей пыли мчится тоненький, тоже гнедой, жеребенок с белой звездочкой на лбу. Он потешно выбрыкивает длинными, как у кузнечика, ножками. Наш Тузик с лаем катится ему вслед. Но разве дядьку Андрея догонишь!

Дядька Андрей конюхует в Совете. Председателя возит. А вот по воскресным дням он с лошадьми у Маныча. Травы там густые-прегустые.

Ехал он как-то верхом на жеребце, кобылицу в поводу держал. Увидев меня, крикнул:

— Эй, казак, поехали коней купить!

Я сперва даже не поверил. Но когда он сказал: «Иди же, садись!» — подбежал к лошади, впутался пятерней в гриву, босой ногой оперся о колено кобылицы да и сгинул на спину.

— Хватка у тебя армейская, — похвалил дядька.

— Но-о!..

Едем. Я с высоты по сторонам поглядываю. Тузик впереди звонком заливаается. Когда лошади перешли на рысь, я стал подсакивать, ерзать то вправо, то влево. И радостно, и страшновато. А сердечко: тех-тех, тех-тех, того гляди выскочит.

Так началась наша дружба.

Как-то летним вечером пошли с дядей Андреем за лошадьми, они стреноженные паслись в займище. На плечах у нас — уздечки. Идем, он рассказывает, как в буденновской коннице разведчиком был, как его раненого лошадь спасла.

— Умнощее, я тебе скажу, животное...

А я остановился как вкопанный.

— Что это?

На яру, у Татарской могилы, ползал по траве окровавленный суслик, тыкался то в одну, то в другую сторону. Вместо глаз — кровавые ранки.

— Кто ж его так?! — вырвалось у меня.

— Это чикикалка постаралась.

— А за что же она суслика казнила?

— Да видишь ли, какая история... И лисицы, и ласки, и хомяки изничтожают их. А тут еще чикикалка. Вот потому-то суслики, как воришки, чаще ночами промышляют. Набьет суслик на поле рот пшеницей, семечками подсолнуха, да так, что щеки топырятся, и несет добро в подземные кладовые. В голодный год люди из сусликовых нор по ведру зерна выгребали.

— А какая она чикикалка?

— Неужто не видал? Чуток поменьше жаворонка. Невидная собой. У нас по-разному ее кличут: попрыгушкой, богомолкой, плясунькой. Садится она на кочки, камни, кротовые горки. Да вон она, легкая на помин.

Андрей Петрович указал в сторону овражка. На порыжевшем конском черепе, наполовину вросшем в землю, сидела сизая птичка.

Заметив нас, стала кланяться сизой голловкой с темной шапочкой, приплясывать, а хвостик с темной каемочкой вздрагивал. Она беспокойно издавала: «чи-ки-чики, чики-чики».

Когда мы подошли ближе, чикикалка прыгнула на землю, быстро засеменила ножками, исчезла в суслиной норе.

— Видал? Значит, не суслик, она там хозьяка.

— А зачем птичке нора? — допытывался я.

— Чикикалка не делает себе жилья. Когда настает пора гнездовья, прилетает к норке суслика, затаится, ждет. Едва тот появится, она бросается на него, впивается коготками в спину. Перепуганный зверек мчится что есть духу. А птичка знай долбит его в голову, машет крыльями, держится на нем, как заправский джигит. Если суслик попытается повернуть к норе, чикикалка бьет его клювом то в один, то в другой глаз. Ослепленного бросает. В захваченном подземелье она выводит своих птенцов. И горе зверушкам, если они даже случайно сунутся в нору.

Н. НИКОЛАЕВ

ДАНЬ ОСЕНИ

Усталый возвращаюсь в деревню из дальнего леса по нехоженной береговой тропе.

Среди тростника и осоки — плот. Рядом, у чистой воды, расставив веером донки, сидит знакомый рыбак. Я подхожу, здороваюсь.

— Здорово, здорово, — не оборачиваясь, поспешно отвечает он. Немного погодя вздыхает: — Э-эх, ободрали, черти! Замерло...

Он оборачивается, узнав, кивает.

— А!.. Ну, где был-то? Чего без удильника?

— Да я не ловить... Так, по лесу походил.

Он опять кивает: понимает, что здесь можно так просто ходить, смотреть часами, хотя сам-то никогда, пожалуй, не стал бы бродить по лесу без цели или занятий.

— Поймал?

— А то! — живо откликается рыбак, словно только и ждал этого вопроса. — Часу нету... Не-е, нету, как—во!

Он тянет из осоки за веревочку авоську, в ней тяжелыми блинами лежат желтоватые лещи. Поднимаю одного за жабры — килограмма полтора.

— Хо-рош, — не скрывая зависти, тяну я.

— А как взял я его! Да угости-ка сига-

реткой... — Он быстренько прикуривает. — Так вот...

Рассказывает он обстоятельно, с подробностями, заново все переживая.

— Поднял я его наверх, он — брык-набок, хорошо идет. Ага... Подвожу. И то-олько я его за жабры — ну, верных два кило потянет, а он кэ-э-эк вертанет!..

Я смотрю на темнеющую воду — легкие белые мушки с тремя тонкими, еле заметными хвостиками стремительно несутся над водой.

— Подёнка вылетела, — произнес, глубоко затянувшись, рыбак. — Гвалт будет. Лещ ночью почавкает.

Где-то на той стороне далеко и завораживающе завела кукушка. Мы молчим и слушаем.

Над водой волокнистая дымка тумана. Небо сиреневое на востоке. Вечер.

Прощаюсь с рыбаком — надо поспеть дотемна развести веселый костер, сварить какую-нибудь еду.

Ступаю на ветхий плотик, отталкиваюсь от берега и медленно плыву по колёно в тумане к песчаной косе на изгибе реки.

До свидания, лес. Я приду утром, смотреть, как тяжелый туман клубится в лучах солнца и в кронах деревьев, как сверкает самоцветная роса на провисших тенетах.

Поворот реки — и... Вот оно, то самое чудо, которого всегда ждешь за каждым поворотом. Та самая мелочь, которую никогда раньше не видел.

Поворот реки — и над ясной водой протоки склонилась совсем еще зеленая тоненькая береза. Сзади — густой мрак ста-

рой ели, и на темном фоне ее могучих лап связкой золотых монет кажется ярко пожелтевшая ветвь чуть трепещущих листьев.

Задел неосторожно ветер золотую прядь, и уронила красавица в воду горсть богатства — дань осени...

ВЕЧЕР НА КАВЕ

Тихий пасмурный день похож на затянувшийся вечер. Дневной сумрак и одиночество по дорогам. Так спокойно вокруг, что произнести слово среди покоя осеннего пространства кажется невозможным: странная уверенность, что звук человеческого голоса нарушит не столько тишину, но гармонию этой тишины. Даже ощущение времени смутное — словно всегда здесь были осеннее предвечерье и ты в нем...

Смирилась природа перед близкой зимой. Притихшая, доживает свои дни в октябре покорно, словно уставший человек безучастно ждет нового, от его воли не зависящего. А в памяти — недавние дни погожего бабьего лета: последнее тепло, последние работы в полях, грибы, охота, журавлиные клики в глубоком небе.

Теперь — слякоть предзимья.

Зачастую и подолгу сеет с низкого неба сизая морось — серое, тягучее время, непрохожее, непроезжее. Однако удивительно хорошо в такую погоду посидеть у засыревшего окошка с любимой книгой или так — без дела — послушать дождик, подумав о сокровенном.

Но случается и в эту пору солнечный светлый день. Потеплеет ненадолго, а к вечеру на дворе снова сырой холод. Озябшая земля не берет влагу, и та насыщает, студит недвижный воздух, разносит уют, сырость какую-то в посеревшие лощины, по обмякшим пашням и пустынным дорогам.

В солнечное утро с заиндевелого крыльца можно увидеть сверкающее серебро изморози, ровно покрывшей за ночь ломкие побеги озимых, — искрится, тая на солнце,

затейный ковер, недолга его краса. Пойдешь луговиной — хрукает трава под сапогами, а впереди горят, не сгорая, малиновым жаром поредевшие купы осин. Ясность в воздухе необыкновенная, и везде, куда ни глянь, — та самая «безглагольность», «безбрежность» и «затаенная печаль»... Нет раздольной да неуемной удали в застывающей округе, другой красой полна осень — задумчивой, даже скорбной, но сердцу близкой неизъяснимо. Верно, это от природы человеческой — ближе нам потеря: большего лишаемся на своем пути, чаще расстаемся — сначала с иллюзиями, потом с людьми. И, может, потому так просто, хоть и с легкой горечью, принимается нами осень — время урожая, время итогов и сожалений о несвершенном, время планов или успокоенности — у кого как...

Я иду неслышным лесом по гладко выстланной сосновыми иглами тропе. Хочется подольше удержать в себе пришедшее равновесие, не спешить ни мыслью, ни взглядом. Надо присесть на мшистый пенек и смотреть-любоваться, как падают в черную воду лесного озера невесомые листья, слушать, как моросит сыпучий дождик, и думать неясно, забываясь, о чем-нибудь простом и близком. А если повезет — мелькнет что-то детское, давнее-давнее: стал на мгновение дождиком... или согнутый листок на воде представится корабликом с неизвестной жизнью...

Сырая нехоженная тропа через мелколесье опушки спускается по кочковатому логу к реке.

Ни журчания, ни всплеска. Что-то новое в воздухе — не сырость, а вроде бы запах воды и речных трав.

Невидная, непроглядно заросшая кугой, кувшинками, стрелолистом, а по берегам — путаным ивняком да частой черемухой, речка Кава мелка и маловодна. Но я люблю ее за уютную скромность, за неповторимые картины излучин, за трудолюбие, хоть и свершается ее жизнь без разума и воли. За долгие века своего существования река выточила по крутому изгибу в высоких известняках, ее окруживших, небольшой плес, но сама со временем отступила. Где-то на ее берегах человек вырубил лес для своей близкой нужды, и ушла вода — плес обмелел, а потом и вовсе высох. Порос травой и редким кустарником, превратился в прибрежный лужок, обрамленный лесистыми кручами, затихающей речкой и — по другой стороне — отвесной стеной обрыва с раслаивающимся белым камнем, с редким березовым лесом по высокому краю. И никогда, даже в самую ненастную непогоду, костер, здесь разведенный, не метался от беспорядочного ветра, а спокойно и ровно прогорал до жарких углей. Всегда в этом месте сохранялось затишье, только поверху шумел тревогою непролазный лес да капли дождя то сонно, то порывисто стучали по крыше ольхового шалашика, что я соорудил недалеко от воды еще в конце лета.

Я лежу на тулупе у входа, посматриваю на костер, трепетные стебли голенастого тростника в речных струях, дымное небо и пишу потихоньку про последний свой вечер на Каве...

Как мало находим мы времени для природы! Не всегда можно вот так — просто и беззаботно — отдать ей свои дни, не думая о несвершенном, не спеша в сутолоку и круговерть будней. А как вырвешься, тогда только почувствуешь всем существом, как опрометчиво поступал, не прислушиваясь к ее вечному зову, отняв у себя собственную частицу, неизбежную радость единения с величием и покоем.

Не все же преобразать, не всегда, кстати, зная — ладно ли поступаешь. Нужно понимать и ценить уже сделанное природой, потому что красота ее не только ради внутренней целесообразности, но и для наслаждения человеческого.

Как назвать чувство, что пусть ненадолго, но неотвратимо наполняет нас при виде

цветущей сирени, лесного безымянного ручья, кустика поникшей осоки у края воды?.. С чем сравнить приходящее в тебя, когда где-нибудь на травяной окраине города засмотришься вдруг на, казалось бы, сирую, ничем не приметную ромашку с обновленным в сентябре венчиком или улыбаешься веселой красоте цветения одуванчиков? Неизъяснимо оно, не найти этому чувству подобия, нет ему подобного — никакая отрада не осветит так, не возвысит.

Найти ли меру долга нашего перед природой? Только одним можно ответить ей — поклонением, ибо бескорыстие и щедрость эти не знают границ и не имеют сравнения в человеческом мире. Великое природа делает даром, требуя от человека разве только бережливости, а за жестокость и нерадение платит пустынями, собственной гибелью. И как бы ни были велики наши знания, что бы ни думалось о собственном величии и совершенстве, природа, вечно нас окружающая, всегда останется самой мудрой, ведь сами-то мы — крохотная частица ее. Лучшая, но все же — частица.

...На Каве вечереет. Становится зябко.

Я спускаюсь к воде, наполняю котелок и пристраиваю его среди лениво горящего костра. Изнутри к стенке прилип бурый лист черемухи — пусть останется, может, чай мой будет иметь какой-то новый, необыкновенный аромат...

Ни звука, ни движения в округе. Пухлое небо чернеет низкими тучами, только маленькие беспризорные облачка истлевают розовым в невесть как пробившихся лучах, тускнеет с каждой минутой багровая полоса неба над зубчатой кромкой леса. Сквозь стенку поредевшего дождя еле различимы на другом берегу тонкие искривленные березки, что лепятся по каменистой осыпи. Темно и размыто высится по горам лес.

Завтра мне уходить. Грустно думать о долгой разлуке со всем, что открылось здесь, став неотъемлемым. А всего-то — несколько штрихов к осени.

Последняя ночь в ольховом шалаше.

Впереди — долгий дорожный день, думы о делах, прощание с красой октября...

С. МАТЮШИН

СОБАКИ И ВОРОНЫ

Я шел с работы через пустырь. Шесть дворняг отдыхали в заветрии под бугром, свернувшись клубочками и спрятав носы от не по-мартовски холодного ветра. Немного поодаль, окружив собак почти правильным кольцом, так же неподвижно, восседали вороны. Их было десятка полтора, и они явно чего-то выжидали. Лишь изредка какая-нибудь из них встряхивалась и каркала.

Эта странная картина заставила меня остановиться. Я пытался понять, что привлекло воронье.

Наконец, когда я уже стал ежиться от холода, неподвижность этой сцены нарушил лежащий с краю рыжий пес. Он встал, потянулся, с выражением безразличия поглядел на своих собратьев и поплелся к тому месту, где снег немного протаял и виднелась прошлогодняя желтая трава. Ворона, оказавшаяся на его пути, сделала несколько шагов в сторону и поковыляла следом. К ямке, в которой только что лежал пес, деловито зашепили две вороны и стали там что-то подбирать.

Усевшись столбиком и насторожив уши, пес сосредоточенно изучал снег перед собой. Вдруг он сделал прыжок вперед по крутой дуге и с азартом стал рыть снег. Потом остановился на мгновение, обескураженно огляделся, еще раз прыгнул, на этот раз в сторону, и продолжил свои бешеные раскопки. Рыжий ловил мышей.

Глядя на него, я не мог не вспомнить морозное утро и мышкующую лисицу, оранжевым пламенем мечущуюся по заснеженной поляне. В прыжках собаки тоже была какая-то доля лисьей грациозности.

Увлечшись забавными прыжками рыжего пса, которые оставались пока безрезультатными, я совсем забыл о воронах. Одна из них сидела поодаль, наблюдая, другая тем временем шаг за шагом приближалась к охотнику. Воровато пригнувшись, она напряженно следила за движениями собаки. Наконец, отважившись, дернула ее за хвост и поспешно отлетела в сторону. Увидев, что пес не обратил на ее дерзкую выходку никакого внимания, ворона ущипнула его еще раз, потом, осмелев, принялась торопливо набивать собачьей шерстью свой клюв.

Видя безнаказанность действий своей подружки, ворона, до этого исполнявшая роль пассивного наблюдателя, последовала ее примеру, предпочитая, однако, орудовать с воздуха.

Псу было решительно наплевать на выходки наглых воровок. Лишь иногда, когда те, видно, слишком больно дергали его еще не вылинявшую шерсть, он поворачивал к ним свою недовольную, обсыпанную снегом морду. Так как демонстрация недовольства этим и ограничивалась, вороны все больше смелели. Вскоре одна за другой, с торчащей из клюва шерстью, они полетели в сторону леса, где их ожидали недостроенные гнезда.

А уставший охотник побежал к свалке искать более легкой добычи.

В. РЯБИЦЕВ, биолог

НЕРУКО

В Судзихинский заповедник, что расположен в Приморском крае, входит остров Петрова. Он находится в сотне метров от берега, невелик — можно обойти за час. Частые посетители острова — археологи, которые нашли здесь немало следов пребывания древнего человека.

Остров живописен, особенно та его часть, что глядит в Японское море. Лишь во время отливов можно вскарабкаться вверх по отвесным скалам. Когда-то в давние-давние времена природа решила поспорничать с человеком и вынесла здесь на суд людской свои творения.

...Стоят рядом и смотрят в могучие просторы Тихого океана каменные старик и старуха. Дело не просто во внешнем, так сказать, портретном сходстве — присмотритесь к снимкам внимательнее: природа, как настоящий художник, стремилась постичь характеры, выявить их глубинную сущность.

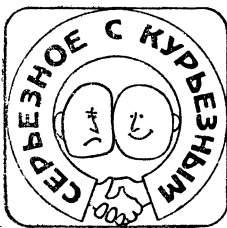
ТВОРНЫЕ

Видно, много прожил и многое видел на своем веку старик. Придавили, согнули его годы, надломился внутренне он от тяжелого труда, суровой жизни и сейчас просто так, бесцельно доживает отпущенное ему время. Что-то страдальческое проглядывает в его облике.

Зато насколько хорошо сохранилась его старуха! О, у нее далеко не робкий характер. Властность, пожалуй, даже сварливость, запечатлена в каменных ее чертах. Видно, как была она в молодости полной хозяйкой в доме, помыкая безвольным мужем, так и осталась, когда наступила глубокая старость. Несходство характеров не помешало супружеской чете дружно прожить на острове многие века, день и ночь наблюдая, как плещется у их ног великий Тихий океан.

Фото Г. ДИМОВА,
г. Владивосток

- ПРОЖЕКТЫ, ПРОЖЕКТЫ...
- ОСТРОВ НОВОГО ГОДА
- НА ВЕЛОСИПЕДЕ ВОКРУГ СВЕТА

Ни одно достижение науки и техники не порождало таких небыватых надежд и всевозможных планов, как воздухоплавание. Так, один изобретатель всерьез предлагал запрячь в подпочку азвостата целую стаю птиц, причем предпочтение отдавал орлам или соколам. Другой — Кампена — предложил в 1796 году Бонапарту построить воздушный корабль, который должен был поднимать 200 человек и мог быть направлен по желанию в любую сторону. В своем письме к императору Кампена сообщал: «Я сам берусь быть вашим кормчим; вы можете без малейшей для себя опасности плавать в воздухе над неприятельским флотом и, подобно Юпитеру-громовержцу поражать его сверху, бросая снаряды...» Изобретатель этот зашел столь далеко, что утверждал, будто его корабль в состоянии совершить полет из Парижа в Лондон, разрушить последний и вернуться в Париж в течение 34 часов. Довольно скромная, как видим, программа...

В группе Маршалловых островов есть атолл Меджит, и есть у этого атолла другое название — остров Нового года. Откуда появилось это название!

О. Е. Коцебу — русский мореплаватель, совершивший три кругосветных путешествия, — сообщает в своих дневниках: «1 января в 4 часа пополудни погода прояснилась, и с салинга меня обрадовали приятной вестью, что на NNW виден берег. Поскольку в этой стране не известен ни один отдельный остров, то я счел его за вновь открытый и назвал островом Нового года...» Произошло это в 1817 году.

В июле 1911 года три русских спортсмена отправились из Харбина в кругосветное путешествие на велосипедах. Двое из них отстали уже в Чите: утраченные трудностями, они не решились продолжать путь. Но третий — Анисий Панкратов — оказался человеком мужественным.

12 ноября он был в Москве; в марте 1912 достиг Швейцарии. Путь в Италию ему преградили Альпы. Панкратова долго отговаривали от рискованного замысла — преодолеть их на велосипеде; в конце концов швейцарские власти взяли у путешественника подписку, что в случае его гибели они не несут никакой ответственности.

Добравшись до Испании и оставив позади Пиренеи, Панкратов через Бордо и Париж направился к Ла-Маншу. Из Англии он на пароходе доплыл до Америки, где потратил четыре месяца на переход от Нью-Йорка до Сан-Франциско...

Гигантское кольцо вокруг земли Анисий Панкратов замкнул за два года и восемнадцать дней. При торжественной встрече в Харбине ему была вручена почетная лента с надписью: «Всемирному рекордсмену — путешественнику на велосипеде».

Обложка З. БАЖЕНОВОЙ

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

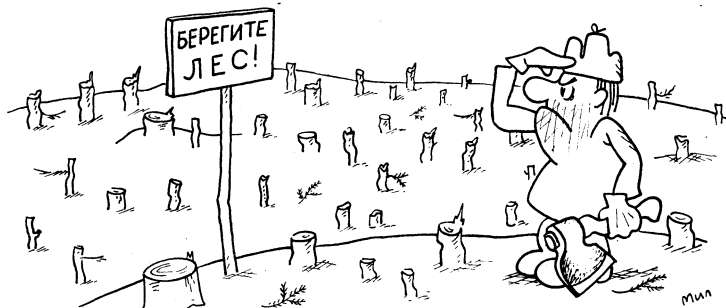
Технический редактор Э. Максимова. Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 8. Телефон 51-22-40. Средне-Уральское Книжное Издательство. Корректор В. Бурангулова.

Сдано в набор 16/X 1972 г. НС 18441. Подписано к печати 1/XII 1972 г. Бумага 84×108/16= 2,62 бум. л.—8,82 печ. л. Уч.-изд. л. 9,6. Тираж 185 000. Цена 30 коп. Заказ 547

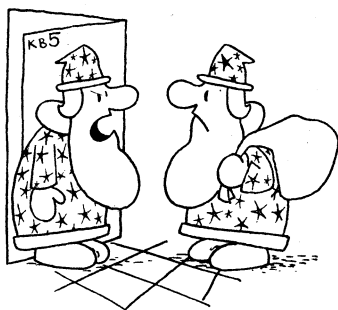
Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

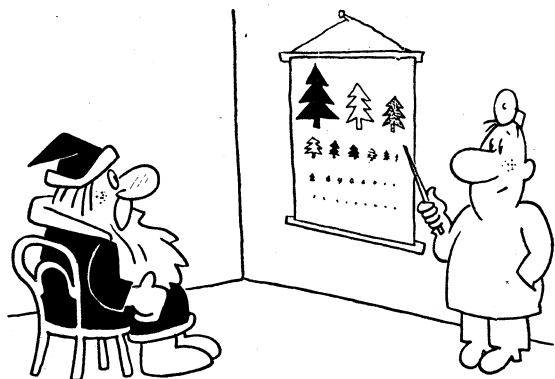
— СТОЙ! ЭТО ЖЕ КАРНАВАЛ...

Рисунки
В. Милейко,
В. Разника,
В. Тарасова

— ВАМ КОГО?

С УЧЕТОМ СПЕЦИФИКИ

ПЪ

Марина Спицына, 13 лет

В АКВАРИУМЕ

Главный редактор С. МЕШАВКИН

Редколлегия: А. АСС, А. БОГАЧЕВ [зам. главного редактора], МУСА ГАЛИ,
А. ДОМНИН, Б. КОЛЕСНИКОВ, В. КРАПИВИН, Ю. КУРОЧКИН, Г. МАШКИН,
Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, К. СКВОРЦОВ, И. ТАРАБУКИН [ответственный секретарь],
В. ШУСТОВ